

... Честное слово, мы немного завидуем вам – тем, кому предстоит прочесть эту книгу впервые. Впрочем, уверены: за перчитыванием дело тоже не станет. А еще, если получится, постарайтесь попасть на концерт Смоляка. Или на спектакль по его пьесе. Или найдите диск с песнями Бориса. Не пожалеете!

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский (Г. Л. Олди)

Имя при рождении:
Борис Анатольевич Смоляк
Дата рождения:
13 июня
Место рождения:
Харьков, Украина
Род деятельности:
актёр, бард, поэт, драматург

БЕЛЫЙ КИТ

БОРИС СМОЛЯК

БОРИС СМОЛЯК

БЕЛЫЙ КИТ

Борис Смоляк

БЕЛЫЙ КИТ

Москва
Издательство «Алькор Паблишерс»
2014

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
С51

Смоляк Б.

С51 Белый кит. – М., Издательство «Алькор Пабlishерс»,
2014. Редактор-составитель И. Хазанов. – 208 с.

БОРИС СМОЛЯК: ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЕМ

Мы давно убедились: город Харьков богат талантами. Среди наших друзей есть замечательные музыканты, поэты, прозаики, художники, артисты. Но даже среди них уникальные люди, чей талант проявляется не в одной, не в двух, а сразу во многих областях. Борис Смоляк — из таких.

Мы познакомились с Борисом больше пятнадцати лет назад. Нас позвали на концерт, заранее предупредив: «Это Смоляк!» Честно говоря, мы не поняли аргумента, но нам стало интересно. Мы пришли на концерт — и ни разу потом не пожалели об этом, посещая концерт за концертом, а некоторые даже устраивая сами. Борис «зацепил» нас с первой же песни.

Во-первых, это были стихи. Именно стихи, а не «тексты песен». Парадоксальные, неожиданные образы, от которых мурашки бегут по коже. Море аллюзий: от Библии до «Моби Дика». Сложный, иногда трудно уловимый, завораживающий ритм. Неповторимая, трудно передаваемая словами аур. Настроение — в каждой песне разное.

Во-вторых — музыка. Не «три блатных аккорда», и даже не приличный любительский уровень. Высокий класс! Сразу чувствовалось и образование, и техника. Позже мы много раз слышали Смоляка и «соло», и в компании профессиональных гитаристов, куда Борис вписывался без малейшего напряжения.

В-третьих, вокал. У Бориса сильный, подчеркнута мужской и очень артистичный голос. Он поет, как дышит, как живет — наотмашь, на всю катушку, выкладываясь, ничего не оставляя «про запас». А это дорогого стоит.

И когда все сливается в одном человеке и в одной песне...

После концерта мы заинтересовались, нельзя ли где раздобыть записи Смоляка. С записями возникла проблема (они появились позже, через несколько лет), зато нас познакомили с Борисом. С тех пор мы встречаемся регулярно, хоть и реже, чем хотелось бы.

Позднее выяснилось, что Борис — драматург. А когда на спектакле, поставленном по его пьесе, мы увидели, что

Смоляк еще и исполняет одну из главных ролей — и делает это, смеем вас заверить, замечательно...

Повторимся: талантливый человек талантлив во всем. Поэт, музыкант, композитор, драматург, актер...

Когда в Харькове начали проводить фестиваль фантастики «Звездный Мост», мы не долго думали, кого пригласить в концертную программу. Год за годом нам заранее писали участники фестиваля, собирающиеся приехать из других городов: «Концерт Смоляка в этом году будет? Когда? В какой аудитории? Я хочу привести друзей!»

Концерты, «квартирники» — в Харькове и за его пределами; спектакли, посиделки в узком кругу друзей, несколько записанных дисков, выступления на «Звездном Мосту»...

Книги у Бориса до сих пор не было. К счастью, один хороший человек решил исправить это упущение, чему мы искренне рады. Стихи и пьесы Бориса Смоляка не только замечательно слушаются в виде песен и смотрятся «на театре», но и читаются на бумаге. Откройте эту книгу — и убедитесь сами. Кстати, многие стихи Смоляка писатели давно растащили на эпиграфы и цитаты. В этом благородном деле поучаствовали и мы, и наш товарищ Андрей Валентинов — большой почитатель таланта Смоляка.

Честное слово, мы немного завидуем вам — тем, кому предстоит прочесть эту книгу впервые. Впрочем, уверены: за перечитыванием дело тоже не станет. А еще, если получится, постарайтесь попасть на концерт Смоляка. Или на спектакль по его пьесе. Или найдите диск с песнями Бориса.

Не пожалеете!

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский (Г. А. Олди)

БЕЛЫЙ КИТ

БЕЛЫЙ КИТ

Пролог

В начале зимы улицы немота
умрет от удара ботинка,
на входе в отель «Китовый фонтан»
под ногой поломается льдинка.

Оставив за дверью наземный мир,
обычаи и законы,
стоял вошедший, и в этот миг
себя ощутил Ионой.

А море кусало свои берега
зубами барашков пенных
и выло, как будто небесный орган
играл посреди геенны,

в которой огонь заменили водой,
а после иссякли силы,
и рассвет натянул хомут золотой
на моря синие спины.

А человек отправился в порт
дружить с пенькой и доскою,
чтобы смешать свой соленый пот
со сладкой пеной морскою.

А эта смесь сильнее во сто крат,
чем ром, и остатки рассудка
пьянели, а утром откинуло трап
одно сумасшедшее судно.

Часть I

Сидящий в каюте и разговор с командой

Корабль уходил от материка,
за милей глотая милю,
и братство хвоста и плавника
шло у него под килем.
Венчая все это, угрюмый, как тролль,
стерегущий свое богатство,
сидел капитан — одноногий король
своего безногого царства.

Там капитан сидел в темноте,
глядя в слепое оконце,
сжав кулаки так, что из-под ногтей,
казалось, выступит солнце.
И голос, знакомый до тошноты,
ждал от него ответа:
— Какое из царств выберешь ты?
Небесное или это?

— Это... Голос остался врагом
и молча ушел в опалу.
А капитан, деревянной ногой
стуча, поднялся на палубу.
Как падший ангел, который свой нимб
сменил на величие ада,
стоял капитан, а перед ним
стояла его команда.

* * *

— Люди! Вы ведь всегда правы,
и на каждом углу об этом трезвоните,
а что будете делать вы,
увидев кита на горизонте?
А из толпы до него долетал
шепот, тонкий, как женский волос:
— Когда мы видим кита,
мы подаем голос.

— Хорошо!..

Капитан входил в азарт,
по телу текла блаженная сладость,
и в полуприкрытых его глазах
сверкнула на миг безумная радость.
Голос стучался в низкие лбы
и бился, как тело в агонии:
— Какую песню споете вы,
когда поплывете за ним в погоню?
А люди начали тоже смеletь,
и хор прокуренный и пропитый
ответил: — Тогда мы будем петь
«Разбитый вельбот — или кит убитый!»

И радостью разорвало рот.
Капитану вторило верное эхо.
И думал стоящий напротив сброд
о том, что дороже этого смеха
во всей Вселенной нет ничего,
а смех покатился по палубе гулкой,
и каждый тайком отрывал от него
кусочек, как от свежеиспеченной булки.

* * *

Сбежавший на волю безумный восторг
в бездонных карманах курток матросских
исчез, и смеха голый остов
замертво рухнул на мокрые доски.
Отбросив в сторону ненужный труп
живой ноги движеньем бешеным,
капитан продолжил игру,
в которой победителей вешают.

Он поднимал кожу над лицом
и показывал мозга страшные таинства,
как будто голова его была терновым венцом,
а он хотел от нее избавиться.
Он говорил, что цель святая,
чтобы и юнга, и кормчий,
если увидят белого кита,
кричали в два раза громче.

Бескорыстных кормил словами он,
а для тех, что над золотом плачут,
шестнадцатидолларовый эквадорский дублон
гвоздем прибывал к грот-мачте.
Дрожал корабль под деревянною пятой,
разрывая пространство стонами,
и трюмы наполнялись бедой,
как водою через кингстоны.

Часть 2

Девочка-Смерть

Тяжким якорем вниз беда
тянула солнца спелую ягоду,
и стояла команда — как Адам,
прежде, чем откусить от яблока.
И откусили. И первый кусок
упал в голодную пропасть сущего,
где черным крылом бедственный сон
приподнял занавеску будущего.

Там ветер бил волну о причал,
играл с мокрой парусиной,
а на столе горела свеча,
и скрипело бумагой перо гусиное.

Шуря глаза на неяркий свет, —
черный капюшон на спину отбросила —
за столом сидела Девочка-Смерть,
красивая, юная, светловолосая.
Из комнаты, где дым под потолком,
где окна завешены черными шторами,
чаша мира наполнялась тайком
ураганами и штормами.

Отсюда по Земле растекалась печаль,
уродуя веселые лица,
отсюда точился топор палача,
и направлялась рука убийцы.
Отсюда, когда ночная тьма
повесит на шею алмазы-созвездия,
две маленькие женщины входят в дома,
по имени Ненависть и Возмездие.

Они переступают через порог,
едва касаясь маленькой ножкою —
и на кухне молоко превращается в творог,
в шкафах чернеют серебряные ложки.
Отсюда, видимо, по ночам
каждому на лоб горячий лепится
несмываемая, невидимая печать
с годом, числом и месяцем.

Царапало щеку локона острие,
и по бумаге буквы неровные
писали бледные руки ее —
худые, нервные, татуированные.
Аккуратно, медленно-медленно,
несколько раз, чтобы не ошибиться,
реестра камеры смертников
перелистывала страницы.

И в глазах, что под веками прячутся,
неуловимая и непослушная,
пробежала быстрая ящерица
сожаления и равнодушия.
И над городами далекими
протягивала руку свою обнаженную,
для кого — быструю и легкую,
для кого долгую и тяжелую.

Иногда она пускалась в странствия
и, сидя пред очагами домашними,
рассказывала истории странные,
удивительные и страшные.
Взрослые сходили с ума,
а дети замирали в плену колыбельном,
когда в их притихших домах
раздавался звон цепей корабельных.

Они слушали в наступающей темноте —
в очаге дрова с огнем не поладили —
о капитане, о Белом Ките
и о мальчиках-мореплавателях.

Часть 3

Мальчики-мореплаватели, Капитан и Белый Кит

Вы, мальчики, морем бредящие,
мнящие себя хотя бы юнгами,
распятые в полосатом вретисце
между северами и югами.

Безучастные к труду и учению...
Света четыре части нетленных
их разрывают, как кочевники
разрывали конями военнопленных.

В какое время — зимой или осенью,
с Востока или с Запада шествуя,
в закрытые двери стучится, просится
дух Божественного сумасшествия.

И по утрам города безмолвные
покидают детские тени призрачные,
с ослепшими глазами бессонными
от яркого света мечты несбыточной.

И их, ждущих славы и почестей,
с руками, еще помнящими кукол,
причастят солониной испорченной
и напоят водою тухлой.

И как исстрадаются их души нежные,
какие ждут их мучения адские,
когда паруса белоснежные
станут работорговые и пиратские.

И мальчик один, который смелее
и злее прочих, стоящих рядами.
Найдет для себя новое племя
и пойдет сражаться с китами.

Не до первой крови, а до самой смерти,
не до боли ушибленных переносиц, —
он выходил, как когда-то к змею
выходил Георгий-Победоносец.

А киты тоже правила знали,
и, видно, так было угодно Богу —
человек ударил кита сталью,
а кит откусил человеку ногу.

На войне бывает всякое дело,
но от той странности некуда деться,
что этот кит был снежно-белый,
как паруса из его детства.
И с этой минуты калека-мальчик
с той же страстью, с которой некогда
любил, теперь ненавидеть начал
белый цвет молока и снега.

Отныне он не находил себе места,
и будто муку чувствуя заново,
шарахался от платья невесты
и от погребального савана.

Его руки больше не знали мела
и никогда не марали бумагу,
но он не пил до горячки белой
и не поднимал белого флага.

Он вырос и даже стал капитаном,
но каждый раз, когда под утро
покрывалось море белым туманом,
он спускался к себе в каюту.

Однажды, когда он взял помазок,
зеркало, насмешливое и злое,
вдруг отразило его висок,
покрытый мертвенной белизною.

И бритва выпала из руки,
а капитану привиделось явно,
как будто в зеркале Белый Кит
смеялся над ногой деревянной.

И сидя после в таверне тесной,
катая по столу хлебный шарик,
решил капитан, что мало места
для них двоих на земном шаре.

И выйдя на воздух, чтоб не угореть,
он понял, что выхода нету:
когда Магомет не идет к горе —
гора сама идет к Магомету.

И, просыпаясь, калека кричал
и рвал простыню в темноте,
когда приходил к нему по ночам
всадник на Белом Ките.

В разгоряченное горло — глоток,
рукою — по волосам.
Не знал капитан, что этот седок
ни кто иной, как он сам.

Что в дебрях экваториальных вод,
вдалеке от родной земли
обнимет старое горло его
крепкий пеньковый линь.

Что не вернется домой беглец,
скитавшийся столько лет,
а по волнам поплывет мертвец,
под мертвецом — Кит Блед.

Часть 4

Воздушный кораблик

Сколько людей, и ныне и встарь,
даже о будущем зная заранее,
жизнь свою кладут на алтарь
одного-единственного желания.

За пределы, за поручни, за края,
разорвав пополам пуповину экватора,
поплывет в небеса золотая ладья
прочь из проекций Меркатора.

Зачерпнет облака накренившийся борт
за границами шкал Фаренгейта и Цельсия,
и в небесной таможне выпишут сбор,
и небесный егерь выдаст лицензию.

И по бурному морю небесных вод,
преданный, брошенный, гордый, бесстрашный,
отправится в свой кругосветный поход
одиноким кораблик бумажный.

Команда побрита, трезва и чиста,
на капитане мундир парадный.
По ночам приплывает молодая звезда
и трется о мокнувший борт тетрадный.

Капитан, наверное, скажет звезде
о том, что спасения нет,
что птица в небе и корабль на воде
никогда не оставят след.

Что он одинок, одноног и стар
и, видимо, обречен...
И будет гладить его звезда
по щеке теплым лучом.

Капитан заснул, капитан устал,
и он не узнал, что к утру
нечаянно-случайно прожгла звезда
в борту корабля дыру.

И из пустоты небесный десант
принесет голубой поток,
потекут равнодушные небеса
сквозь обожженный бок.

И оборвется некрепкий сон
в бездну холодных вод
и, падая огненной полосой,
зачеркнет ночной небосвод.

И на всех верфях огромной земли
опять застучат молотки,
когда море будет качать на мели
бумажные лоскутки.

С востока на запад привычный курс,
солнце — красный мячик резиновый...
Утро приходит — горький вкус
от раскушенной косточки апельсиновой.

Эпилог

Когда боги закончат игру,
и высохнут ложа морей,
ангелы выйдут на мокрый грунт,
построенные в каре.

С высот, до которых лететь сто лет,
от самых небесных врат,
не виданных братьями Монгольфье,
а также братьями Райт.

Они спустились из дальних мест,
покинув небесный плен,
чтобы посыпать солью небес
горький земельный хлеб.

Среди бессмертных — низайший чин,
рядовые небесных армад.
Отразят их суженные зрачки
ярко-алый закат.

Их ноги обнимет природный ил,
мягкий, как пальцы дев,
и усмехнется покинутый мир
тщетуности их затей,

приказу, который был им дан,
уходящим в земную топь —
собрать разрушенные суда,
чтоб их построить вновь.

Ведь даже тому, кто обречен,
дается единственный раз
попытка все повторить еще,
самый последний шанс.

И смертник купит ценой дорогой
над пропастью тонкий трос,
бесстрашно ступая босой ногой
на подожженный мост.

В местах, где плавал когда-то Ной,
отряд траншею прорыл,
украшив пятнами грязи земной
чистоту ангельских крыл.

И в мертвых долинах бывших морей,
где лот не мерил глубин,
старую мачту найдут, а на ней –
дублон золотой прибит.
Как землю целует упавший плод,
а тонущий – брошенный круг,
замерзший металл обнимет тепло
нечеловеческих рук.

И вспомнится им через тьму веков,
смутно, как в полусне,
о человеке с одной ногой
и что-то о белизне.

Вечер накормит – акриды и мед
да небесная манна.
Спрячут монету до лучших времен
на самое дно кармана.

А старший из них расскажет потом
о войнах и кораблях,
и как человек сражался с Китаем,
на котором стоит Земля.

P.S.

Когда отыграют последний акт,
кто-нибудь выйдет в конце,
и будет хлопать ему толпа
со слезами на лице.

И кто-то к рампе опустит лик
уставший, и, постарев,
станет, как будто боксер на ринг,
на аплодисментный обстрел.

Когда на каменный лабиринт
народ поменяет зал,
он смоем кровь, снимет парик
и грим уберет с лица.

И пойдет по узкой улице вниз,
напевая тихонько под нос,
и Млечным Путем повиснет над ним
белый китовый хвост.

СЛОР ОБ ИОВЕ

СПОР ОБ ИОВЕ

Действующие лица:

Монсеньор де Вольт

Мельхиор, его помощник

Эстер Соккаи, профессор

Августа, ее ассистентка

Хозяин гостиницы

Капрал Джулаццо

Действие происходит в наше время в горной деревушке на границе Италии и Швейцарии.

Все персонажи пьесы курят, и делают это, когда захотят.

Вечер. Комната Мельхиора. Слышен шум вьюги, который периодически возникает в течение всей пьесы. Мельхиор спит на диване. Заходит Августа. Склоняется над спящим Мельхиором, рассматривает его. Внезапно Мельхиор вздрагивает и просыпается.

Августа. Нет, вам не показалось. (Мельхиор удивленно смотрит на нее.) Вам не послышалось.

Мельхиор. Мне почудилось, что я слышал странный зов. Зов, в котором не было звука.

Августа. Как я уже сказала, вам не послышалось. Здешний слуга глухонемой, и у него есть собака.

Мельхиор. Тоже глухонемая?

Августа. Нет, собака как раз вполне нормальная. По крайней мере, он уверен, что у него есть собака. Не знаю, я ее не видела, врать не стану. Сейчас на улице начинается снежная буря.

Мельхиор. Я бы не стал называть это улицей.

Августа. Согласна с вами. Но если вы будете меня перебивать, то собьете меня с мысли, и я не смогу рассказывать вам дальше.

Мельхиор. Прошу прощения.

Августа. Ваши извинения приняты. Так вот — как вы только что совершенно справедливо заметили, то, что находится вне стен этого здания, действительно нельзя назвать

улицей, я употребила это выражение за неимением лучшего. Собака в данный момент находится в том месте, которое я условно называю «улицей». Слуга очень привязан к этому псу — хотя на самом деле половая принадлежность этого животного для меня тайна — и он, слуга в смысле, очень волнуется сейчас. Он стал у двери и зовет свою собаку. Мысленно, конечно. И вы слышали этот зов.

Мельхиор. Выходит, что я перехватил его послание. Так собака никогда не вернется.

Августа. Не думаю. Мне кажется, что слуга предусмотрел такую возможность. Скорее всего, его аппарат вызова работает, как радиопередатчик. Вы можете слышать, но помешать не в силах.

Мельхиор. Простите, я все время хочу задать вам вопрос весьма деликатного свойства.

Августа. Что ж, спрашивайте.

Мельхиор. Кто вы такая, и что вы тут делаете, черт побери?!

Августа. Я — Августа, ассистент профессора Эстер Соккаи. Мы прибыли час назад. И черт здесь совершенно не при чем — хотя нет, в данном случае, хе-хе, очень даже при чем. А вы — Мельхиор, секретарь монсеньера де Вольта.

Мельхиор. Мы ждали вас не сегодня.

Августа. Нам повезло. Нас доставил сюда ангел.

Мельхиор. Ангел, говорите?

Августа. Он самый. Он спустился с небес и очень любезно перенес нас сюда.

Мельхиор. Опишите его, пожалуйста.

Августа. Охотно. Он был металлическим — причем я с большой долей вероятности предположу, что это был какой-то сплав алюминия, у него был длинный хвост и огромные стеклянные глаза. У него было только одно крыло, но он двигал им так быстро, что казалось, будто у него тысяча крыльев.

Мельхиор. Это больше похоже на вертолет.

Августа. А это и был самый, что ни на есть, вертолет. Мы прилетели сюда с базы горной авиации. И на вертолете, который нас привез, большими красными буквами было написано «Ангел».

Мельхиор. Жаль. А я вам почти поверил. Я вообще очень доверчив. Люди этим часто пользуются.

Августа. Вы верите в ангелов?

Мельхиор. Верую, ибо это абсурдно. Так сказал Тертуллиан, если память мне не изменяет. А вообще, я бы предпочел не обсуждать эту тему. Это касается только меня — и ангелов.

Августа. Как вам угодно. *(пауза)* Ну что, так и будем сидеть?

Мельхиор. *(озадаченно)* Простите, что?

Августа. Сидеть, как дураки? У вас есть что-нибудь выпить?

Мельхиор. Вы с ума сошли. Сейчас уже поздно.

Августа. Ну и что? Я же не предлагаю напиться. Так, немного — за знакомство.

Мельхиор. Сожалею, но у меня нет ничего спиртного.

Августа. И зря. А вот у вашего шефа — наверняка есть.

Мельхиор. Я бы попросил не поминать моего шефа, как вы изволили выразиться, всуе.

Августа. Я смотрю, вы ему весьма преданы.

Мельхиор. Весьма.

Августа. А ведь он персона довольно скандально известная в определенных кругах.

Мельхиор. В определенных кругах. Не в ваших.

Августа. Ладно, замнем эту тему. *(смотрит на стол)* Что это вы читаете?

Мельхиор. Библию.

Августа. Весьма похвально.

Мельхиор. Благодарю.

Августа подходит к столу, берет книгу, читает.

Августа. «Жил человек в земле Уц, и звали его Иов. Был он праведен и удалялся от зла». Разве можно удалиться от зла?

Мельхиор. Эччеленца говорит, что удалиться от зла невозможно. Но должно пытаться это делать.

Августа. Эччеленца — вы так называете монсеньера де Вольта?

Мельхиор. Да. Ему это нравится.

Августа. Судя по всему, вы с ним очень близки.

Мельхиор. Весьма.

Пауза.

Августа. Очень странно, что у вас открыта Библия там, где говорится про Иова. Мы ведь здесь из-за него.

Мельхиор. Ничего странного в этом нет. Именно потому, что мы здесь из-за него, я на ночь читал Книгу Иова.

Августа. А что вы знаете об этом?

Мельхиор. О чем?

Августа. О том, из-за чего мы здесь. Об этой иконе.

Мельхиор. Эччеленца не понравится, если я буду болтать об этом на каждом углу.

Августа. Но здесь ведь не угол, Мельхиор. И я не кто попало. Я тоже в этом участвую.

Мельхиор. Августа, вы ведь ассистент профессора Сокаки. Разве она вам ничего не рассказывала?

Августа. Но она сама практически ничего не знает. Вся эта история окутана тайной и окружена таким количеством недомолвок, что просто диву даешься.

Пауза.

Мельхиор. Это очень долгая история.

Августа. Ну а вы сделайте, так сказать, краткий синопсис.

Мельхиор. Ладно. Это одна из редчайших икон. Может, даже самая редкая в мире. Она написана в первой половине VI века от Р.Х. неким Теодахадом из Танагасты. Танагаста — это в северной Африке. Там, кстати, родился блаженный Августин. Икона эта называется «Спор об Иове». Вам ведь знакома история Иова?

Августа. К своему стыду, скажу, что весьма смутно.

Мельхиор. Иов был праведником, настоящим, стопроцентным праведником. И — по тем временам — состоятельным человеком. У него была масса верблюдов, овец, рабов, шатров, повозок, детей и так далее. И он жил в свое удовольствие и славил Бога. А Бог один раз встретился с Сатаной и повел с ним беседу, которую без большого преувеличения можно назвать дружеской. Предметом беседы был Иов. Бог говорил — какой Иов молодец, какой он славный парень и все такое. А Сатана говорит — это он сейчас герой, когда у него все хорошо, когда он благоденствует, чего б ему-то Бога не славить; а вот лишить его всего — тут он по-другому запоет, начнет богохульствовать, как последний нечестивец. В общем, они долго спорили и пришли к выводу, что проверить

это можно только эмпирическим путем. И Бог говорит — ладно, делай с ним все, что хочешь — только душу его не тронь.

Августа. По-моему — так себе поступок.

Мельхиор. Ну, а Сатана и рад стараться. В течение короткого времени он последовательно лишил Иова верблюдов, овец, рабов, шатров и повозок. Иов держался молодцом и по-прежнему славил Господа. Потом враг рода человеческого взялся за его семью и истребил сыновей Иова, на что Иов ответил: Бог дал — Бог взял. Но у Сатаны было еще кое-что припасено. Он наслал на Иова палочку Ганзена.

Августа. Какую палочку, простите?

Мельхиор. Ганзена. Возбудитель проказы.

Августа. А почему вы не сказали просто — проказу?

Мельхиор. Наверно, потому, что хотел похвастаться своей образованностью.

Августа. Тогда понятно. Там еще долго до конца — эта история мне уже наскучила.

Мельхиор. Конец близок. Последнее испытание действительно не понравилось Иову, но и тут он продолжал являть чудеса выдержки; он говорил, что мы принимаем от Бога доброе — почему бы нам не принять и злое. Но неприятный такой осадок у него все же остался. Он разодрал одежды, посыпал голову пеплом и сел у кучи мусора; где пребывал, скорбя. Потом пришли его друзья, и в течение долгого времени вели с ним пространные беседы о грехе и праведности, каре и воздаянии. В конце концов явился сам Господь и лично расставил все точки над «i». Зло было наказано, добро поощрено, Иову вернули его имущество, здоровье и семью; потом все разошлись довольные и радостные.

Августа. Смысл рассказанного вами ускользает от меня.

Мельхиор. Концептуальный смысл этой истории состоит в том, что наказание не всегда дается за грехи. Иногда Господь наказует невинных и праведных, чтоб испытать их и укрепить в вере.

Августа. Разве хорошо безвинного человека подвергать таким мучениям?

Мельхиор. Поймите, поступки Бога нельзя судить с точки зрения человеческой логики и морали. Это люди могут быть злыми или добрыми, а Бог... Бог — он просто есть.

Августа. Браво! Да вы просто проповедник какой-то.

Мельхиор. Стараюсь.

Августа. А какое отношение все это имеет к нам?

Мельхиор. Самое прямое. У этой иконы была очень бурная судьба, о которой я не имею сил — да и желания — сейчас рассказывать. Ее долгое время считали утерянной, а некоторые специалисты вообще сомневались в ее существовании. Как вы, наверное, знаете, монсеньер де Вольт возглавляет в Ватикане некое ведомство, которое ведет розыск подобных артефактов. Некоторое время назад он начал получать письма, содержание которых вселяет надежду на то, что эта икона будет вновь обретаена.

Августа. А почему мы здесь?

Мельхиор. Пребывание здесь является одним из условий, которое поставил таинственный автор писем.

Августа. Странно все это.

Мельхиор. Согласен с вами.

Пауза.

Августа. Скажите, а почему у вас такое диковинное имя? Оно похоже на сплав меди и никеля.

Мельхиор. Так звали одного из волхвов, которые явились поклониться младенцу Христу. Меня так назвали родители, они хотели, чтоб я принес свои дары Господу.

Августа. А Господь нуждается в ваших дарах?

Мельхиор. Сейчас время такого духовного оскудения, что Господу будет приятна любая поддержка. Даже такой незначительной личности, как я.

Августа. По-моему, вы себя недооцениваете.

Мельхиор. Не знаю. Мне кажется, что я просто не заблуждаюсь на счет себя. Я всего лишь коготки, скребущие дно безмолвного океана, но это мыслящие коготки. Послушайте, Августа. В начале нашей беседы я задал вам вопрос, состоящий из двух частей. На первую половину вы ответили, а вот вторую проигнорировали.

Августа. А что было во второй половине?

Мельхиор. Я спросил вас, зачем вы пришли. С какой-то целью или просто поговорить?

Августа. Да, с целью.

Мельхиор. С какой же?

Августа. *(со значением)* Ибо плоть моя жаждет соития.

Мельхиор. (*ошеломленно*) Чего, простите?

Августа. Все вы поняли. Не заставляйте меня опускаться до непристойностей.

Мельхиор. Но почему ко мне?

Августа. А к кому еще? Вы здесь, по-моему, единственный мужчина моего возраста. Я зашла к вам, когда вы спали, и осмотрела вас. Результат меня вполне удовлетворил.

Мельхиор. (*смущенно*) Ну, знаете ли...

Августа. (*перебивает*) А что? Вы же не монах?

Мельхиор. Я-то не монах, но все же ...

Августа. (*перебивает*) Ах, оставьте! Подумайте, другого шанса у вас может и не быть. Завтра я на вас, может, и вообще не посмотрю. Мы, женщины, так переменчивы в своих пристрастиях. Ну, так — да, или нет?! (*Мельхиор в нерешительности.*) Решайтесь, Мельхиор! Я — не Иов, долго терпеть не буду!

На лице Мельхиора отражается борьба внутри него.

Мельхиор. Да! Черт побери — да!!! Всегда мечтал это сделать!

Августа. Так вы девственник, мой милый Мельхиор?

Мельхиор. Ну, технически — да. Впрочем, я не комплекую по этому поводу.

Августа. Ничего, сейчас мы это исправим. (*садится к Мельхиору на колени, обнимает его одной рукой.*)

Августа. (*очень интимно*) Знаешь, Мельхиор, ты не подумай плохого, я не блудница какая-нибудь, просто иногда такое накатывает — сил нет. У меня редко бывают мужчины, и мое тело долго помнит их. Несколько дней, Мельхиор, полости чрева моего будут помнить твою плоть, и кожа моя будет пахнуть твоим запахом, но я не буду помнить ни лица твоего, ни тела, и если встречу тебя, посмотрю, как на незнакомца.

Мельхиор. Но почему?

Августа. Потому, что я сейчас сплю. Я — сомнамбула.

Целует Мельхиора, свет гаснет.

.....

Утро. Комната де Вольта. Де Вольт лежит на кровати.

Де Вольт. *(еле слышно, хриплым полузадушенным голосом)* Мельхиор! *(чуть громче)* Мельхиор!! *(кричит)* Мельхиор!!!

Входит Мельхиор.

Мельхиор. Еще минута и я бы сам пришел, эччеленца.

Де Вольт. Боюсь, что у меня нет минуты, Мельхиор. Я умираю.

Мельхиор. Надеюсь, что это выражение вы употребили в качестве своего рода гиперболы.

Де Вольт. Пока — да; но еще немного — и реальность падет на меня всей тяжестью. Поторопись, Мельхиор — там у меня в саквояже еще должно остаться.

(Мельхиор лезет в саквояж, достает от туда полтора литровую пластиковую бутылку с темной жидкостью, наливает полстакана, дает де Вольту)

Де Вольт. Благодарю тебя, мой верный Мельхиор. *(смотрит на стакан одновременно с любовью и отвращением)* Вот оно — великое мистическое искупление! *(выпивает, его тело корчится в дикой судороге, которая в скором времени проходит.)*

Мельхиор. Зачем вы пьете, эччеленца?

Де Вольт. *(ему уже заметно лучше)* Пью — ибо это абсурдно. Я пью — следовательно, я существую.

Мельхиор. Но вы так страдаете порой.

Де Вольт. Что делать! Это неизбежная плата заглянувшего за грань. Знаешь сказку про Русалочку? Она так любила принца, но не могла с ним соединиться, потому что у нее не было ног, а ее прекрасного хвоста принц не коснулся бы даже концом трехметровой палки, ибо у людей очень сильны расовые предрассудки. Тогда Русалочка пошла к злой колдунье *(наливает)* и говорит — помоги мне, ибо я изнемогаю от любви. *(выпивает)* А колдунья говорит — хорошо, я помогу тебе, но, понимаешь, тут такое дело, эта модель ног, что я собираюсь тебе имплантировать, и твое тело — в общем, возможен, так сказать, конфликт версий. Короче говоря, каждый шаг будет причинять тебе дикие мучения. Ну что, согласна? А Русалочка говорит — согласна, согласна, давай имплантируй поскорее. В общем, Русалочка стала счастливой обладательницей пары превосходных ног,

и могла бегать за принцем, сколько душе ее будет угодно. А боль? Что такое боль для тех, кто возвысился духом? Так и я, каждый раз, когда я собираюсь выпить, я знаю заранее об уготованных мне страданиях, но все равно пью, ибо так я унижаю свою плоть, ибо на том стою и не могу иначе, как говаривал старина Лютер на судилище в Вормсе. Впрочем, я не очень люблю Лютера.

Далее время от времени наливает и пьет.

Мельхиор. А по мне, так вы очень неплохо проводите время.

Де Вольт. И то верно. Таким образом, я убиваю сразу двух зайцев — поднимаюсь на вершины радости и опускаюсь в бездны страдания — и то и другое одинаково полезно для познающего.

Пауза.

Мельхиор. Всегда хотел вас спросить — почему вы возите коньяк в этих бутылках?

Де Вольт. Этому гениальному трюку меня научил в свое время преподобный Буонакорсо, один из лучших людей, что я знал, мой покойный наставник. Во-первых, это очень удобно, я бы сказал эргономично — они не бьются, в них больше помещается, их удобнее перевозить через границу; а во-вторых — это вечный спор между формой и содержанием, между материей и духом. Коньяк — это напиток, которому изначально присуща гордыня, и, переливая его в эти простецкие сосуды, я умаляю его гордыню и добавляю к нему толику смирения.

Мельхиор. А почему вы пьете именно коньяк?

Де Вольт. Потому что мне тоже присуща гордыня, но я с ней борюсь. Пытаюсь бороться, во всяком случае. Когда я переливаю коньяк, он неизбежно теряет часть своих органолептических характеристик, но приобретает нечто, что я называю толикой смирения. И когда я пью этот новый улучшенный коньяк, это смирение переходит ко мне. Впрочем, я могу пить все, что угодно, если понадобится. Вот как вчера, например.

Мельхиор. А что было вчера?

Де Вольт. Битва титанов — вот, что было вчера. Я собой горжусь.

Мельхиор. Так расскажите, эччеленца, что ж вы тянете?

Де Вольт. Когда мы сюда вселялись, в холле внизу стояли хозяин и его приятель, капитан горных стрелков. По нескольким фразам, брошенным вскользь, я понял, что эти люди относятся без должного почтения к Римской церкви вообще и к ее служителям, в частности. Во мне разыгралась кровь моих предков-крестоносцев — ибо род де Вольтов славен отважными рыцарями. Вечером я спустился вниз и предложил этим язычникам сойтись в честном поединке — в смысле, выпить, так сказать, «на характер». Предложение мое было принято с вежливым скепсисом. Пили мы ужасающую виноградную водку местного разлива — я оставил за противником право выбора оружия — и уже через час мы были лучшими друзьями. Я осознавал важность моей миссии и приложил все силы, чтоб достичь положительного результата.

Мельхиор. Так вы победили?

Де Вольт. Да, Мельхиор. Я пошел блевать на полчаса позже, чем они.

Мельхиор. Никогда не смогу понять, эччеленца, как вы можете пить со всяким сбродом.

Де Вольт. Это не сброд, Мельхиор. Это достойные люди. Непонятно — откуда у тебя-то такая гордыня? И потом — с кем мне еще пить? С тобой, что ли? Помнишь, что было в последний раз, когда мы пили с тобой?

Мельхиор. *(с ужасом)* Помню, но очень плохо.

Де Вольт. То-то же. Так что не суди — и не судим будешь. Хотя, знаешь, сейчас все так полюбили это выражение, что ни у кого не хватает смелости быть судьей; а иногда как раз судить нужно.

Пауза.

Мельхиор. Вы что, серьезно считаете, что вот вы выпили с этими пропойцами, и заставили их уважать церковь?

Де Вольт. Не знаю, не знаю. Уж себя-то я уважать заставил. Во всяком случае, они мне это говорили. А вообще — не надо рассматривать церковь, как некую абстракцию. Церковь слагается из людей. В данном случае из меня.

Мельхиор. А разве поведение ваше совместимо с тем, как подобает себя вести священнослужителю?

Де Вольт. Это очень скользкий вопрос. Я думал над этим. Дурной священник все равно остается священником, все равно несет в себе частицу благодати. Приведу пример — существует, допустим, некий учитель математики, подлец и негодяй. С начальством — он подобострастен, с учениками — жесток; с домашними — сущее чудовище; обладает кучей противоестественных склонностей, все перечислять не буду, скажу только, что невыразимое удовольствие ему доставляет тайком переодеваться в женское белье. Короче — экземпляр из bestiария Сатаны. Но когда он приходит в класс и говорит, что сумма двух единиц равняется двум, устами его говорит сама Истина. *(задумчиво)* А что есть Истина? *(Мельхиору)* Понимаешь, куда клоню?

Мельхиор. Кажется, понимаю. А это что, знакомый ваш какой-то?

Де Вольт. *(удивленно)* Кто?

Мельхиор. Ну этот — учитель математики?

Де Вольт ошеломленно смотрит на Мельхиора, потом начинает неистово смеяться, Мельхиор присоединяется к нему.

Де Вольт. Да-а! Насмешил ты меня! Хорошо же ты обо мне думаешь. Никак не могу понять, ты это серьезно говоришь, или так, поиздеваться надо мной решил.

Мельхиор. Не знаю, эччеленца. Как-то так само получилось.

Де Вольт. Ну ладно, Мельхиор. Ну что, выпьешь со мной?

Мельхиор. *(колеблется)* Ну, разве что самую малость.

Де Вольт. А я тебе много и не налью.

Наливают, пьют, Мельхиор моментально пьянеет (слегка).

Мельхиор. Скажите, эччеленца, а вы вот можете выпить вот такой стакан одним глотком?

Де Вольт. Могу, сын мой. Только сейчас показывать не буду.

Мельхиор. А сразу потом — еще один стакан — одним глотком?

Де Вольт. Да, но это уже будет не во благо.

Мельхиор. А третий?

Де Вольт. (*с грустью, задумчиво*) Нет, пожалуй, третий, одним глотком — тяжелоовато будет. Это мог только блаженной памяти преподобный Буонакорсо. Какой был человек! Да-а... (*уходит в свои размышления*)

Пауза.

Мельхиор. Эччеленца, я нуждаюсь в вашей помощи как духовного пастыря.

Де Вольт. Я к твоим услугам, сын мой.

Мельхиор. Понимаете... я... как бы это сказать... согрешил.

Де Вольт. Согрешил — сейчас камнями закидаем. Шучу. Ну, что ты натворил?

Мельхиор. Моя стыдливость делает рассказ об этом весьма проблематичным.

Де Вольт. Так — на, еще выпей. (*наливает, Мельхиор пьет*) Ну что, готов, или еще?

Мельхиор. Пожалуй, хватит.

Де Вольт. Так как же ты согрешил?

Мельхиор. Скажем так — это был блуд.

Де Вольт. Блуд бывает разный. Не пугай меня.

Мельхиор. (*набирается смелости*) Я переспал с женщиной.

Де Вольт. Ну, с женщиной — это еще не так страшно. Насколько я понимаю, у тебя это первый грех подобного рода?

Мельхиор. Да, эччеленца.

Де Вольт. Что ж, рано или поздно — все равно это должно было произойти. Разве можно устоять против природы?

Мельхиор. Сказать по правде, я испытываю нечто вроде первичной фрустрации.

Де Вольт. Староват ты уже для фрустраций. Если тебя волнует моральный аспект этой проблемы, то можешь не волноваться — я отпускаю тебе этот грех, да и Господь, я думаю, не обидится. Ведь люди так слабы, а дьявол так силен.

Мельхиор. Вы думаете, меня искушал дьявол?

Де Вольт. А кто ж еще? Он самый. Враг рода человеческого. Князь мира сего.

Мельхиор. А не многовато ли он на себя берет?

Де Вольт. Много ты понимаешь. А свобода воли на что? Господь справедлив, Мельхиор. Дьявол творит зло с Божьего попущения, ибо и последний из падших волен творить то, к чему склонна его натура. Сатана искушает человека — это правда. Но число демонов, которых Отец Зла насылает на свою жертву, никогда не бывает настолько велико, чтоб жертва не могла противиться искушению.

Мельхиор. А если жертва поддается — тогда что?

Де Вольт. А это значит, Мельхиор, только одно. Что у жертвы просто кишка тонка. Или демонов слишком много — дьявол иногда мошенничает, я так думаю.

Мельхиор. В этой женщине было, по меньшей мере, тысяча демонов.

Де Вольт. Ну, тогда у тебя не было ни малейшего шанса. Одного не могу понять — где ты тут умудрился найти женщину, пригодную к соитию?

Мельхиор. Она сама меня нашла. Это Августа. Ассистент профессора Соккаи.

Де Вольт вскакивает, бежит, орет и т.д.

Де Вольт. Что? И ты мне не сказал сразу? Они же не должны были сегодня приехать.

Мельхиор. Они прилетели вчера вечером на вертолете.

Де Вольт. Мне коней! У нас же еще ничего не готово! Никакого знака не было! Что я ей скажу?! Она может заявиться сюда в любой момент, а я тут сижу и тупо пью. Надо как-то прибраться. Мельхиор, прячь коньяк!

Тихо входит профессор Эстер Соккаи.

Эстер Соккаи. Мельхиор, не прячь коньяк. Я тоже выпью.

Всеобщее замешательство.

Эстер Соккаи. (обращаясь к де Вольту с непередаваемой интонацией) Монсеньер де Вольт — я полагаю?

Пользуясь ситуацией, Мельхиор исчезает.

Де Вольт. Он самый — великий и ужасный. Знаете, мадам Соккаи, вы так внезапно сюда вторглись и застали меня

в таком неприглядном виде — я должен покраснеть. Непременно, обязан просто. Но не краснею. Наверное, я закоснел во грехе. Хотя, знаете — там внутри я достаточно красен, я б сказал даже — кровав. Так что вы там говорили на счет выпить?

Эстер Соккаи. Я тоже выпью. С удовольствием. Если вы позволите. Знаете, тут безумно холодно, ночью была снежная буря, настоящий шторм, а тут я встречаю прием, который только с большой натяжкой можно назвать теплым.

Де Вольт. За прием прошу прощения. Но вы ведь не станете оспаривать, что ваше общество мне навязано — и кем, кардиналом Сегурой, моим злейшим врагом. Так что — выпьем?

Эстер Соккаи. Выпьем, выпьем, монсеньер де Вольт. (*наливают, пьют*) Послушайте, я тут нахожусь в роли независимого эксперта, и мне нет дела до ваших распрей с кардиналом — я хочу, чтоб вы это поняли.

Де Вольт. Понял, понял. Как же не понять? Однако, скажу честно — ваше появление застало меня врасплох. У меня еще не все готово.

Эстер Соккаи. Простите, не готово — что?

Де Вольт. (*смуценно*) Ну, в общем, э-э... — не готово. Может, выпьем?

Эстер Соккаи. Выпить-то мы выпьем, но вы скажите — икона у вас?

Де Вольт. Нет. А у меня ее и не должно быть. Сейчас не должно.

Эстер Соккаи. А что должно быть у вас?

Де Вольт. Ну, скажем так, — информация о ее местонахождении.

Эстер Соккаи. И этой информации у вас тоже нет.

Де Вольт. Пока нет. Но она появится, я обещаю.

Эстер Соккаи. Простите, когда появится?

Де Вольт. Скоро. Это что, допрос?

Эстер Соккаи. Это не допрос. Но, согласитесь, я тоже имею право что-то знать.

Де Вольт. Безусловно, имеете. Боюсь только, что вы можете неверно воспринять это. Поэтому я стараюсь оттянуть этот момент изо всех сил. Пока мне это удастся. Не правда ли?

Эстер Соккаи. Правда. Из вас слова клещами не вытянешь. Но вы отдаете себе отчет в том, что ваше поведение

не способствует созданию положительного образа? Вашего образа, замечу.

Де Вольт. (*устало*) Отдаю, отдаю. Я все расскажу вам, но ради Бога, дайте мне морально созреть для этого. А пока — может, вы что-нибудь расскажете?

Эстер Соккаи. Что рассказать?

Де Вольт. Что вам известно? О Теодахаде. О его иконе.

Эстер Соккаи. Вряд ли мне известно больше, чем вам. Год рождения Теодахада неизвестен. Но с большой долей вероятности можно предположить, что годом его смерти, наверняка насильственной, был 534 год от Р.Х.

Де Вольт. Во время нашествия Велизария.

Эстер Соккаи. Да. Ибо в тот год государство вандалов северной Африки пало под натиском войск Византии — не первое падение Карфагена и далеко не последнее — я полагаю. Теодахад из Танагасты был вандалом, и в том ирония истории, что он был единственным художником из народа, чье имя стало нарицательным для обозначения бессмысленного уничтожения произведений искусства, и единственное известное произведение этого художника большинством моих ученых коллег считается безвозвратно утерянным. Предполагают, что Теодахад вращался в высшем обществе и был приближенным, а возможно и близким другом, несчастного Геламира Асдинга — последнего короля вандалов. Из некоторых источников ясно, что Теодахад был священником, вероятно арианского толка.

Де Вольт. Несомненно. Вандалы исповедовали эту ересь, отказывающую Спасителю в праве на Божественность.

Эстер Соккаи. Теодахад был, как бы сейчас сказали, художником-любителем. И я так понимаю, рисовал он далеко от совершенства. Впрочем, его это, по-видимому, мало волновало. После падения Карфагена икона в числе других трофеев была переправлена с Константинополь. И тут начинается ее странная судьба. Икона не соответствовала изысканному вкусу обитателей Византии и, к тому же, обладала сомнительным религиозным подтекстом. Поэтому она была отправлена в тогдашний аналог запасников, и в течение долгих семи столетий о ней ничего не было слышно. В следующий раз она всплывает в 1204 году при разграблении крестоносцами Константинополя во время четвертого крестового похода. Опять же, как военный трофей, она достается рыцарю Реджильберту де Монье, и он увозит ее на

родину в Бургундию. И опять на два с половиной века ее следы теряются. Потом она встречается в списках военной добычи Людовика XI после разгрома Карла Смелого и утраты Бургундией суверенитета в 70-х годах XV века. В начале семнадцатого столетия она попадает в Прагу к безумному Рудольфу II Габсбургу, и там ее видит Джанкарло Питти, итальянский дипломат, которому удается сделать карандашный набросок с иконы. В XIX веке о ней упоминает Генрих Гейне. Он якобы видел ее в частной галерее одного неаполитанского нувориша, не названного по имени. Имеется свидетельство — правда, весьма, я бы сказала, апокрифического характера, что уже в XX веке икона была замечена в коллекции Гиммлера, большого любителя подобного рода артефактов. С тех пор — до сегодняшнего дня больше не было никаких упоминаний о том, что какая-нибудь живая душа видела эту икону, или видела человека, который видел эту икону, или видела человека, который видел человека, который видел человека, который — и так далее — если конечно, монсеньер де Вольт, вы не соблаговолите сообщить что-нибудь новенькое.

Де Вольт. Bravo! Превосходная лекция. Думаю, что вы заслужили немного промочить горло. *(наливает)*

Эстер Соккаи. Не откажусь. Спасибо. *(пьют)* Ну что, монсеньер де Вольт? Вы созрели?

Де Вольт. Созреть-то я не созрел, но делать все равно нечего — придется рассказывать. Как вы наверняка знаете, я возглавляю отдел, который занимается поиском утерянных произведений искусства. Должность не пыльная, она оставляет мне достаточно времени, чтоб предаваться порокам, из коих главнейшим является — как вы уже наверно догадались — безудержное пьянство. Полгода назад я еще и не подозревал о существовании этой иконы, что, впрочем, неудивительно.

Эстер Соккаи. И как же вы узнали?

Де Вольт. Я прочитал о ней в одном из трудов Виссариона Никейского. И это, я вам скажу, был перст Божий. Или не Божий — не знаю.

Эстер Соккаи. К своему стыду признаюсь, это имя мне ни о чем не говорит.

Де Вольт. *(тоном лектора)* Виссарион, архиепископ Никейский, 1403–1472 гг., византийский церковный деятель, ученый, гуманист. Считал религиозную унию

с католической церковью необходимой для борьбы с турками. После провала Флорентийской унии, которая была отвергнута православным духовенством, иммигрировал в Италию, где, перейдя в католичество, получил сан кардинала. Знарок, переводчик и пропагандист древнегреческой литературы и философии.

Эстер Соккаи. Звучит внушительно.

Де Вольт. Да. Это был один из достойнейших людей своего времени. Сам-то он, конечно, иконы в глаза не видел, но зато кое-что слышал о Теодахеде из Танагасты. Очевидно, какие-то сведения в то время еще существовали. Так вот — Виссарион Никейский пишет, будто Теодахад утверждал, что он рисовал с натуры.

Эстер Соккаи. Однако! С натуры, говорите?

Де Вольт. Чтоб вам было проще, предположите, что у него были видения.

Эстер Соккаи. Тут нет ничего удивительного. Многие душевнобольные зарисовывают свои галлюцинации.

Де Вольт. *(со странной твердостью)* Я различаю галлюцинации и видения.

Эстер Соккаи. *(с вызовом)* А я — нет.

Де Вольт. *(с неожиданной резкостью)* Значит, по-вашему, у святого Павла по дороге в Дамаск были галлюцинации? А Моисей на горе Синай — он что, бредил? Да?!

Эстер Соккаи. *(очень холодно)* Монсеньер де Вольт...

Де Вольт. Ладно, простите. Так вот — этот факт меня заинтересовал. Я послал запрос в хранилище. И знаете, что я там обнаружил?

Эстер Соккаи. *(устало)* Что?

Де Вольт. Карандашный набросок Джанкарло Питти. Вы его видели?

Эстер Соккаи. Постыдно в этом признаваться, но — уввы.

Де Вольт. В свое время наследники рода Питти передали свой архив Ватикану. Там было множество поистине бесценных манускриптов, инкунабул и тому подобного, в том числе и этот набросок. Я сделал копию. *(достает листок, дает Соккаи)* Что вы скажете?

Эстер Соккаи. *(разглядывая листок)* Этот Джанкарло Питти возможно был выдающимся дипломатом, но рисовал он еще хуже, чем Теодахад.

Де Вольт. Опишите, что вы видите?

Эстер Соккаи. Ну, что сказать — в центре два каких-то зыбких силуэта, которые с большой натяжкой можно назвать антропоморфными, я так полагаю — это Господь и Сатана. Внизу четыре совсем маленькие фигурки — это, надо полагать, Иов с друзьями. Наверху и по бокам — ангелы, солнце, луна, планеты.

Де Вольт. Теперь посмотрите сюда. (*показывает пальцем*) Что это?

Эстер Соккаи. Похоже на Сатурн.

Де Вольт. Правильно, это Сатурн. Вас это не удивляет?

Эстер Соккаи. А что меня должно удивлять?

Де Вольт. Кольцо.

Эстер Соккаи. Кольцо?

Де Вольт. А точнее, кольца. В шестом веке люди не знали о существовании колец у Сатурна. Их открыл Гюйгенс во второй половине XVII века. Я смотрел в энциклопедии. (*пауза*)

Эстер Соккаи. (*немного смущенно*) И что это может значить?

Де Вольт. Теодахад что-то видел, мадам Соккаи, да, определенно, он что-то видел.

Эстер Соккаи. Послушайте, монсеньер де Вольт, вам не кажется, что вы выдаете желаемое за действительное? Если посмотреть непредвзято, то здесь нарисован маленький кружок, перечеркнутый маленьким же овалом. Это может означать что угодно. В конце концов, это могут быть измышления Питти.

Де Вольт. Питти видел икону в коллекции Рудольфа II. А Рудольф II умер в 1612 году. Задолго до открытия Гюйгенса. Хотя за два года до смерти Габсбурга Галилей наблюдал Сатурн в телескоп и заметил, что с планетой что-то неладно; ему показалось, что Сатурн троицца у него в глазах, он списал это на несовершенство прибора. Возможно, у него получилось бы больше, но ему помешали.

Эстер Соккаи. (*ядовито*) Ваши коллеги, замечу.

Де Вольт. Знаете, у вас, да и у многих, подобных вам, превратное представление о моих коллегах, как вы изволили выразиться. Похоже, вы считаете, что это были люди, которые утром просыпались и говорили друг другу: «Что-то скучно, господа! А не зажарить ли нам какого-нибудь жиренького альбигойца!»

Эстер Соккаи. Да, что-то в этом роде. Но вы отвлеклись, монсеньер **Де Вольт.** Вы рассказывали вашу историю.

Де Вольт. Ладно. Прошу прощения. На следующий день после обнаружения рисунка я получил письмо.

Эстер Соккаи. Письмо, говорите?

Де Вольт. Да, говорю. Хотя, я не прав. Письмом, наверное, можно назвать то, что прошло через почтовое ведомство, а это был просто конверт без опознавательных знаков. Внутри было весьма странное послание.

Эстер Соккаи. Послание, говорите?

Де Вольт. Именно послание. В котором мне предписывалось в весьма высокопарных выражениях, найти оригинал рисунка. Икону, то есть. К письму была приложена карта. Вернее, даже фрагмент карты крупного масштаба, на котором был изображен перекресток двух улиц и дом, стоящий на углу. Потратив неисчислимое количество умственной энергии, за достаточно короткое время мне с большой долей вероятности удалось определить, что речь идет о некоей гостинице в Таранто. Я немедленно отправился туда и в означенной гостинице обрел новое послание.

Эстер Соккаи. Тоже с картой?

Де Вольт. Да. С каждым разом расшифровка давалась мне все легче и легче. Я не сразу находил послания, зачастую они были в самых неожиданных местах, но я все время чувствовал, как чья-то невидимая рука направляет меня. Я шел через всю страну с юга на север, постепенно приближаясь к границе. Наконец, в Турине я получил послание, где было сказано, что следующий пункт — предпоследний. Этим пунктом была Монтеальба — крошечная альпийская деревушка на самой границе — место, где мы сейчас находимся. Здесь я должен получить окончательные инструкции.

Эстер Соккаи. Вы их получили?

Де Вольт. Пока нет. Надо подождать.

Эстер Соккаи. Сколько?

Де Вольт. Не знаю. Может, день, может — два. Может, дольше. Простите, но я не виноват в том, что вы здесь находитесь. Мои поиски не остались незамеченными. От меня потребовали отчета, и мне пришлось рассказать часть правды. Тогда это дело было взято под контроль вышестоящим руководством, и мне навязали эксперта.

Пауза.

Эстер Соккаи. Монсеньер де Вольт, я вас правильно поняла — вы, как загнанный, колесили по всей стране, и забрались в эту богом забытую деревушку на конце света только на основании этих посланий весьма сомнительного свойства? Вы не думали, что это может быть розыгрышем какого-нибудь злонамеренного шутника? Вы не думали, как ваше поведение может быть воспринято со стороны?

Де Вольт. Сначала думал, потом — перестал. Я зашел слишком далеко, чтоб теперь все бросить. Считайте, что я услышал зов Божий.

Эстер Соккаи. *(про себя)* Или не Божий. Впрочем, это уже не имеет никакого значения. Я услышала достаточно.

Де Вольт. Простите, что вы сказали?

Эстер Соккаи. *(встает)* Я сказала, что я услышала достаточно.

Де Вольт. Достаточно для чего?

Эстер Соккаи. Для того, чтоб удалиться.

Де Вольт. Вы уходите? Зачем? Торопиться некуда. Посидите, еще выпьем.

Эстер Соккаи. Вам-то действительно торопиться некуда. А я немедленно уезжаю.

Де Вольт. *(ошеломленно)* Уезжаете?

Эстер Соккаи. Да. Я уезжаю в Рим. К кардиналу Сегуре. Да-да, монсеньер де Вольт, к нему самому. И уж не сомневайтесь, я предоставляю ему самый подробный отчет о нашей встрече. Может, даже присочиню немного. Вы были обречены с самого начала. Вас могло спасти только чудо — если бы икона была у вас, но чуда не произошло.

Де Вольт. Но почему?!

Эстер Соккаи. Просто работа — ничего личного. Кардинал Сегура не любит Вас. Очень сильно не любит. Я ему только немного помогла. Впрочем, вы мне тоже не нравитесь. Вы — настоящий шизофреник, каковыми, впрочем, были и Теодахад из Танагасты, и Моисей, и апостол Павел, и прочие ваши дружки. Боюсь, что вас ждет незавидное будущее. Вы будете низвергнуты на самое дно того ада, каковым является ваша иерархия, и сосланы в какой-нибудь отдаленный приход в Суринаме, Буркина-Фасо или Лесото, например. Мне от души жаль вас. Засим с почтением откланиваюсь и ухожу. *(идет к двери)*

Де Вольт. *(очень возбужден, вскакивает, подбегает к Соккаи, хватая ее за руку)* Но, мадам Соккаи, это не честно, это

не справедливо! Вы не можете так со мной поступить! Я же вам ничего не сделал! И потом — как вы сейчас поедете? Тут же горы! Погода может в любой момент испортиться, а вы и ваша ассистентка...

Эстер Соккаи. *(с презрением, перебивает)* Вы бредите, де Вольт! У меня нет никакой ассистентки! А я доберусь, уж не волнуйтесь за меня.

Де Вольт. Нет ассистентки... Как интересно... *(успокаиваясь)* То есть, если я правильно вас понял, шансов у меня нет.

Эстер Соккаи. Ни единого. Пустите меня!

Де Вольт. Ладно. Тогда мне остается только одно. *(лучезарно улыбается)* Всегда хотел это сделать!

Хватает Соккаи за голову и смачно целует ее в губы, некоторое время Соккаи безуспешно пытается вырваться, яростно отбиваясь. Наконец, у нее это получается, она с силой толкает де Вольта, тот падает, Соккаи убегает, де Вольт победоносно смеется.

Де Вольт. *(сквозь смех)* Мельхиор! Мельхиор!! *(тот осторожно высовывает голову)*

Мельхиор. Я тут, эччеленца.

Де Вольт. Да, ты, конечно, известный храбрец. Чуть что — в кусты. Все видел?

Мельхиор. Все. Вы как всегда неподражаемы.

Де Вольт. Да! Вот так не мечом, но поцелуем был сражен Сатана. Кстати, ты слышал, что она говорила про ассистентку?

Мельхиор. Слышал, и весьма озадачен этим. А вы что думаете?

Де Вольт. Врет, думаю. А, может, и не врет. Может, ты совокупился с самым настоящим суккубом, который был послан к тебе самим Повелителем Тьмы, коим и является профессор Соккаи, в чем лично я, например, нисколько не сомневаюсь.

Мельхиор. *(с отвращением)* Фу, какая мерзость! Так что ж это получается, эччеленца, я...

Де Вольт. *(устало)* Перестань причитать. У меня своих проблем хватает.

Мельхиор. Извините, эччеленца. Что вы теперь намерены предпринять?

Де Вольт. Из сложившейся ситуации я вижу три выхода. Первый — прямо сейчас встать и немедленно застрелиться. Впрочем, у меня нет оружия. Хотя, всегда можно что-нибудь придумать.

Мельхиор. *(с тревогой)* Эччеленца!

Де Вольт. Успокойся. Я шучу. Второй вариант — опять же прямо сейчас встать, быстро собраться и используя все мыслимые и немыслимые способы постараться добраться до Рима раньше нее, и там попытаться что-либо предпринять. Но этот вариант мне тоже не нравится. Сама мысль о том, что надо встать и произвести какие-то нелепые телодвижения, не имея даже твердой уверенности в благополучном конце, — эта мысль приводит меня в ужас. Поэтому, в данном случае я голосую за непротивление злу.

Мельхиор. Это как?

Де Вольт. Это значит — сидеть здесь, ничего не предпринимать и положиться на Всевышнего. Этот вариант мне нравится более всего. К тому же у меня еще достаточно спиртного.

Мельхиор. *(с отчаянием)* Но, эччеленца...

Де Вольт. *(прерывает)* Хватит, Мельхиор. Ты не понимаешь — спор об Иове не закончен до сих пор, и сейчас Иов — это я. Тот, кто писал эти письма — кто бы он ни был — не может меня бросить вот так. Я это знаю, и он это знает. Что-то должно произойти. У мудреца в запасе целая вечность. И я готов ждать, пока в радиусе километра от меня будет хоть капля этанола. А сейчас — иди и приведи мне нашего хозяина.

Мельхиор. Но зачем?

Де Вольт. Я хочу с ним выпить. Я в этом нуждаюсь. Прости меня, Мельхиор, но сейчас взгляд твоих честных глаз, исполненных муки, для меня невыносим. Моя душа истерзана и алчет покоя. В данный момент больше всего на свете я хотел бы находиться в обществе простого хорошего человека, не обремененного излишним интеллектом. Иди же, Мельхиор. И поторопи его, ибо я жажду.

Мельхиор отходит к двери, топчется там в нерешительности.

Мельхиор. *(со страданием в голосе)* Эччеленца...

Де Вольт. *(мягко)* Мой верный Мельхиор, ты боишься, что я наложу на себя руки. Зря. Обещаю тебе, что со мною все будет хорошо. Мне приятно сознавать, что моя судьба хоть кого-то волнует. Прошу тебя, пойди, приведи хозяина. Пожалуйста.

Мельхиор уходит. Пауза. Де Вольт берет со стола книгу, читает.

Де Вольт. «Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое; посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его? Доколе же Ты не оставишь, доколе не отойдешь от меня, доколе не дашь проглотить слюну мою? Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков? Зачем Ты поставил меня противником Себе, так, что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? Ибо, вот, я лягу в прахе; завтра поищешь меня, и меня нет»

Стук в дверь.

Де Вольт. *(моментально напуская на себя веселость)* А, хозяин! *(входит хозяин)* Рад вас видеть! Как ваше самочувствие?

Хозяин. *(ему очень плохо)* Прескверно, святой отец. Юноша ваш тоже неважно выглядит. Просил вот, чтоб я зашел.

Де Вольт. Да-да, милейший. Как вы смотрите на то, чтобы поправить здоровье?

Хозяин. *(оглядываясь)* Э-э... понимаете, моя супруга...

Де Вольт. Да ладно, бросьте. У меня отличный коньяк. *(наливает)* Совсем не похож на тот ужас, что мы вчера пили. Выпейте, вам полегчает. Знаете, как говорится – железо острится об железо. *(цокаются, пьют)*

Хозяин. Спасибо вам, святой отец. Вы меня просто спасли. А то супруга моя заперла буфет, и, сами понимаете...

Де Вольт. Понимаю. Вот они – прелести целибата. Скажите, у вас ведь постояльцы не часто бывают?

Хозяин. Очень редко, святой отец, еле концы с концами сводим. А в такое время года, так вообще.

Де Вольт. А вот эта женщина, что приехала вчера вечером — она одна была?

Хозяин. Не знаю, святой отец. Понимаете, моя супруга ею занималась, а мы с вами в это время...

Де Вольт. Да, понимаю. А вы не можете узнать?

Хозяин. *(смущенно)* Она сердита на меня. Не хочет со мной разговаривать. Это пройдет, но лучше денек ее не трогать.

Де Вольт. Ваша жизнь нелегка. На ее фоне мои горести кажутся такими мелкими.

Хозяин. *(с участием)* У вас какое-то горе, святой отец?

Де Вольт. Можно и так сказать. Я посрамлен в своих начинаниях, и меня ждет изгнание в страну варваров. Да, именно. В страну варваров. Как Овидия. Читали Овидия? Впрочем, извините — это некорректный вопрос. Скажите, а что там за погода на улице?

Хозяин. Очень плохая. Буря будет, наверное. Как прошлой ночью. Бедный Пьетро всю ночь у двери простоял. И до сих пор стоит.

Де Вольт. Пьетро? Кто такой Пьетро?

Хозяин. Слуга наш. Хороший парень, смысленый, да вот беда — глухонемой. У него собака есть, щенком подобрал, сам вырастил, только его понимает; он без голоса ее зовет, как она его слышит — уму непостижимо. А вчера перед самой бурей она пропала. Погулять пошла, что ли. С ней такое бывает. Пьетро ее всю ночь звал. По-своему. А ее все нет. Жаль его. В такую ночь вряд ли кто-нибудь выживет на улице.

Де Вольт. *(про себя)* Это точно. Как она собирается ехать? Не иначе, как на помеле.

Хозяин. Что вы говорите, святой отец?

Де Вольт. Да так, не обращайтесь внимания. А что же ваш приятель — капитан? Ему, наверное, тоже сейчас несладко. Может, позовем его?

Хозяин. Боюсь, что он не придет. Он молится.

Де Вольт. *(удивленно)* Молится?! Он?! Еще вчера вечером он был закоренелым безбожником.

Хозяин. Что поделывать, святой отец, люди меняются. Произошло несчастье.

Де Вольт. Да, сегодня несчастья следуют одно за другим. Что у него случилось?

Хозяин. Тут у нас граница рядом, и, сами понимаете, глаз да глаз нужен — мало ли чего. Капитан вчера отправил патруль — десять солдат и капрала. Капитан допустил ужасную ошибку — он не посмотрел сводку погоды. А ночью была буря. Ветер вырвал несколько деревьев, все ущелье замело снегом. И их до сих пор нет. Страшно говорить об этом, но, наверное, они уже мертвы. А капитана ждет трибунал. На его совести — гибель десяти человек.

Де Вольт. А капрал?

Хозяин. И капрал. В лучшем случае, его понизят в звании и пошлют в какой-нибудь дальний гарнизон.

Де Вольт. *(про себя)* В страну варваров. Хотя, глуше место, чем здесь, мне не приходилось видеть. Странно, до чего его положение похоже на мое. *(хозяину)* Вы считаете, что у них нет никаких шансов?

Хозяин. Знаете, святой отец, я ведь из местных. Горец, так сказать. Вырос тут. И я вам скажу — нет ничего страшнее бури в горах. Заблудиться — раз плюнуть. А эти парни — новобранцы. Гор отродясь не видели.

Де Вольт. А капрал?

Хозяин. Капрал Джулаццо — это особый разговор. Понимаете, он — с юга. Там такая же глушь, что и у нас, только гор нет. Настоящий дикарь. Мне, честно говоря, кажется, что он и читать-то не умеет. Хотя, у начальства на хорошем счету. Усерден, исполнительен. Сержантом мечтал стать.

Де Вольт. *(отстраненно)* Да, все мы мечтали... *(хозяину)* Знаете, я думаю, нам стоит пойти к капитану. Я же священник, все-таки. Утешать людей — меня этому учили. Помоглось вместе с ним. Я, правда, изрядно выпил, но это ничего.

Хозяин. Вы очень добры, святой отец. Я думаю, капитану будет приятно.

Внезапно в комнату вваливается фигура в плащ-палатке, усыпанной снегом. Де Вольт и Хозяин замирают. Фигура снимает капюшон. Это капрал Джулаццо.

Хозяин. *(со страхом)* Джулаццо, это ты? Ты жив?

Капрал. Уж жив — так жив, живее не придумаешь. Ну, я вам скажу, и ночка была, чертовски неприятная. А, святой отец, прошу простить. *(подбегает к ошеломленному де Вольту, целует ему руку)* А, вы тут пьете! А мне можно? А то, знаете, замерз, как собака какая-то. *(наливает, пьет)* Вот это

вещь! Вот это напиток! (*хозяину*) Не то, что это пойло, которым вы нас потчуете.

Хозяин. Джулаццо, перестань метаться и скажи толком — все целы? Капитан весь извелся.

Джулаццо периодически наливает и пьет.

Капрал. Все, все. Разве что, кое-кто пальцы пообморозил, так, пустяки. А капитану, сказать по правде — но это между нами — голову оторвать надо. Так нас подставить! Если б не я, все б полегли.

После всех потрясений де Вольта начинает клонить в сон.

Де Вольт. (*сонно*) Несомненно, Господь простер над вами свою длань.

Капрал. Это вы хорошо сказали, святой отец! Уж простер — так простер!

Хозяин. Джулаццо, не томи, давай, рассказывай.

Капрал. Да что там рассказывать. Сначала все было нормально — идем, красотами любуемся. А потом — началось. Снег, ветер, не видно ни хрена. (*извиняющийся жест в сторону де Вольта*) Святой отец, ну, вы понимаете. Идем, как слепые. Хорошо, что я заметил пещерку. Маленькую такую, и костра негде развести. Забились туда, как бараны, стоим задницами тремся. (*де Вольту*) Святой отец... (*хозяину*) Э, а наш-то монсеньер того — уснул.

Хозяин. Тише. Он очень устал.

Капрал. Хе! И врезал, видать, хорошо.

Хозяин. Много ты понимаешь. Этот монсеньер не простой. Вчера он перепил нас с капитаном.

Капрал. (*восхищенно*) Да вы что! Это ж подвиг! (*смотрит на де Вольта с уважением*) Это вам не по горам лазить. Знаете, давайте его уложим, что ли. А то — вот так сидит — нехорошо как-то.

Хозяин. Давай.

Берут де Вольта под руки, оттаскивают на диван, укладывают.

Хозяин. Ну, давай дальше. (*наливают, пьют*)

Капрал. А что дальше — просидели там всю ночь, замерзли, как сволочи. Утро наступило, буря кончилась — а толку — дорогу-то никто не помнит. Тут орлы мои приуныли, и давай бунтовать — это ты нас сюда завел и все такое — и смотрят как-то так нехорошо. Тут уж и я приуныл, думаю, попал ты, Джулаццо, крепко попал. Но виду не подал, передернул, значит, затвор и говорю так ласково — ну что недоноски, кто глотнет моего выхлопа? И тут, вспоминаю, стоп — у меня же есть карта!

Хозяин. Брось заливать. Какая такая карта?

Капрал. А вот. *(достаёт)* Красивая такая, все как на ладони видно. Вчера взял тут внизу. Захожу, смотрю — лежит. Думаю, капитан оставил, чтоб нам, бедолагам, легче было. Вот, как про карту вспомнил — тут и говорю — отставить бунтовать, в колонну по одному стройся, все за мной. И вот иду, смотрю по карте, бойцы сзади ковыляют. И ни хрена ж не понимаю — но вида не показываю. А что делать — авторитет командира и все такое. И что ж вы думали — и двух часов не прошло, как мы пришли в Монтеальба. Так-то вот!

Хозяин. Джулаццо, ты меня извини, но ты же имя свое прочесть не сможешь. Как же ты карту разобрал?

Капрал. А что там разбирать? Смотри да иди.

Хозяин. Дай глянуть. *(берет карту, смотрит, начинает смеяться)*

Капрал. Э! Вы чего?

Хозяин. Это, дорогой мой, вообще не наших мест карта. Это карта Пиренеев. А это — поселок возле Сангуэсы, я эти места хорошо знаю, там сестра моя живет. Двоюродная, замечу.

Капрал. А! Какая разница. Горы везде одинаковые. А карта — она и в Африке карта. Что вы мне рассказываете? — вон тут еще гостиница ваша красной точкой отмечена.

Хозяин. Это не моя гостиница, это гостиница в поселке. И вообще, это карта не капитана, а монсеньера де Вольта. Вот, тут написано. Ты меня прости, конечно, Джулаццо, но ты — форменный болван.

Капрал. Но-но! Поосторожней с болваном-то! Можно и в голову получить. А на счет карты — я вот, что скажу — какая разница, что это за карта. Главное, что она меня спасла и ребят моих. Если б не она, лежали бы мы там, как куры замороженные. А теперь мне точно сержанта дадут. Ладно,

пойдем к капитану. Надо ж отчитаться. Да-а, думал я карту эту себе оставить, в рамочку да на стенку. Но раз она монсеньера — оставляю ему. Положу вот сюда. (*кладет карту де Вольту на грудь*) Проснется — заметит. Обрадуется, наверное.

Уходят. Де Вольт спит. Делает движение рукой, карта падает на пол. Слышна вьюга, и сквозь вьюгу пробивается собачий лай.

ВИДЕНИЕ ОДИНОКОГО

ВИДЕНИЕ ОДИНОКОГО

— Вам, смелым искателям и всем,
кто когда-либо плавал под коварными
парусами по страшным морям —
— вам, опьяненным загадками любителям сумерек,
чья душа привлекается звуками свирели
ко всякой обманчивой пучине:
— ибо вы не хотите нащупывать нить
трусливой рукой, и где можете вы угадать,
там презираете вы исследование, —
— вам одним расскажу я загадку, которую видел я —
призрак, представший пред самым одиноким.
Ф.В. Ницше.

Отец, мы блуждаем во тьме,
Отец, мы ничего не понимаем,
и блуждая во тьме, преклоняем голову.
Песня индейцев племени Сайневе.

Действующие лица:

Первый безымянный.

Второй безымянный.

Первая горничная.

Вторая горничная.

Посыльный, он же господин Фогт, председатель магистрата.

Его Жена.

Капитан.

Комната в гостинице. Вечер. Начинает смеркаться. В комнате два человека — Первый безымянный и Второй безымянный. Первый сидит на переднем плане за столом, его лицо закрыто. Второй стоит где-то в глубине сцены в темноте или вообще за ширмой. Его не видно. Слышен голос. Кто говорит — непонятно. Это может быть любой из двух. Но на самом деле — это Второй.

«Во время оно стоял град на берегу моря, ныне ушедший на дно его, и был во граде том дивный дворец, возведенный в древние века искусными зодчими. И жили в том дворце девы, собранные со всей страны для обучения различным наукам и прочим премудростям, необходимым для жизни

в миру. И слыли те девы весьма сведущими в звездах, словах и числах, а более учености своей, поистине необыкновенной, славились они своей красотой и добродетелями, коих было у них множество неисчислимое. И сходились странники с дальних краев обитаемых земель, дабы узреть воочию все то многообразие форм, в коих воплотил Господь красоту и мудрость. И были те девы прекрасны ликом и помыслами, кожей светлы и смуглы также, волосы же их были рыжими, как пламя, горящее на жертвеннике, черными, как самый глубокий траур и — белокурыми, как легкие облака, пролетающие над городом. И когда милосердный вечер тяжелой дланью опускал жаркое солнце в прохладную влагу далеких горизонтов, наступало благостное отдохновение после дня, проведенного в трудах на нивах познания, и тогда собирались девы у окон, смотрели на бескрайнее море, лежащее пред их очами, и думали о том, как кипит вода в том месте, где солнце нисходит в бездну морскую. Они созерцали тонущее светило, и с восторгом и ужасом ждали последний луч — безнадежный, отчаянный и страшный в своей обреченности. Горе мореплавателю, ставшему на пути у луча! Будь это челн рыбака, купеческое судно или грозный военный корабль — будет он обгят пламенем, которого не погасить и не избежать. Если же стоящий на берегу узрит тот луч, то будет ему наказанием слепота или безумие. Все это ведали премудрые девы и в надлежащий миг закрывали глаза, сквозь щит, сотворенный из плоти, чувствуя биение гбнущего света. Невыразимая печаль овладевала их сердцами, и шли они спать в величайшем смущении.» (*Второй безымянный выходит на свет. Его становится видно.*) Этот фрагмент манускрипта, покрытый пылью листок, я нашел в библиотеке одного захолустного местечка. Библиотека была пуста, кроме меня и старичка-библиотекаря там никого не было. Я сунул листок в карман и ушел незамеченным.

Первый безымянный. Получается, что вы его украли.

Второй безымянный. Значит, украл. Этот листок — наверняка подделка и не имеет никакой ценности. А меня это повествование чем-то тронуло. Вы когда-нибудь видели закат на море?

Первый безымянный. Очень много раз. Очень много.

Второй безымянный. Людям свойственно низводить все до своего понимания. Бог создал мир, а человек миф о сотворении; людям дали 10 заповедей, а они запомнили лишь

закон Талиона. Знаете, я тоже очень много раз наблюдал закат на море, и каждый раз в последний момент закрывал глаза, как те девушки. Каждый раз мне казалось, что произойдет что-то страшное.

Первый безымянный. Что же могло произойти?

Второй безымянный. Не знаю. Взрыв, пожар, всемирный потоп, конец света. Но ничего не происходило. А, прочитав этот отрывок, я понял, что все-таки что-то было там, в темноте, за моими глазами. Может быть и стоит как-нибудь их открыть. *(пауза)* Вы, случайно, не видели мой блокнот?

Первый безымянный. Вы поэт, друг мой, поэт, и, как все поэты, невероятно рассеяны. Вот он, ваш блокнот. А я вот, знаете ли, никогда не закрывал глаза, когда смотрел на закат. И что же вы думали —

Второй безымянный *(перебивает)*. С вами ничего не случилось.

Первый безымянный. Отнюдь! У меня теперь слабое зрение, и кроме того, я три месяца лечил свои расстроенные нервы на одном из горных курортов.

Второй безымянный. Вот как?! И что же — вы мне не верите?

Первый безымянный. Конечно, верю! *(улыбается)* Просто за прошедшее время либо луч ослабел, либо люди окрепли — одно из двух. Знаете что — простите за прозу, но я очень хочу есть. Давайте закажем ужин.

Второй безымянный. Да, это неплохая идея. Я, признаться, тоже проголодался.

Первый безымянный звонит в звонок. Входит Первая горничная

Первая горничная. Что вам угодно?

Первый безымянный. Мы хотели бы заказать ужин в номер. Ужин на двоих и вина — бутылку. Нет, лучше — две.

Первая горничная. Будет исполнено, господа. Не успеете и глазом моргнуть. *(уходит)*

Второй безымянный. Ну, насчет глаза — это она погорячилась. Ждать придется долго. Знаю я эти гостиницы.

(пауза)

Первый безымянный. Вам не показалось, что здесь все как-то не в себе? Как будто бояться чего-то? И на нас так странно косятся?

Второй безымянный. Вы тоже это заметили? А я уж подумал, что у меня начинается мания преследования.

Первый безымянный. Что ж, может, мы оба ей подвержены. В конце концов, наверняка все эти странности — просто проявления элементарной провинциальной ксенофобии.

Второй безымянный. Красивое слово. Греки были мастера давать определения.

Первый безымянный. Но все-таки, вы знаете, какая-то мистика тут есть. Например — этот город не обозначен на карте.

Второй безымянный. Не может быть — город-то далеко не маленький.

Первый безымянный. Честное слово. Сейчас я вам покажу, (*ищет карту, показывает*) Вот, видите — линия побережья. Вот дорога, по которой я ехал. А вот здесь должна быть развилка и поворот направо, к полуострову. Вместо этого тут условные знаки, означающие пустоши. И даже полуострова нет.

Второй безымянный. Странно, конечно. Но это может быть просто ошибка. Небрежность в работе, пьяный наборщик — вы же знаете, как это бывает.

Первый безымянный. Да, конечно. Но все равно — мне тут как-то не по себе. Возможно, я завтра уеду. (*подходит к окну*) Вслушайтесь — какая тут дикая тишина. Ничего человеческого не слышно. Только ветер и прибой.

Второй безымянный. Это место слишком далеко от моря. Но вам хочется слышать прибой — и вы его слышите.

Первый безымянный. Еще я слышу, что вы взволнованы. У вас сердце стучит.

Второй безымянный. У меня нет сердца. Так мне сказала одна женщина. (*грустно улыбается*)

Первый безымянный. Иногда хорошо не иметь сердца. Оно может выдать в неподходящий момент. Вы знаете историю про конюха и королеву?

Второй безымянный. Что-то припоминаю. Это была жена Агилульфа, короля лангобардов...

Первый безымянный. Да. Конюх возжелал ее и овладел ею, выдав себя за короля.

Второй безымянный. Эта достойная дама, очевидно, была очень глупа. Хотя, наверняка, столь же хороша собой. Иначе конюх бы так не рисковал.

Первый безымянный. Агилульф заподозрил неладное и решил найти предполагаемого преступника. Он прошел в помещение, где спала челядь — что-то вроде казармы — и стал слушать сердца у спящих. У конюха сердце билось как маятник — от пережитого экстаза или от страха, скорее сразу по двум причинам.

Второй безымянный. Этот варварский король был неплохой психолог. А чем кончилась эта поучительная история?

Первый безымянный. Король отложил расправу до утра. Взял ножницы, выстриг у конюха клок волос и с чистой совестью отправился спать. Конюх же был хитрый малый и состриг локоны у всех спящих. Порок так и остался безнаказанным.

Второй безымянный. Одного не понимаю — почему бы королю не взять фонарь, светильник, факел — чем там они пользовались — и не посмотреть наверняка?

Первый безымянный. Ну, он же был король, а не лавочник. *(улыбается)* Тогда бы эта история потеряла всю романтику.

Второй безымянный. Такое могло случиться только в те времена, когда царила святая простота нравов. Sancta simplicitas. Сейчас иной королевский конюх может прожить всю жизнь, так и не увидев королевы.

Первый безымянный. Аминь! *(улыбается, поднимает руки вверх и разводит их в стороны)* Единственное, что хорошего я вижу в моем пребывании здесь, так это наше знакомство.

Второй безымянный. Я тоже весьма рад нашей встрече, хотя я редко вот так сразу проникаюсь симпатией к людям. Я, в общем-то, мизантроп. Но в этих местах встретить живого человека — просто чудо — это я понял.

Первый безымянный. Да, уж. Места тут гиблые. Даже оторопь берет. О чем вы думали там, на набережной?

Второй безымянный. Я смотрел на мертвого дельфина, выброшенного на берег. У него был разорван живот, и какая-то морская птица с упоением терзала его внутренности. Глядя на эту картину — настоящее торжество смерти, — я думал об орле и Прометее, о падении Беллерофонта, о гибели Трои, о печальном конце отважного Язона, погребенного под останками собственного судна; я думал о магии моря, о том, что заставляет людей срываться с насиженных

мест, об островах — камешках в ладонях материков, о Ганноне, Ганнибале, финикийцах и возникновении письменности. Дельфин, кстати, ужасно воюя. Потом появились вы.

Первый безымянный. Я просто путешествовал. Шел сильный дождь. Он шел несколько суток, и я начал ощущать себя Ноем — или одним из его детей — Хамом, скорее всего. Неожиданно передо мной появилась развилка, о которой я вам говорил, и дорожный указатель с расстоянием до города. Я не верил своим глазам. Все это было так загадочно, что я не мог преодолеть искушение и повернул направо. Так я очутился в этом городе, странном месте, которого нет на карте. Мне начало казаться, что все мои чувства обманывают меня самым подлым образом. Я видел полуостров — клык, возвысившийся в плоть моря, я видел дома, чьи камни свидетельствовали об их древности, я видел людей, самых настоящих, обычных людей, которые занимались ремеслами, нянчили детей и ходили в церковь — я даже видел пастора — он был толст и румян (*переводит дух*). Я увидел гавань без единого паруса, набережную и вас, стоящего у парапета, задумчивого и неподвижного. Я подошел и заговорил с вами.

Второй безымянный. Я вздрогнул от вашего вопроса. Вы спросили, который час.

Первый безымянный. Да. Вы ответили, что у вас нет часов.

Второй безымянный. Тогда вы сами достали часы из кармана и сказали — начало первого. День поднялся на вершину и начал падать.

Первый безымянный. ...и начал падать — так я сказал. Потом вы спросили, почему я, имея часы, узнавал время у вас.

Второй безымянный. Должен же я как-то начать разговор — ответили вы.

Первый безымянный. Иной разговор не стоит и начинать — так сказали вы и улыбнулись, странно улыбнулись, опустив уголки рта вниз.

Второй безымянный. Потом вы сделали предположение, что я не местный.

Первый безымянный. Правильное предположение. Вы ответили, что на земле все люди — не местные и только Господь у себя дома.

Второй безымянный. Да, так я ответил и тотчас устыдился собственной резкости. Вы ведь не желали ничего

дурного, вы были со мной учтивы, вы просто хотели поговорить с кем-то, вы так устали от одиночества, и я, признаться, тоже. Ведь одиночество — хорошее лекарство, если не употреблять его в больших количествах. Тогда к нему привыкаешь, и оно становится ядом, наркотиком, безумием; одиночество начинает спать в твоей кровати и сталкивать тебя на пол во сне; оно пересаливает твою пищу, закрывает книгу на нужной странице, прячет карандаши в дальние места, распахивает окна, когда на улице ливень; оно становится господином и повелевает тобой... (пауза) Я поднял глаза и повернулся.

Первый безымянный. В тот же миг раздался шум крыльев. Птица бросила пададь и улетела. Мы ее напугали.

Второй безымянный. Птица не боялась нас, когда была голодна. Насытившись, она почувствовала страх и исчезла, но она обязательно вернется, еще миллионы раз вернется. Сейчас я закрываю глаза и представляю себе жуткий мир, в котором есть только мертвый дельфин и птица, поедающая труп, и больше никого. Но — только на первый взгляд. Ведь когда птица закончит свою трапезу, ей будет больше нечего есть, и она умрет от голода рядом со скелетом своей жертвы; тогда прилетит другая птица, поменьше, и пожрет ее — и так целую Вечность. Думая об этом, я начинаю сходить с ума.

Первый безымянный. Успокойтесь, друг мой. Вы взволнованны, ваши нервы напряжены, дурные мысли наводят на вас тоску. Эта гостиница, конечно, не лучшее место в мире, но и тут можно найти маленькие радости, а они-то и есть самые приятные. Скоро принесут ужин, дивный горячий ужин, И вино, старое, доброе, красное вино — это вас утешит, поверьте моему опыту. А завтра мы уедем отсюда.

Второй безымянный. Да, да, вы правы. Что-то я совсем разошелся. Здешний воздух просто чудовищно действует на мое воображение. Я ведь, знаете, заблудился под этим проклятым дождем, о котором вы говорили и попал сюда совершенно случайно. Здесь же все — как везде, но понимаете, в чем дело — там, в гавани нет ни одного корабля, ни единого — вот, что странно. Вы же видели эту гавань, она как пасть, распахнутая для укуса, и два причала — зуба на противоположных сторонах, и еще этот дельфин...

Первый безымянный. Ну, вот, вы опять за свое. Успокойтесь, ради бога!

Второй безымянный. Да нет же, послушайте! Тот причал, который справа — он старый, заброшенный, никто им не пользуется вроде, но все тут как бы и сторонятся его и в тоже время внимательно так смотрят в ту сторону — вы не заметили?

Первый безымянный. Умоляю вас, поберегите нервы! Это все ваше расстроенное воображение. (*стук в дверь*) Ну, вот ужин. Войдите!

Входит Посыльный с письмом.

Посыльный. Здравствуйте.

Первый безымянный. Здравствуйте.

Второй безымянный. Добрый день.

Посыльный. Я из городского магистрата.

Первый безымянный. К нам? Вы не ошиблись?

Посыльный. Я с письмом. Там все сказано. (*кладет письмо на стол и уходит*)

Второй безымянный. Это что, тоже мое расстроенное воображение?

Первый безымянный. Сейчас посмотрим — кто ж тут нам пишет письма. (*читает*) «Городской магистрат с почтением приветствует двух путешественников и настоятельно советует, просит, рекомендует, требует до наступления темноты покинуть город. В противном случае оставляем за собой право действовать по своему усмотрению.»

Второй безымянный. Ну, так у кого расстроенное воображение?

Первый безымянный. Я мог бы подумать, что это кто-то глупо пошутил — но ведь тут у нас нет никаких знакомых. (*смотрит на письмо*) Печать вроде настоящая. Хотел бы я знать, что может означать «действовать по своему усмотрению»? Не убьют же нас тут.

Второй безымянный (*смотрит письмо*). И что мы будем теперь делать? Уедем?

Первый безымянный. Вот уж нет! Меня так просто не прогонишь. Скажите, пожалуйста — по своему усмотрению! Мы что — преступники какие-нибудь? Они тут все с ума посходили!

Второй безымянный (*тихо*). Не исключено... (*пауза*) Мне не дали договорить... Понимаете, я сегодня слышал... Это

так странно... В общем, я слышал, что сегодня ночью должен прийти корабль.

Первый безымянный (*нервно*). Давно пора! Ну и что тут такого?

Второй безымянный. Он придет к заброшенному причалу!

Первый безымянный. Какая разница!

Второй безымянный. Они говорили, что это корабль-призрак! (*пауза*)

Первый безымянный. Призрак?

Второй безымянный (*смущенно*). Да.

Первый безымянный. Корабль-призрак приходит к призраку причала. (*пауза*) И что вы думаете по этому поводу?

Второй безымянный. Не знаю. (*раздраженно*) Но я ведь не сам это придумал!

Первый безымянный. Я бы не удивился. А вы сами верите в корабль-призрак?

Второй безымянный. Трудно сказать. Если я смогу это себе представить, то, наверное, смогу и поверить.

Первый безымянный. Можно представить призрак человека. Если у человека есть душа. Но как представить призрак дерева, призрак металла, призрак ткани, призраки веревки — из чего делают корабли?

Второй безымянный (*задумчиво-отстраненно*). Может и у них есть души. Может и у птицы есть душа и у дельфина — тоже, и когда они оба умрут, душа птицы опять будет терзать душу дельфина.

Первый безымянный. Умоляю вас, перестаньте.

Второй безымянный. Ладно, ладно. Но все-таки — что нам делать?

Первый безымянный. Надо подумать. Можно, конечно, уехать, но эту мысль я отвергаю за ее малодушие. Можно порасспрашивать местных, если они, конечно, будут с нами говорить. Можно сходить и посмотреть самим.

Второй безымянный. Эта мысль мне нравится больше.

Первый безымянный. Да, это в вашем стиле. Но уезжать — это уж увольте.

Второй безымянный. Но вы же сами хотели уехать.

Первый безымянный. Да, я хотел уехать, но сам уехать, понимаете, а не так, чтоб меня прогоняли! (*берет письмо*) Нет, вы подумайте — по своему усмотрению!

Второй безымянный. Я вижу во всем этом десницу Божию.

Первый безымянный. Возможно, но странно, что она приняла форму произвола городских властей (*нервно*). Ну, где же наша трапеза!

Второй безымянный. Вы сейчас можете думать о еде?!

Первый безымянный. А почему бы и нет? Я целый день ничего не ел, да и вы тоже, а подобные происшествия подстегивают голод, и еще как. Вспомните об обычае обжираться на поминках.

Второй безымянный. Этот обычай всегда казался мне каким-то варварским.

(стук в дверь)

Первый безымянный. Ну, наконец-то. Войдите!

Входят две девушки — горничные, одна с подносом, другая со свертком.

Первая горничная. Извините за задержку. Ваш ужин, господа. *(ставит поднос)*

Вторая горничная. Я принесла чистые простыни и полотенца.

Первый безымянный. *(обращается ко Второму)* Может попробовать порасспрашивать этих девушек? Мне кажется, что они против нас ничего не имеют.

Второй безымянный. Что ж, попробуйте.

Первый безымянный. Простите, девушки, я не покажусь вам навязчивым, если задам несколько вопросов?

Первая горничная. Ну, что вы, конечно, спрашивайте.

Вторая горничная. Мы к вашим услугам, господа.

Второй безымянный *(резко)*. Почему в гавани нет кораблей?

Первая горничная. В гавани два причала. Один старый, заброшенный.

Вторая горничная. Он может рассыпаться в любой момент.

Первая горничная. Да. А ко второму они не могут подойти.

Первый безымянный. Как это — не могут?

Первая горничная. Гавань обмелела. Веками море приносило песок, дно поднималось, и теперь ни один корабль не может войти в гавань.

Второй безымянный. А лодки рыбаков — почему нет их?

Вторая горничная. Потому что нет рыбы. С тех пор, как поднялось дно, рыба ушла. Господин директор библиотеки говорит, что в воде накапливается какой-то газ, и рыба там жить не может.

Первый безымянный. Сероводород! Этот газ смертелен для всего живого. Такое бывает в узких мелководных заливах.

Второй безымянный. А дельфин! Я видел на берегу мертвого дельфина!

Первая горничная. Несколько дней назад был сильный шторм. Его могло принести издалека.

Вторая горничная. Или он мог заблудиться, заплыть сюда и умереть. Море иногда выбрасывает мертвую рыбу.

Второй безымянный (*нервно*). Заблудиться... Умереть... Мы тоже заблудились, как этот несчастный дельфин, мир его праху... А вы, милые девушки, так похожи на птиц, у вас такие звонкие голоса... (*вкрадчиво*) А вы любите падаль?

Первый безымянный. Вы можете держать себя в руках! Как вам не стыдно! (*к девушкам*) Девушки, прошу простить моего друга. Он не совсем здоров.

Первая горничная. Ничего страшного.

Вторая горничная. Мы не обижаемся.

(*пауза*)

Второй безымянный. Извините, пожалуйста. Не знаю, что на меня нашло. Скажите, девушки, вы когда-нибудь видели закат на море?

Первая горничная. Очень много раз.

Вторая горничная. Очень много.

Первая горничная. Этот полуостров — единственное место на северном побережье, где можно видеть закат на море.

Вторая горничная. В других местах солнце садится за материк.

Второй безымянный. И с вами ничего не случилось?

Первая горничная. Конечно, ничего.

Вторая горничная. А что могло случиться? Хотя один человек из местных ослеп.

Второй безымянный. Ослеп?

Первая горничная. Да. Это наша местная достопримечательность. Стоял на набережной, смотрел и — ослеп. А как

ослеп, сошел с ума. Ходил по улицам и предвещал конец света.

Второй безымянный. Я хотел бы встретиться с ним.

Вторая горничная. Боюсь, что это невозможно.

Второй безымянный. Почему?

Первая горничная. Он умер сегодня утром. Гроб, катафалк, венки — все за счет магистрата.

Первый безымянный. Вот как! Интересное совпадение. Мы ведь приехали сегодня утром.

Вторая горничная. И привезли его смерть. Так говорят старики.

Первый безымянный. Что за чертовщина! Я смотрю — тут люди суеверны до абсурда.

Первая горничная. Да. Старики очень суеверны.

Вторая горничная. Это все море. Поживите у моря всю жизнь — тоже станете немножко сумасшедшими.

Второй безымянный. И вы тоже в это верите?

Первая горничная. Не знаю. Надо верить всему — или ничему не верить.

Вторая горничная. Так говорит наш пастор.

(пауза)

Второй безымянный. А что за корабль должен прийти сегодня ночью?

Первая горничная. Не знаю. Может — контрабандисты.

Первый безымянный. Контрабандисты? Но вы ведь говорили, что ни один корабль не может войти в гавань.

Вторая горничная. У старого причала дно глубокое. Там нет песчаных наносов.

Второй безымянный. Но ведь этот причал может рассыпаться в любой момент!

Первая горничная. Контрабандисты — народ отчаянный.

Вторая горничная. Да, такие парни — ничего не боятся.

(пауза)

Второй безымянный. Про этот корабль говорят и другое.

Первая горничная. Говорят и другое.

Второй безымянный. Говорят, что это корабль-призрак.

Вторая горничная. Такое говорят тоже.

Первая горничная. Старики очень суеверны. Местные предания, легенды — для них это все очень серьезно.

Первый безымянный. А вы сами верите в корабль-призрак?

Первая горничная. Молодежь мало верит в легенды. Хотя от моря можно ожидать всякого.

Вторая горничная. ...можно ожидать всякого...

(начинают говорить нараспев, вкрадчиво)

Вторая горничная. ...там много чудес...

Первая горничная. ...там много тайн...

Вторая горничная. Там юдоль бытия странных созданий,
что зачаты в битве Света и Тьмы...

Первая горничная. Там сирены, чьи песни
так опасны для мореходов...

Вторая горничная. Что сосцами своими подобны
дщерям земным,

а бесплодное лоно их скрыто
в тулово рыбе...

Первая горничная. Там Кракен — морской великан,
глаза его грозны, глаза его гневны...

Вторая горничная. Когда он всплывает наверх,
за остров часто тушу его принимают...

Первая горничная. И сходят люди на берег неверный,
коварный берег,
и разводят костры,
чтоб приготовить пищу...

Вторая горничная. И сквозь кожу Кракен ощущает
зажженное пламя,
и уходит на дно морское,
неся морякам гибель.

(начинают говорить резко, переходя почти на крик)

Первая горничная. Там Смерть плавает в лодочке утлой
меж водяными валами...

Вторая горничная. В черном плаще из шелка,
что ткали мертвые черви,

Первая горничная. Она посылает на все четыре
стороны света,
сквозь ночь, сквозь прилив и отлив,
сквозь ветер, сквозь воздух...

Вторая горничная. ...свои поцелуи-ключи,

что запрут навечно
глаза — замочные скважины, через которые
бесстыжие люди глядели,
как обнажается мир.

(успокаиваются)

Первая горничная. Там в каждой капле,
каждой песчинке,
в каждом пузырьке пены,
сорванном бурей с гребня волны,
таится чей-то скованный дух,
пленный, в оковах бесплотных,
приговоренный до скончания времени
влачить свои дни в раздумьях
и воспоминаниях.

Вторая горничная. Воспоминания их бывают дивны,
и они их охотно вверяют
слуху тех, кто согласен им внемлить...

Первая горничная. И есть среди целого сонма историй
одна...

Вторая горничная. Это было давно.

Первая горничная. Очень давно.

Вторая горничная. Тогда была война. Тогда вообще ча-
сто были войны. И этот город, ныне приходящий в упадок,
был большой порт.

Первая горничная. Один из самых больших портов то-
го времени. И в нем стояли корабли, великое множество ко-
раблей, с резными бортами, с парусами, которые шили тру-
долюбивые работницы в мануфактурах по всей территории
низменных земель.

Вторая горничная. Корабли выходили в море, была
война, и пушки стояли на кораблях, простуженные медные
горла, которые кашляли и плевали большую, воспаленную чу-
гунную слизь на деревянные палубы.

Первая горничная. В городе жил молодой моряк. Он
любил одну девушку. Любовь — в начале всех историй.

Вторая горничная. Девушка тоже любила моряка. Они
поженились.

Первая горничная. ...они поженились в старой церкви
на набережной, которая цела до сих пор, и поклялись любить
друг друга вечно, в богатстве и в бедности.

Вторая горничная. ...в богатстве и в бедности... Мо-
ряк был небогат, девушка тоже, ему нужно было кормить

семью, и он не мог придумать ничего лучше, как стать капером.

Первая горничная. Он взял каперский патент — патент на убийство, поставил несколько пушек на свой маленький корабль, набрал команду бесстрашных и бессовестных авантюристов и отправился на войну.

Вторая горничная. А корабль его звался «Призрак» — странное имя для корабля, а на корме его было соломенное чучело, размалеванное и одетое в саван — чтоб отгонять духов моря, так он говорил и смеялся.

Первая горничная. И молодая жена его смеялась и махала рукой, а вторая рука у нее была занята, ею она качала колыбель, в которой спал младенец — их сын, крепкий мальчик с глазами отца и волосами матери.

Вторая горничная. Моряк отправился на войну. Он участвовал во многих сражениях, ему везло — он остался невредим; ему не везло — богатство обходило его стороной, золотой дождь не задерживался в его ладонях.

Первая горничная. Однажды во время сильного шторма он выловил в море жертву кораблекрушения — старого купца, несчастного разоренного торговца, бежавшего от кредиторов и чудом спасшегося среди разъяренной стихии на ветхом сундуке, содержавшем все его достояние. Моряк попытался выходить беднягу — ибо он имел доброе сердце, наш славный моряк — но все попытки были тщетны.

Вторая горничная. Жизнь отказывалась задерживаться в дряхлом теле, и купец умер у него на руках, оставив ему в благодарность за участие...

Первая горничная. Не золото!

Вторая горничная. Не драгоценные камни!

Первая горничная. Не карту клада!

Вторая горничная. Не ключ к таинственной пещере!

Первая горничная. Нет, он оставил ему большую пачку акций.

Вторая горничная. Ибо тогда уже были акции.

Первая горничная. ...акций, вложенных в заброшенные рудники где-то в Малакке, где искали золото, но так и не нашли.

Вторая горничная. Моряк мало что понимал в бумагах и не знал о пользе, которую они могут принести. Он отдал их на хранение своему старшему помощнику.

Первая горничная. Превратности войны их разлучили. Был жестокий бой, корабль пошел ко дну, моряк попал в плен, старший помощник успел бежать в пробитой шляпке, унося с собой бумаги.

Вторая горничная. Моряк попал на галеры, его приковали тяжелой цепью к огромному веслу, и, обливаясь потом, он греб вместе со своими товарищами по несчастью. Но ему повезло — на галере случился бунт, и рабы обрели свободу. Моряк вернулся домой таким же бедняком, как и раньше.

Первая горничная. Его сын подрос. Его жена не упрекала его за безрассудство — ведь она его любила. Он опять ходил в море, но только за тем, чтоб ловить рыбу.

Вторая горничная. Тогда здесь было много рыбы.

Первая горничная. Он ловил рыбу, продавал ее, кормил семью — а у него еще к тому же родилась дочь — и тут он узнал новость...

Вторая горничная. ...да еще какую новость!

Первая горничная. Он узнал, что на рудниках, на заброшенных рудниках его акций нашли...

(хором) ... Золото!!!

Вторая горничная. И вот тут он опомнился.

Первая горничная. Как он себя корил!

Вторая горничная. Как он себя прокаинал!

Первая горничная. Но, тем не менее, решил действовать. Не говоря жене об истинной причине отъезда и взяв в спутники своего земляка — старого товарища по военным походам, он предпринял утомительное и небезопасное сухопутное путешествие, в некий город на юге страны, где, по слухам, жил ныне его бывший помощник, который остепенился и держал лавку, где торговал колониальными товарами.

Вторая горничная. Удача к нему благоволила. Он быстро нашел лавку в квартале торговых рядов и в лавке — своего помощника, который даже вроде бы и обрадовался визиту — похоже, он был честным малым. Помощник без лишних разговоров вернул вождеденный пакет.

Первая горничная. Так бедный моряк стал богачом. На радостях он закатил роскошный пир для своих друзей, распорядился с помощником и отправился домой.

Вторая горничная. Произошла странная вещь. Моряк, который всю жизнь был бессребреником и бесшабашным удалцом, внезапно стал осторожным и подозрительным. Обратный путь превратился для него в сущую муку. Сколько

раз он в ужасе просыпался ночью на постоялых дворах и спешно ощупывал заветные бумаги! Да, богатство — это тоже крест. И довольно тяжелый.

Первая горничная. Наконец путешествие кончилось. Путники въехали в город и у ворот довольно холодно простились. Было раннее утро. Моряк ехал по своей улице — улица была длинная, они жили в самом конце — и слушал шум просыпающегося города. Он подъехал к дому — а ведь дома никто не знал, что он должен приехать. Он хотел явиться приятной неожиданностью.

Вторая горничная. Он тихо раскрыл дверь. Он тихо вошел. Его жена была на кухне, она собиралась купать дочку. Его сын сидел в комнате у камина и играл деревянным корабликом, подаренным отцом. Он тихо подошел к сыну, прервал его радостное восклицание и сказал: «Сейчас мы сделаем маме сюрприз».

Первая горничная. И с этими словами он начал раскладывать по полу акции — свое богатство, и это занятие его так увлекло, что он не остановился, пока не положил последнюю. Только тут он обернулся.

Вторая горничная. Лучше бы он не оборачивался. То, что он увидел, в один миг лишило его рассудка. Его сын, несмышленое дитя, все это время подбирал с пола акции и кидал их в камин, где полыхало жаркое пламя — на улице было довольно холодно. И в этот момент он как раз тянулся за последней бумажкой.

Первая горничная. Ярость, отчаяние, безумие тотчас овладели моряком. Не сознавая, что делает, он со всей силой взрослого мужчины ударил ребенка и поломал ему шею. Несчастный мальчик в мгновение ока испустил дух. А его отец, поняв ужас содеянного, схватил со стены двуствольный испанский пистолет — военный трофей — и выстрелил себе в рот сразу из двух стволов и упал бездыханным, забрызгав мозгами и кровью стену, которую его жена побелила на прошлой неделе.

Вторая горничная. Его жена! Его жена как раз купала дочь в медном тазу на печке, и тут она услышала выстрел в соседней комнате. Она бегом бросилась туда — и что она увидела?!

Первая горничная. Взору ее предстало жуткое зрелище. Ее сын, ее первенец, дитя ее чресел, в неестественной позе лежал на полу без признаков жизни, а рядом с ним —

ее любимый муж с дырой в голове и совершенно мертвый. Никто не осудит бедняжку за то, что она упала в обморок.

Вторая горничная. Сколько времени она пребывала без чувств — час или два — никто не знает. Но первой ее мыслью, когда она пришла в себя — была мысль о дочке, забытой в тазу на печке.

Первая горничная. Она кинулась на кухню, и что она увидела там?!

Вторая горничная. Там, в тазу, на печке, кипел самый лучший бульон, который только можно приготовить из ребенка женского пола возрастом год и два месяца от роду.

Первая горничная. Несчастливая женщина совершенно обезумела и решила покончить с собой. Она раскрыла ящик, где хранились ножи, выбрала самый острый на вид и начала его доставать. Нож не хотел выниматься. Тогда она дернула его еще, еще, и еще, и тут кто-то толкнул ее в бок, и она услышала голос.

Вторая горничная. Голос говорил: «Дорогая, что с тобой? Ты же оторвешь мне руку!» Это был ее муж. Ей это все приснилось. Приснилось, понимаете! Это шутка! (*дико хохочут*)

1-й и 2-й переглядываются и начинают ошарашено по-смеиваться. Сзади появляются Посыльный и женищина.

Увидев их, девушки замолкают, ойкают и убегают в панике.

Посыльный. Добрый вечер. Я председатель городского магистрата.

Первый безымянный. Добрый вечер.

Второй безымянный. Здравствуйте, г-н Фогт.

Посыльный. Как вы меня назвали?

Второй безымянный. Г-н Фогт.

Посыльный. Откуда вы знаете?

Второй безымянный. Что?

Посыльный. Откуда вы знаете мою фамилию?

Второй безымянный. Я не знаю вашей фамилии. Фогт — так в средние века называлась ваша должность. Но с другой стороны — ваша фамилия есть в письме, которое мы получили. Там ваша подпись. Я ее запомнил. Выходит — я знаю вашу фамилию.

Фогт (*показывает на женщину*). Это моя супруга, (*пауза*) г-жа Фогт, как вы, наверное, успели догадаться.

Второй безымянный (*с преувеличенной вежливостью*). Добрый вечер, мадам. Не правда ли, сегодня прекрасная погода?

Первый безымянный (*резко — Фогту*). Позвольте, ведь это вы приносили письмо!

Фогт. Не стану отпираться. А что тут такого?

Первый безымянный. В общем-то, ничего, но...

Жена. Посыльный заболел. Разве не может председатель магистрата сам отнести письмо?

Фогт (*серьезно*). Мы ведь должны делать добро своим ближним.

Первый безымянный. Ваше письмо очень странное.

Фогт. Вы его прочитали?

Второй безымянный. Прочитали — и удивились.

Первый безымянный (*резко*). Ваше письмо — это что-то неслыханное! Собственно говоря — по какому праву...

Фогт. Успокойтесь! Всею своей черед. Насколько я понял, вы ознакомились с содержанием письма.

Второй безымянный. Ознакомились.

Жена. И решили не уезжать — не так ли?

Первый безымянный. Да, мы решили не уезжать.

Второй безымянный. В общем-то, мы и решить-то толком не успели. Но теперь уже вряд ли уедем.

Фогт. Хорошо. На другое мы и не рассчитывали. (*пауза*) У вас, наверняка, возникло множество вопросов?

Первый безымянный. Кое-что мы хотели бы выяснить.

Второй безымянный (*задумчиво, отстраненно, ни к кому не обращаясь*). Однажды, странствуя, два пилигрима,

Возвращаясь из города Рима,

В самом сердце дремучего леса

Увидели то, чему здесь не место,

Как ковчегу Завета в храме Дагона —

Они встретили ведьму, а с нею дракона.

(*внезапно, резко, будничным тоном*)

Вы знаете, г-н председатель, мой друг обнаружил, что вашего города нет на карте. Вы можете это объяснить?

Фогт. Могу. Вы наверняка знаете, вы ведь образованные молодые люди, что до XVIII века карты рисовались от руки или гравировались на металле. Это был долгий и трудоемкий процесс. Но потом наступила новая эра в картографии — набор. Карты набирались как книги, типографским способом, при помощи специальных форм. Так вот — когда составлялись новые карты, по какой-то роковой случайности была утеряна форма нашего полуострова, и линию побережья закруглили. Так наборщик уничтожил наш город. Это было так просто — без гнева Господнего, без небесного пламени, без потопа.

Первый безымянный. И что же, все так и оставили? И никто не протестовал?

Жена. Зачем? Может сам Всевышний наводил тогда порядок в своих картах и вычеркнул ненужное. Здесьние люди всегда были фаталистами. Тем более, что заметили это не сразу. Сперва корабли перестали заходить в гавань — и обмелело дно, потом со стороны суши все стали проезжать мимо — и дороги пришли в упадок. (*с воодушевлением*) Но зато, вы знаете, мы тут не платим никаких налогов и войны обходят нас стороной. У нас тут свое маленькое государство, совсем суверенное, да.

Второй безымянный. Надо полагать, что глава государства — вы, г-н Фогт.

Фогт. Председатель магистрата обладает большими полномочиями.

Жена. Очень большими.

Первый безымянный. Так, с картой мы выяснили. Значит, у вас тут редко бывают посторонние?

Фогт. Почему, бывает — и заезжают. Как правило, случайные путники.

Второй безымянный. Вроде нас?

Фогт. Да, вроде вас.

Первый безымянный. И вы всем шлете подобные письма?

Фогт. Да. Такие письма посылаются всем приезжим.

Второй безымянный. И как они поступают в таких случаях?

Жена (*зловеще улыбается*). Все остаются. Люди так любопытны. Вот и вы остались.

Первый безымянный. Но ради всего святого, объясните, что все это означает — это дурацкое письмо, эти сумасшедшие девушки, этот корабль-привидение...

Фогт. Письмо совсем не дурацкое. Девушек, на вашем месте я тоже не стал бы так строго судить. Они молоды, шаловливы, им тут скучно. Они так редко видят новые лица. А про корабль вы сейчас узнаете.

Жена. Мы затем и пришли.

Фогт. Мы затем и пришли.

Жена. Кто из вас, ныне живущих в прекрасных дворцах, построенных из кирпичей скептицизма, не содрогнется ночью безлунной от мысли, и даже не мысли, а тени ее, промелькнувшей случайно...

Фогт. ...О том, что в нескольких милях от стен неприступных по бурному морю несется корабль-призрак, чьи паруса наполняют ветра суеверий.

Жена. Но разве способны стать призраком доски?

Нет, доски — мертвы,
это лишь топором лесоруба казенное древо,
чей труп потом расчленили на верфи.

Фогт. Но разве имеют душу веревки?

Нет, их хватка мертва,
как окоченевшие пальцы утопленника,
многоликую гибель приемлют волокна растения,
которое римляне назвали Cannabis sativa.

Жена. Но разве могут души иметь корабельные гвозди?

Нет, расстается навек в горниле горячем
металл с душой своей звонкой.

Фогт. Лишь дух человека волей своей способен
возродить к новой, потусторонней жизни
неживые доселе предметы,
собрать воедино, назвать кораблем
и повести за собою
по бурному морю ночью безлунной.

Жена. В его имени было что-то противоестественное.

Фогт. Двойное предательство было в его имени.

Жена. Дитя, зачатое во грехе, во грехе рожденное
и ушедшее в море греха.

Фогт. Его отцом был испанский моряк, удовлетворивший похоть с еретичкой.

Жена. Его мать была голландская девушка — шлюха, предавшаяся блуду с папистом и оккупантом.

Фогт. Его родители, так неудачно подарившие ему жизнь...

Жена. ...умерли, когда он был младенцем. Его мать зарубили пьяные испанские солдаты.

Фогт. Его отца разорвала в клочья восставшая голландская чернь на рыночной площади города Арнемейдена.

Жена. Его воспитывали чужие люди в приюте для подкидышей.

Фогт. С самого детства он лелеял в себе ненависть к миру.

Жена. Он был мрачным и нелюдимым ребенком.

Фогт. И он вырос мрачным и нелюдимым юношей.

Жена. На его счастье в те времена вся страна была охвачена пламенем мятежей и войн.

Фогт. Он вступил в армию повстанцев, сражался на суше и на море, в битвах являл храбрость, граничащую с безумием, покрыл себя славой, и за свои заслуги был произведен в капитаны военного корабля.

Жена. Его имя долго наводило ужас на противника, но как-то поздно вечером в лагере герцога появилась фигура, закутанная в темный плащ; пришелец о чем-то пошептался с полководцем, и на следующий день эскадра восставших неожиданно попала в засаду в узком проливе и с малыми потерями была полностью уничтожена.

Фогт. Так он совершил первое предательство. В награду за измену герцог сделал его капитаном галиота, и он продолжал сеять смерть — но уже с другой стороны. Он ждал своего часа.

Жена. Он ждал своего часа. И этот час настал. Однажды в порт пришла грузовая галера, гребцами на которой были рабы — все до единого мавры или турки.

Фогт. «Вот то, что мне нужно» — подумал он. Эти люди были из другого непостижимого мира, с другого конца мира, и никогда никто из их соплеменников не делал зла ни ему, ни его родителям.

Жена. Под покровом ночи он перебрался на галеру, сбросил вахтенных в холодные воды северного моря и обратился к гребцам с пламенной речью, содержание которой так и осталось тайной.

Фогт. Известно только, что рабы все до единого дали ему страшную клятву верности, тогда он расковал гребцов, с их помощью захватил корабль, перебив всю команду, и вышел в море, вместе с якорными канатами, обрубив все связи с человеческими законами и моралью.

Жена. Отныне он объявил войну всем, он крушил все без разбора, как будто некий демон поселился в его черепе.

Несколько раз враждующие стороны объединялись, чтобы поймать злодея, но каждый раз он чудесным образом ускользал.

Фогт. Его отлучили от церкви, матери пугали непослушных детей его именем, а он по-прежнему резал дубовым килем беспокойное серое море, неуязвимый и — казалось — бессмертный.

Жена. А корабль его звался «Призрак» — странное имя для корабля, а на корме его было соломенное чучело, размазанное и одетое в саван — чтоб отгонять духов моря, так он говорил и смеялся, и страшен был его смех.

Фогт. Однажды в жуткую штормовую ночь, когда море рыдало и залило слезами причалы и набережные этого города, из самого центра бури, как бесплотный дух, оправдывая свое имя, возник его корабль, который, оседлав белые буруны, вихрем промчался по гавани и внезапно, как будто прикованный какой-то таинственной силой, стал как вкопанный у причала, который сейчас зовется старым.

Жена. В мгновение ока паника охватила город. Это была странная, молчаливая паника, все притаились в своих домах и ждали самого страшного. Однако, небольшая кучка людей — смельчаков, хотевших дать отпор, или фаталистов, чаявших испытать судьбу — осталась в гавани.

Фогт. С замиранием сердца они услышали, как с корабля на твердую землю, terra firma древних, тяжело упал трап, и по его намокшему дереву глухо застучали шаги — медленно и как бы неуверенно.

Жена. В этот миг на небе разошлись тучи, и сквозь возникший проем лунный луч, тусклый, бессильный, колеблемый бешеным ветром, упал на сошедших.

Фогт. Их было трое. Посередине стоял он сам, исчадие моря, ликом бледен и прекрасен, он был ранен, кровь текла из широкой раны у него на виске и заливала щеку и шею. Двое мавров из его команды держали раненого под руки, своей чернотой оттеняя белизну его кожи. Повисло напряженное молчание.

Жена. Внезапно из кучки людей вперед бесстрашно шагнула юная дочь местного аптекаря, неизвестно как попавшая на набережную. Она протянула капитану какой-то пузырек и сказала: «Возьми. Это остановит тебе кровь».

Фогт. Капитан принял пузырек из рук девушки, смущенно пробормотал слова благодарности, затем тихим голосом

сказал, что он не причинит никому вреда, что его команда нуждается в воде и провианте, и если ему это предоставят, то корабль немедленно уйдет.

Жена. Горожане, обрадованные возможностью откупиться столь малой ценой, удовлетворили его просьбу. Когда бочки и ящики погрузили на корабль, он подошел к девушке, посмотрел на нее неожиданно ласковым взглядом и сказал: «Я вернусь за тобой, смелая девушка, обязательно вернусь. Уже немного осталось». Потом он взошел на борт, и корабль вышел в море. Больше его никто не видел.

(пауза)

Первый безымянный. Он не вернулся?

Фогт. Нет.

Второй безымянный. А девушка?

Жена. Девушка? Она вышла замуж за местного ремесленника, нарожала кучу детей и умерла в глубокой старости.

Первый безымянный. Странный конец у этой истории. А что стало с капитаном?

Фогт. Этого никто не знает. Некоторые говорили, что его поймали испанцы, отвезли в Кадис и там сожгли. Другие утверждали, что он попал в плен к голландцам, был отправлен в Антверпен и там четвертован. Но это говорили люди, не заслуживающие доверия.

Жена. Ходили также слухи, что он окончательно обезумел, перебил своих людей и потопил корабль.

Первый безымянный. Что ж, основываясь на выше сказанном, этому вполне можно верить.

Фогт. В любом случае все это неважно. Считайте, что он просто исчез. Важно другое.

Второй безымянный. Что же?

Фогт. Важно то, что с некоторых пор, раз в год, ночью к старому причалу приходит корабль, с виду — точь-в-точь тот самый корабль. «Призрак», понимаете? Он стоит всю ночь и с первыми лучами солнца исчезает.

Первый безымянный. Этого не может быть.

Фогт. Может.

Первый безымянный. Я не могу поверить.

Фогт. Вам придется это сделать.

Второй безымянный. Значит, он все-таки вернулся.

Первый безымянный. Он опоздал.

Фогт. Он не опоздал. Он вернулся, когда смог. Для мертвых нет времени.

Первый безымянный. А как вы сами можете это объяснить?

Жена. Некоторые считают, что на город наложено проклятие.

Второй безымянный. Проклятие? За что? За милосердие? За то, что девушка помогла раненому?

Фогт. Этого никто не знает. Но всем нам приходится жить с этим.

Первый безымянный. А вы не пробовали пустить к причалу какую-нибудь девушку, ну, из местных? Знаете, такое уже бывало — красавица и чудовище, Андромеда...

Фогт (*прерывает*). Вы думаете, что такой дешевый трюк сработал бы?

Второй безымянный. Хорошо, но при чем тут мы?

Фогт. Вам предстоит отправиться к старому причалу.

Первый безымянный. Благодарю покорно! Это что — приказ?

Фогт. Можете расценивать это как приказ.

Первый безымянный. И вы всем приезжим делаете подобные предложения?

Фогт. Всем.

Первый безымянный. И как они поступают?

Фогт. Идут к старому причалу.

Второй безымянный. А что с ними бывает дальше?

Жена. Этого никто не знает. Они исчезают.

Первый безымянный. Исчезают?! И вы хотите, чтоб мы добровольно встали, пошли на этот ваш чертов причал и исчезли, как вы изволили выразиться?

Фогт. Да, именно это мы и хотим. Вы очень понятливы.

Первый безымянный. Ну, знаете ли! А если мы откажемся?

Фогт. Я буду настаивать. У вас был шанс уехать — почему вы это не сделали? Вы так любопытны? Вы хотели удовлетворить свое любопытство по дешевке? У вас есть прекрасная возможность прикоснуться к тайне.

Первый безымянный. Мы никуда не пойдем.

Фогт. Что ж, тогда... (*достаёт пистолет*) ... тогда я пристрелю вас, прямо сейчас, как беззащитных домашних животных! Клянусь, я не шучу! Зачем вы сюда приехали?! Вам

что, мир тесен?! Поймите, я не могу вас отпустить, чтоб вы повсюду раструбили о нашей тайне, о нашем проклятии, чтоб сюда навалили толпы любопытных бездельников со всего света. Этот корабль, его горе, его позор — может, единственное, что у нас есть, что дает нам силы просыпаться утром, дышать, жить наконец, а для вас, для вас это что — местная достопримечательность?!

Первый безымянный. Хорошо... В эту игру можно играть вдвоем. Это домашнее животное не так уж и беззащитно. *(достает пистолет)* Знаете что, г-н жрец, сегодня вам предстоит потрудиться, чтоб уложить жертвы на алтарь. И если вы сейчас не уйдете отсюда, я понаделаю дырок в вашей очаровательной супруге. Не ожидали, да?! Конечно, не ожидали!!!

Фогт. Вам это не поможет. Я видел и не такое. Я был в Трансваале в 99-м году, когда наша рота волонтеров попала под прямой пулеметный огонь, и все погибли, кроме меня, а вы, молодой человек, хотите меня напугать?! Вы слышите шум за окнами — там собрался народ. Они ждут. Вам никуда не уйти.

Первый безымянный. Если уж нам не уйти, то почему бы не взять вас с собой? А?! *(наводит пистолет на Фогта)*

Второй безымянный. В эту игру можно играть и втроем. *(достает пистолет и наводит на Первого)* Прошу вас, опустите оружие. *(поворачивается к Фогту)* Вы не могли бы уйти, г-н Фогт? Нам надо подумать.

Фогт. Вот это неожиданный поворот! Хорошо, мы уйдем. Но я еще вернусь. Помните — времени у вас очень мало. *(уходят)*

Первый безымянный. Что вы наделали?!

Второй безымянный. Не знаю. Я вдруг почувствовал симпатию к этим людям.

Первый безымянный. Симпатию?! К этим висельникам?! А впрочем, вы — сумасшедший, сумасшедший, я сразу это понял.

Второй безымянный. В этих людях есть какое-то благородство.

Первый безымянный. Благородство! Скажите, пожалуйста! А в Торквемаде тоже есть какое-то благородство. Вы что, действительно собирались в меня выстрелить?

Второй безымянный. У меня пистолет не заряжен.

(Первый истерически смеется)

Второй безымянный. Что с вами?

Первый безымянный. Ведь у меня пистолет тоже не заряжен. Вот смешно, правда? Но у меня есть патроны, *(мехорадочно роется в вещах)* да, патроны, много патронов, черт побери, все время с собой вожу, и тут — такой случай пострелять! *(заряжает пистолет)*

Второй безымянный. Я думаю, нам это действительно не поможет.

Первый безымянный. Может — и не поможет. Но меня тут надолго запомнят. Это я вам обещаю. Вам давать патроны?

Второй безымянный. Ладно, давайте.

Первый безымянный. Это уже лучше.

(гаснет свет)

Первый безымянный. Эти палачи отключили ток. Одного не могу понять, как они с этими своими принципами проводили сюда электричество?

Второй безымянный. Не знаю. Мне кажется, что сейчас электричество есть даже в аду.

Первый безымянный. А мы, по-вашему, где сейчас находимся? Но почему, почему я тогда повернул на дороге, какая нелепая темная сила вела меня? А ведь знаете — мы же, в сущности, свободны. Нас никто не держит. Мы можем хоть сейчас встать и пойти.

Второй безымянный. К старому причалу.

Первый безымянный. Да. Но это будет трусость, понимаете, трусость — капитулировать перед ними.

Второй безымянный. Но ведь оставаться здесь и никуда не ходить — это тоже трусость.

Первый безымянный. Да. Вот она, проклятая свобода выбора! Есть два варианта — либо остаться здесь и быть порванными на куски обезумевшей толпой фанатиков, либо пойти — и исчезнуть — так, кажется, они говорили. Так что же достойнее?

Второй безымянный. Я вспомнил.

Первый безымянный. Что?

Второй безымянный. У него была свеча.

(зажигает свечу, становится немного светлее)

Первый безымянный. Какая свеча?

Второй безымянный. У него была тростниковая свеча.

Первый безымянный *(с тревогой)*. У кого?

Второй безымянный. У Агилульфа, помните, вы сегодня рассказывали про конюха и королеву...

Первый безымянный. Да, я помню, но какое это имеет отношение...

Второй безымянный. Я ведь тоже читал эту историю. У Агилульфа была свеча. И он видел лицо конюха, он его узнал, но он хотел дать ему шанс спасти себя, понимаете, и поэтому действовал так, как будто у него не было свечи.

Первый безымянный. Возможно, но при чем тут мы?

Второй безымянный. Нам надо вести себя так, как будто у нас нет свечи.

(задувает свечу, остается тусклый свет)

Первый безымянный. А что служит свечой для нас?

Второй безымянный. Корабль-призрак. Надо вести себя так, как будто его нет.

Первый безымянный. Это значит — никуда не ходить?

Второй безымянный. Да.

Первый безымянный. Ну и славно. Сразу как-то легче стало. Идти никуда не надо. А что вы там делаете?

Второй безымянный. Я — ем. Знаете, в этом городе хорошо готовят. А мы ведь так и не поужинали.

Первый безымянный. Вы не устаете меня удивлять. Как вы можете есть в такую минуту?

Второй безымянный. Хочется. А вы не желаете присоединиться?

Первый безымянный. В конце концов, почему бы и нет? *(подходит, ест)* Да, эти негодяи действительно хорошо готовят. *(с усмешкой)* Завтрак на бастионе Сен-Жермен. Не каждый день поешь на собственных поминках. *(пауза)* Вы боитесь смерти?

Второй безымянный. Не знаю. Я еще никогда не умирал. В этой жизни.

Первый безымянный. Вы атеист?

Второй безымянный. Мне не хватает смелости, чтоб быть атеистом. Я, скорее, пантеист.

Первый безымянный. Сейчас многие считают себя пантеистами. Это проще. Как вы считаете, может нам стоит помолиться? Ave, Domini, morituri te salutant!

Второй безымянный. Не думаю. Мы и так в руках Господних. Тем более, что наша вера значительно меньше горчичного зерна. Может, выпьем?

Первый безымянный. Да, уж. Не оставлять же им. *(наливает)* Жаль, что все так кончается.

Второй безымянный. Жаль.

Первый безымянный. Мы могли бы стать друзьями. Близкими друзьями. Путешествовать вместе.

Второй безымянный. Нам и так предстоит долгий путь вместе.

Первый безымянный. За что выпьем? Второй безымянный *(улыбается)*. За свечу Агилульфа.

(пьют)

Первый безымянный. Вы будете стрелять? *(пауза)*

Второй безымянный. Да.

Первый безымянный. Это хорошо.

Вдруг зажигается яркий свет. Звучит бравурная музыка, какой-нибудь канкан, влетает Фогт с воздушными шарами, конфетти, хлопушками и т.д. в дурацком клоунском наряде.

Фогт *(кричит тоном ярмарочного зазывалы)*. Добро пожаловать на праздник, господа! Время веселиться, господа, конец недели, хорошее настроение, время шуток, смеха, веселых розыгрышей! Да здравствует веселье! *(хлопает хлопушкой)*

Первый безымянный. Что все это значит?

Фогт. Это значит, друзья мои, что вам сказочно повезло! Сегодня у нас праздник — День города! А это, я вам доложу, потеха из потех! Народное гуляние, танцы, карнавал, духовой оркестр, концерт местных талантов, фейерверк — все для вас, дорогие гости!

Второй безымянный. Значит, вы не будете нас убивать?

Фогт. Ну, как вы могли такое подумать?! Чтоб мы убивали наших гостей?! Гость — это счастье, это радость в доме! Посмотрите, как все рады, на улицах горят цветные гирлянды из разноцветных лампочек, посмотрите на девушек, как они пляшут, как пылают у них щечки, ну, так и съел бы.

Первый безымянный. Значит, все это время вы нам лгали?! А как же ваш город, карта...

Фогт. Далась вам эта карта! Да у нас каждый год тысячи, какие тысячи, десятки тысяч туристов. Всем охота побывать в городе, которого нет на карте. А карта — это самый лучший сувенир, идет нарасхват, как горячие пирожки!

Второй безымянный. Вы лжете! Я был на набережной — там никого не было!

Фогт. Да вы просто не заметили!

Второй безымянный. Я не мог не заметить! Я не слепой! Там никого не было, кроме мертвого дельфина и птицы!

Фогт. Я знал, знал, что дельфин вам понравится! А птица дрессированная! Я сам ее учил! Сколько дельфинов пришлось извести, чтобы научить ее красиво есть, вы не представляете!

Второй безымянный. Что? Вы... Вы... *(задыхается)* Вы — просто величайший негодяй!

Фогт. Ну, прямо-таки негодяй! Вы же меня совсем не знаете. Вот познакомимся поближе, и вы сами скажете — старина Фогт — просто душка!

Первый безымянный. Но зачем, зачем было устраивать этот дурацкий спектакль, ради бога, объясните!

Фогт. Ну, это была шутка, просто шутка, понимаете? Ведь так приятно немного пощекотать себе нервы! Вы же не обижаетесь?

Второй безымянный. А корабль-призрак?

Фогт. Да нет никакого корабля-призрака! Есть старая глупая легенда, в которую давно никто не верит!

Второй безымянный *(кричит)*. Я поверил, понимаете, я поверил вам! *(волнуется)* Вы... Вы не должны были так с нами поступать! Вы сами не понимаете, что вы натворили, жалкий вы человек! Но уже поздно, слишком поздно!

Фогт. Да что ж поздно?! Что ж вы так волнуетесь, дорогой мой?

Второй безымянный. Вы не понимаете, вы не знаете, вера творит страшные вещи, даже те ничтожные ее крохи, что есть у меня. Вы слышите шаги?!

Фогт. Да, слышу, конечно! Как же не слышать! Это капитан, я сам его вызвал.

Первый безымянный и Второй безымянный *(хором)*. Какой капитан?

Фогт. Это сюрприз для вас! Лучшая прогулочная яхта на всем побережье, да какая там яхта, целый корабль, а называется он — как вы уже догадались — ну, конечно, «Призрак» — ха-ха, традиции превыше всего! Сейчас мы с вами совершим небольшую увеселительную прогулку. Представляете, какая красота — ночь, море, ветер поет в парусах, пена морская мешается с пеной шампанского — полный восторг!

Заходит Капитан

Фогт (холодно). Капитан, вы опоздали.

Капитан. Случилось непредвиденное.

Фогт. Извольте объясниться! Яхта готова к прогулке?

Капитан. Боюсь, что нет.

Фогт. Это черт знает что! В какое положение вы меня ставите?! У нас гости! Что у вас стряслось?!

Капитан. Случилось непредвиденное.

Фогт. Это я уже слышал! Выражайтесь яснее!

Капитан. Сегодня утром вы отправили меня с грузом для маяка. Уже тогда начинался шторм.

Фогт. Вот тот легкий ветерок вы называете штормом?!

Капитан. Это был не легкий ветерок. На обратном пути ветер стал еще сильнее. У нас сорвало мачту.

Фогт. Вы мне ответите за мачту! Я вычту у вас из жалованья!

Капитан. Потом у нас сорвало вторую мачту.

Фогт. Да я вас под суд отдам! Ладно, сколько там всего было мачт?

Капитан. Две. Потом у нас сорвало руль. Яхта стала неуправляема, нас понесло на скалы, там яхта получила две пробоины.

Фогт. Нет, вы хотите меня доконать! Кто за все это будет платить?!

Капитан. Мы застряли между двух скал. Начался прилив, и нас стало затапливать. Дверь рубки заклинило. Иллюминаторы были разбиты, и вода хлынула внутрь, сначала она доходила мне до колен, потом до пояса, потом...

Фогт. Это меня не интересует. Вы привели яхту обратно?

Капитан. Да. Это мой долг.

Фогт. Вот это мне нравится в вас! Самое главное, что вы, несмотря ни на что, привели яхту. На ней плавать-то хоть можно?

Капитан (странно улыбается). Можно.

Фогт. Да вы герой, вы же просто герой! Вы извините меня, что я на вас кричал, дорогой мой! Вы же знаете, как дорог мне этот корабль! А теперь, когда все так хорошо кончилось, расскажите нам, как же вы вышли из этого положения? Наверняка, вы придумали что-нибудь такое хитрое!

(Капитан молчит, отходит в сторону)

Фогт *(капризно)*. Ну, что же вы молчите? Расскажите, нам интересно!

Капитан *(медленно, через силу)*. Я умер. Вы говорите с призраком.

Гаснет свет, в темноте звучит истошный крик Фогта, переходящий в хрип, который, в свою очередь, переходит в «Dies irae» Моцарта или в любой другой «Dies irae».

СТИХИ

Последняя стрела

Ты рад, что не чувствуешь стали в спине,
Ты рад, что погиб другой.
Последний мятежник приставлен к стене,
И город их предан и гибнет в огне,
Зажженный неверной рукой.
И тот, кто не стал, давно уже спит,
И дерево стало золой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

Твой жрец записал на белом листе
События этого дня.
Ты больше не ждешь неприятных вестей,
Ведь утром тобою распят на кресте
Их главный хранитель огня.
И женщинам их приказал любить
Твой воин усталый и злой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

Их знамя срубило слепое копые,
Их дети забыли язык.
И весело стало в доме твоём,
И если кто-то еще не пьет,
То уже постигает азы.
А ты ходишь ночью, и дверь не скрипит,
И ты носишь кинжал подолой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

А после, к бойницам лицо прижав,
Ты смотришь в глаза луны,
И гладишь потом рукоятку ножа,
И в пламени этого мятежа —
Пламя последней войны.
И пусть в подземельях смола кипит,
И палач наготове с пилой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

Город

За город, толстый и лысый,
Слезами в пустые глазницы
Ушли собаки и крысы,
Ушли деревья и птицы.
Остались лужи и реки,
Остались камень и бронза
С руками, полными снега,
Глазами, полными солнца.

Когда все были моложе,
Ветер гулял по карманам.
Звенела мальчиков кожа
На боевых барабанах.
Насаживать душу на вертел
И перекраивать рай в ад
С руками, полными смерти,
Глазами, полными кайфа.

Ушли старики и младенцы
Вдаль по дорогам разбитым.
Течет из моего сердца
Река из крови со спиртом.
Залить весь город весной,
Повеситься на карнизе
С руками полными гноя,
Глазами, полными слизи.

И это — лучшее место
Для наблюдения мира —
Начищенное до блеска
Небо с запахом тмина,
Разбитое на кусочки
И склеенное слюною,
На тоненьком волосочке
Висит за моей спиною.

Висит и качает ножкой,
И дышит мне в левое ухо,
Скребется назойливой кошкой,
Жужжит, как навозная муха.
И я растаю, как сахар,
В стакане дневного света
С руками, полными праха,
Глазами, полными лета.

За город, толстый и лысый,
Слезам в пустые глазницы
Ушли собаки и крысы,
Ушли деревья и птицы.
Остались лужи и реки,
Остались камень и бронза
С руками, полными снега,
Глазами, полными солнца.

Прощание

Эта ночь была ветром в огонь на стекле,
Черным демоном выла над этим жилищем...
Она дала ему утром воду и хлеб,
Чтобы он не ушел в это странствие нищим.

Она стала сестрой этих древних богинь,
Статуэтки которых на россыпи полок...
Она легла бы песком под его сапоги,
Если б знала, что путь его будет так долог.

Черной краской на белой стене — это счет,
Это список проскрипций на дне одиночеств...
Она накапала б воска и стала свечой,
Если б знала, что он не вернется до ночи.

И над каждой иконой — анафемы гнет,
И над каждой лампадой — знаменье угрозы...
Она взяла бы дерева и стала огнем.
Если б знала, что он не вернется к морозам.

Эта ночь не поведает ей ни о чем,
Амальгама ее не научит законам...
Она взяла бы железо и стала мечом,
Если б знала, что он будет драться с драконом.

Она видела окна, но ночь в них темна,
И она не заметила, хоть считалась и мудрой...
Она во все бы бокалы налила вина,
Если б знала, что встретит его этим утром.

Пришествие

Никто не видел, как ты шел из лесу,
И кровь текла по рукам и из носу.
Да кто узнает тебя и без креста?
Да кто признает в тебе Христа?
Да кто поможет хоть одеждой дранною?
Да кто ссудит тебе рубль с полтиною?
Да кто напоит хоть водою из крана и
Не окликнет тебя скотиною?
Да кто залечит твои раны страшные?
Да кто омоет тебе голову?
Да кто поверит, что ты не бражничал?
Да кто поверит тебе — голому?

И в церковь пустят не дальше паперти, —
Что сердцем чист, если с грязной кожей?
И издаля поглядев на распятие,
Ты не найдешь ничего похожего.
И не дослушав попа речистого,
Ты, озираясь, здесь ищешь знакомое...
Но не увидишь ты Мать Пречистую —
Лик опорочен лукавой иконою.
И пробираясь толпой базарною,
Не заболеешь чумой и оспою.
И только душа вся до крови в садинах.
Ох, ты не вовремя здесь, Господи.

И, может, ты даже лечишь от печени,
И, может, ты даже в чем-то полезный,
Да только меня чуть не искалечили
Два молодца с кулаками железными.
И, может, ты даже накормишь страждущих,
И, может, ты даже поднимешь Лазаря...
Да только не надо мне капать на душу.
И сплюнув три раза, уйду от глаза я.

А ты усмехнешься — лихая братия!
И скажешь горестно: «Ну, будь по-вашему»
И упадет грязно-белой скатертью
Путь по снегу свежееопавшему.

Иуда Искарriot

От моря к морю — звездою грязной
И в божьем стаде — овцой паршивой
Живет Иуда, живет и дразнит
Кривым лицом да рубашкой вшивой.

От моря к морю — подонок редкий,
От моря к морю — убить охота.
И гадит на пол железной клетки
Душа Иуды Искарриота.

А он ложится ступенью у храма,
Прохладу утра не чувствуя кожей.
Дорогой пыльной идут бараны,
А вместе с ними — сам агнец Божий.

Восходит солнце плевком кровавым.
Участок малый давно распахан
В Святой Земле, и течет отрава —
Иуды семя — от уха к паху.

От неба к небу — стоять спиною.
А он не праведный и не кроткий.
Одно лишь имя сухой слюною
Глотать комками, копясь в глотке.

А, может, помнишь, как шли по полю,
И было лето светло и жарко?
Где распинают любовь любовью,
Идет по кругу Иуды шапка.

А, может, знаешь, как при аресте
Он целованьем предаст кого-то?
Ты слышишь, плачет в отхожем месте
Душа Иуды Искарриота.

Ты слышишь, гнется тростник под ветром,
Ты слышишь, дышит средь всякой мрази
Иуда, бедный своей победой.
Живет Иуда, живет и дразнит.

Как в голодный год...

Как в голодный год загулял народ,
Веселит нутро да по праздникам.
Заходи в дома, да держи карман,
Да храни слова от проказников.
А на той стене в белой простыне
Со свечой в окне — Богородица,
У Нее — глаза, а в глазах — слеза
Никогда назад не воротится.

Колокольный звон да со всех сторон —
Разогнать ворон от распятия.
И на три версты — лишь одни кресты,
И шагнуть в кусты от проклятия.
И ходить пустым по местам святым,
Да сложить персты тонкой щепотью,
И под чей-то бред на святой горе
Догорать в костре мелкой щепкою.

Как со всех ворот собирался сброд,
Раскрывает рот, ищет Каина.
И огонь застыл, и горят листы,
И стоят посты на окраинах.
На своем горбу всё тащить торбу,
И в широком лбу — мысль темная,
Как устроить бунт да поднять толпу,
Да ввести судьбу в сени теплые.

А моя беда — где моя еда,
А моя вода киснет брагою.
Эх, нажать на стоп, да нырнуть под стол,
Со святым крестом да оврагами.
Вот и был таков, не пугай волков,
А пои стрелков — очень тесно им.
Биты головы, да под шум травы
Уходить живым, эх, да с песнями.

Сигаретка

В голове растут дома,
и стоят горбатые.
От большого от ума
Все ходить с лопатой.
Нет, ребята, я не пьян,
То не дурь проклятая...
Сигаретка ты моя,
Моя не размятая.

С сердца прочь — из глаза вон,
Стужа липкой похотью.
Высморкался мой завод
В небо грязной копотью.
То, ребята, не змея —
Кровь течет из трещины...
Сигаретка ты моя,
Моя отсыревшая.

То, ребята, не зима —
Мокрая метелица.
Там, ребята, не тюрьма —
Сушная безделица.
Там, ребята, полынья,
В ней вода тяжелая...
Сигаретка ты моя,
Моя обнаженная.

Закрывали образа
Белокурой бестией,
Мне б насрать в ее глаза,
шиты мелким крестиком.
Не ходи за мной, свинья,
Свинья прокаженная...
Сигаретка ты моя,
Моя зараженная.

Вижу, сытые жлобы
С ликами умильными.
Вижу новые гробы —
Вензеля фамильные.
Вижу — белая скамья,
На ней — тело черное...
Сигаретка ты моя,
Моя обреченная.

Снятся в небе облака
И дуга весенние,
И молочная река —
Берега кисельные...
Выйду — нету ни хуя —
Только срань Господняя...
Сигаретка ты моя,
Моя преисподняя.

Люди весело жуют,
Щеки стали красненьки.
Рвань надену черную,
обосру вам праздники —
И течет моя струя
В платье подвенечное...
Сигаретка ты моя,
Моя бесконечная.

Емея

Вешали Бога на грешную стену.
Эта дорога по выжженным степям.
Кони не кормлены долгие годы.
В реках исхожены топкие броды.

Праздник — хмельное в бочонках да кубках,
Встать со скамьи, покреститься на угол,
Сядь, дурачина, ой, не падай, Емея —
Чужой это пир, и чужое похмелье.

Гуляет дружина под княжеским оком,
Дым коромыслом выходит из окон,
Лечь протрезвиться б, да силушки нету,
Руки и ноги попали в тенета.

Мешает князь зелье с какою-то дрянью,
Дает Емеле поломанный пряник,
Сулит Емеле златые груды,
Ну, а глаза-то как у Иуды.

Мерили плеткой дикое поле,
Княжеской водкой выпита воля.
Гнули подковы стальными руками,
Ну, а теперь не поднять даже камень.

Емея за меч, да его нет у ограды,
Коня вороного свели конокрады,
Лишь крестик нательный душу колет...
Ну что, Емея, остался голым!

Емея встал из кабацкой голи:
— Пойду-ка в лес, поищу там доли.
Идет, про ворота забывши напрочь.
А князь смеется: — Ой, куда ж ты на ночь?

— Да ты, Емея, краснее меди,
Тебя, Емея, сожрут медведи,
Тебя укроет дурной травой,
Сиди, Емея, ой, ты не воин.

Тяжелым комом да в горле обида.
Емеля встал, но не подал вида,
И буйной ночью, да в самую темень
Пустил петуха да на княжеский терем.

— Бросайте, други, злаченные кубки!
— Шутишь, княже, нас этим не купишь!
— Вставайте, братья, со столов богатых —
Тут хорошо, да только много гадов.

Тут хорошо, да только ловят в сети,
Одеты в шелк и слабы, как дети.
И, перекрестивши верхушки елей,
В дикое поле ушел Емеля.

Вешали Бога на грешную стену.
Эта дорога по выжженным степям.
Кони не кормлены долгие годы.
В реках исхожены топкие броды.

Карусель

Крутится-вертится карусель, детская песенка.
Мальчик кормил деревянных гусей едой из песка.
Выше и выше — прочь от земли, до самых небес.
Чтобы люди к ним не пришли, волки подожгли лес.

Белая птица — вниз по реке за черным птенцом,
Слюна играла на языке с моим леденцом.
А леденец — он ни с кем не дружил, он сам мне сказал,
Что он всегда исправно служил тому, кто его лизал.

Девочка, девочка, пришли мне веточку с края земли,
Самую первую, самую нервную — или умри.
Самую тонкую, самую звонкую, спрячу ее,
где недотрогою бьется жестокое сердце мое.

Сестра

Сестра принесет мне испить воды,
Мутной воды да в медном ковше,
А братья на печке глотают дым
И дают боками голодных вшей.

А что же ты, батя, не выйдешь к гостям?
А что же ты стал, как перед ордой?
Смотри, как твой младший, босяк да смутьян,
Подметные письма таскает домой.

А слухи летят, вырываясь из пут, —
И вот уж бояре не платят оброк,
А нищий бродяга, юродивый плут,
Камень тяжелый достает из-под ног.

Опричники спросят о том у отца,
Опричники спросят у глупой молвы,
И полетит голова молодца
В пыльные травы да в мягкий ковыль.

Сестра соберет мне в дорогу харчей,
Сестра проведет меня через сад,
Я сгину росинкою в диком ручье,
Я сгину слезою в сырых небесах.

Ивашка

(посвящение Егору Летову)

Солнце горело у меня в глазах,
Заблудилось небо у меня в волосах,
Дождь захлебнулся в холодной воде,
Удавилась муха у меня в бороде.
Ползут букашки, ползут по стене.
Идет Ивашка к тебе и ко мне.
Ползет букашка — сейчас упадет.
Идет Ивашка — не скоро придет.

Несет он в котомке непромытый песок,
Сырые опилки, гнилой поясок,
Прошлогодние листья, земля и труха,
Мышиные кости, потроха петуха.
Ползут букашки по закрытым глазам,
Идет Ивашка по дремучим лесам.
Ползут букашки по рукам и ногам,
Идет Ивашка по широким лугам.

В землю на полметра уходит ступня,
Ивашка сел посидеть у пня,
Съел пирожок, поплевал на ладонь,
Запил слезу дождевою водой.
Ползут букашки по битым бокам.
Идет Ивашка по глубоким снегам.
Ползут букашки по голове.
Идет Ивашка по мокрой траве.

Вот он подходит и видит свой двор,
Где поломан забор, и дверь на запор,
И только старуха махнула клюкой,
Завыла собака за упокой.
Ползут букашки по белой стене.
Душа у Ивашки прилипла к спине.
Ползут букашки по камышам.
Душа у Ивашки застряла в ушах.

Иван пошел погулять во рву,
Нарвал там траву, траву-мураву,
Сел, закурил, потянулся дымок...
А душа оборвалась и упала у ног.
Ползут букашки из-под земли.
Ивашка сел, разбросал костыли.
Ползут букашки из темноты.
Ивашка встал и срывает бинты.

Под утро три раза заплакал петух.
Костер испугался, костер потух.
Зола полетела над холодной водой.
А Ивашка сидел такой молодой.
Прилетела пташка, пробежала лиса.
Идет Ивашка по небесам.
Упала рубашка, пробежал таракан.
Идет Ивашка по облакам.

Ползут букашки, ползут по стене.
Идет Ивашка к тебе и ко мне.
Ползет букашка — сейчас упадет.
Идет Ивашка — не скоро придет.

Она шлет войска...

Она шлет войска на запад за золотом
И на восток — за амброй и мускусом,
У нее все руки исколоты,
У нее все губы искусаны.

Она сидит на троне в окружении факелов
В белом одеянии праведницы,
Над ее головой серебряным ангелом
Рассвет празднует наступление пятницы.

Она посылает своих апостолов
Молиться за наступление вечера,
И катится копейкою по столу
Солнце ее с лучами иссеченными.

Но никто не появится во поле,
пока платье ее не износится.
И дорога к Константинополю
У нее между волосом и переносицей.

Она раздает на улицах милостыню,
И рады приходу ее обреченные.
Она всегда разрешает милостиво
Целовать одежды свои золоченые.

Так от чего же, милая, тебе печалиться,
Если все города разведаны,
Командиры сильны и отчаянны,
И солдаты смелы и преданны?

И темница твоя не тесная,
И рубашка твоя не с заплатами...
Только ходит по всем окрестностям
Твое солнце — глаза заплаканы

Только ходит твое красно солнышко
По веревочке твоего лица,
И затянет петлею горлышко —
Не покаяться, не подвинуться.

Только в горнице твоей холодно,
И соришь ты рваными бусами.
Только руки твои исколоты,
Только губы твои искусаны.

Яблочко

Эх, яблочко, да червячок грызет,
Эх, девочка, да пяточок несет —
Губы тонкие да ноги босые,
Руки мокрые да зубы острые.

Пяточок в руке на волю просится,
Птица в молоке да не утопится,
С неба брошена рука кандальная
В осторожные глаза хрустальные,
В беспокойные глаза незрячие,
В непокорные глаза собачьи,
Полетит зрачок да черной точкою,
Плачет пяточок одиночкою.

Эх, яблочко мое надкушено,
Эх, девочка, зло разбужено,
Рано-затемно да черным облаком
На глаза тебе — битый колокол.

Под прямым углом да в снег мелованный —
Умирать облом нецелованной.
Эх, мороз-матрос да в бескозырочке —
Подари засос дезертирочке.
Дезертирочке да изменнице,
Переводчице да перебежчице,
Переплетчицей да в мою летопись,
Перелетчице через ненависть.

Эх, яблочко, давай рассказывай,
Эх, девочка, снимай, показывай,
Пяточок в руке да не сгибается,
Стоит девочка, улыбается,
Не ругается да не печалится,
Моя песенка не кончается.

Эх, яблочко да несъедобное,
Эх, девочка неудобная,
Стоит белая да как снегурочка,
Не берет ее пуля-дурочка,
Не берет ее штык заточенный,
Посеребренный да позолоченный,
А как развиднелось, так смотрят грешные —
А то не девочка, а баба снежная.

Эх, яблочко да прикарманила,
Эх, девочка одурманила,
Отуманила и как мальчика,
Обвела меня вокруг пальчика.
Как смешно стоять ей на улице,
Чтоб не шуриться да не сутулиться,
Не беречь глаза да от прохожего,
На нее совсем непохожего.

Эх, яблочко, живи не жалуйся,
Эх, девочка, иди не балуйся,
Губы тонкие да ноги босые,
Руки мокрые да зубы острые.

Полюбила парня девчонка

Полюбила парня девчонка,
Как вода дружила с карбидом,
Как любила пилку решетка,
Как дружил огонь с динамитом
Как дружил со свиньями бисер,
Как любила среду суббота —
Не сбежит корабельная крыса
С падающего самолета.

В час, когда закончится вечность,
Наполняя гнезда кукушек,
Будут дочери человечьи
Не людей рожать, а лягушек.
Где землей набиты карманы,
Вырастут колосья пшеницы.
Мы ложимся спать с барабаном,
Значит, ничего не приснится.

На заводах всех оборонных
В час, когда все люди уснули,
На серебряные патроны
Поменяют старые пули.

На лице Сикстинской Мадонны
Выступают трупные пятна,
И получают все эшелоны
Вдруг приказ вернуться обратно.

На щитке пожарной системы
Сорвана защитная пломба.
И польется мертвое семя
В черное бесплодное лоно.

С коробком дружившая спичка
Не узнает цену измены.
На щеку упала ресничка,
На какую, мне не известно.

И пока просроченный вексель
Не швырнули в жаркую топку,
Хочется не думать о сексе,
Хочется не думать о водке.

Нас подвяжут ниткою синей,
Нас крестят осиновым колом,
Чтобы быть здоровым и сильным,
Чтобы быть свободным и голым.

Потому-то в школе воскресной
Нас научат всех на отлично,
Чтоб, встречая патруль небесный,
Объясниться с ним поприличней,
Чтоб войти в доверие быстро,
Чтоб попасть туда, куда надо,
В те места, куда и на выстрел
Не подпустят нашего брата.

И когда в священные залы
Мы влетим сияющей птахой,
То господь посмотрит устало,
Скажет: «А пошли вы все на хуй!»

Мои войска...

Мои войска — в голове туман,
Мои войска — белена-дурман,
Косая сажень, прямая речь,
Картонный щит, деревянный меч.
Гуляй, гуляй — кобура пуста,
Сыра земля — поцелуй в уста,
Белы снега да ручей голубой,
Рога с потолка — это черт с тобой.

Огонь погибал на моей войне,
На моей войне, да на той стороне.
Орал, умирал, слюну вытирал,
Его пытал чужой генерал.
Кричи, не кричи, говори быстрее!
Стена — кирпичи, приговор — расстрел,
Трибунал — великан да карлик конвой
Свеча с потолка — это Бог с тобой!

Чужой патруль у моих ворот,
Чужой козел да на мой огород,
Идут, идут по моим городам
Самбайну-Дарга, Монгол Шуудан.
Петля — река, берега — капкан,
Наверняка, да не по ногам,
Лежал снежок да водицею стал,
Не зря дружок сапоги топтал,
Еще шажок, и горит бензин,
Не зря дружок да погоны носил,
Пока, пока играйте отбой...
Свинья с потолка — это я с тобой!

Донна Анна

Белы снега в Кордильерах.
В черные волосы — розу.
Не троньте меня, кабальеро,
Пока я курю папиросу.
Ветром земли Ханаана —
Запахи пряностей разных...
Не плачьте о, донна Анна,
Ваши глаза прекрасны.

О, господин коррехидор,
Пустите меня, хулигана,
Туда, где идет панихида
В соборе Святого Стефана,
Где наклонясь к изголовью
Под звуки церковного хора
Сейчас истекает любовью
Вдова моего командора.

Мертвому место в склепе,
Женщины место в серале.
Ангел будет на небе,
А дьявол будет в подвале.
А я между тем и этим
Стою на земной твердыне,
Один на всем белом свете
Своей обуян гордыней.
Воздух — звезде и птице,
Земля — кроту и мышонку,
Бросьте меня в темницу —
Я перегрызу решетку,
Закуйте меня в оковы,
Отбейте мне ум и печенку,
Поставьте ко мне часового,
Но я совращу девчонку.

Юноша с розовым бантом
Тянет свой aqua vita,
Огненная сарабанда —
Пляска святого Витта,
И среди этого ада
Песня моя все победней.
Идите, о, донна Анна,
Я ухожу последний.

Тицианова девственница

В этом небе воздух — спирт неразбавленный —
Дружен с миром, как хлеб дружен с голодными.
Я стекаю сегодня легкими каплями
По кресту с опавшими позолотами.

Веселитесь, друзья, ведь ничто не изменится,
Если я не приду к вам с простуженным голосом,
Посмотрите, как Тицианова девственница
Убирает со лба мои мокрые волосы.

Я пою, но не знаю, зачем это делаю,
Ведь они не увидят, праздно пришедшие,
Как срываются в кровь мои пальчики белые,
Не посмотрят в глаза мои сумасшедшие.

Голубица грустит над своими младенцами,
Не добитыми пулями юных охотников...
Я бледнею разорванными полотенцами
На пути между Богом и подоконником.

Я найду свою тень у каждого дерева,
Я найду свой хлеб у каждого колоса,
Я живу, пока Тицианова девственница
Убирает со лба мои мокрые волосы.

Обещание

Сегодня одной монетою
я получил по закону
Власть, которой не было
у Аттилы и Наполеона,
И я обещаю ныне,
стоя пред ликом Божьим,
Выдать каждому в мире
все, что ему положено,
То, что от века падшего
всем обещали заживо
Праведное монашество,
сильные мира нашего:
Воздуха — всем задушенным,
крылья новые — ангелам,
Душам — во тьме заблудшим —
силу святого Евангелия,
Умершим без погребения —
теплые доски гробовы,
Утратившим терпение —
еще один раз попробовать,
Иерусалиму и Мекке,
мхам и высоким соснам,
Всем берегам и рекам —
я обещаю солнце.

Будет над градом мятежным
наше веселое знамя.
Роза при имени прежнем —
с нагими мы впредь именами

Stat rosa pristina nomine,
nomina nuda tenemus.

Быть ему не булочником,
 быть ему не карманником,
Быть ему не лучником,
 быть ему не охранником,
Тайно не приторговывать
 ему товаром украденным,
А над горою Голгофою
 висеть ему перекладиной.

На теле у астроябии
 Лев с Козерогом дружен.
Водой из небесных хлябей
 полны и моря и лужи.
Огонь может быть пожаром,
 а может в камине биться.
Сыты одним урожаем
 апостолы и убийцы.

Металлом владеет Кесарь
 и раб на Кесаря пашне,
Стоящие перед мессой,
 идущие в рукопашный,
И дерево может быть лестницей,
 а может служить и клином,
А может быть перекрестием
 над Иерусалимом.

Будет ни кем не прерван
 пир там, где стол так беден,
Будет беда на первое,
 а поцелуй на третье.
Будет в сыром тумане
 зябко в одежде ветхой.
Вдаль уходящий странник
 скрипнет поломанной веткой...

Туринская плащаница

*С сердцем, отягощенным множеством печальных
дум о событиях этой ночи, проснулся я утром
пятого дня, когда уже отзвонили к первому
часу, и Вильгельм, грубо тряхнув меня за плечи,
известил, что совместное заседание вот-вот
начнется. Я выглянул в окошко своей кельи, но
ничего не увидел. Вчерашний туман превратился
в плотную, цвета молока, пелену, целиком
укрывшую монастырский двор.
(Из Умберто Эко «Имя Розы»)*

Черной горою да полем зеленым
Ехал епископ из Авиньона.
Дорога бежала белой полоской.
Что-то лежало в его повозке.
Что там таится? Не рожь, не пшеница,
Не ока зеница, не неба зарница,
Не праведница и не блудница —
Там — Туринская Плащаница.

Въехали в город в северной части.
Вера — несчастье, счастье — причастье.
Будут на ужин им слезы коровьи,
Хлеб с кипятком, молоко с кровью.
Вечер расплакался выжатою губкой,
Горькие слюни стекли по скорлупкам
Битых орехов на рыночной площади —
Их растоптали епископа лошади.

Ночью над городом колокол вешался,
Пьяный звонарь над бедой его тешился.
В городе пост, а над ним — Воскресение —
Дьяволу — горе, нам — во спасение.
Вышел епископ и вынес реликвию.
Божья коровка не верит в религию:
Мертвую тлю шупая усиком,
Завтракает на лице Иисусовом.

Он говорил мне прежде, чем вышел:
«Будьте как кошки, будьте как мыши,
Будьте как дети, будьте как звери,
Будьте как стены, будьте как двери,
Будьте как праздник, будьте как битва,
Будьте как кожа, будьте как бритва,
Звонкою песней в горло немое,
Ложкою меда в бочке помоев.

Во имя всевышних, во имя всенижних,
Во имя ближних, во имя лишних,
Во имя слабых, во имя сильных,
Во имя уродливых и красивых,
Во имя железных, во имя медных,
Во имя румяных, во имя бледных,
Во имя разогнутых и согнутых...»
Я видел его до последней минуты.

Ходили по городу странные вести,
Будто меня с ним видели вместе,
Будто бродили два оборванца,
Два оборванца, два иностранца.
Он был небрежен и неосторожен,
Он был задержан и уничтожен.
Меня пожалели, меня простили,
Предупредили и отпустили.

Вам — добродетель, мне — искушение,
Вам — победа, мне — поражение,
Чаша Грааля мне битая ваза,
Друг мой разбойник зеленоглазый.
Утром застонет в вихре опилок
Город, застреленный мною в затылок.
Будет мне нимбом пепел окраин...
Я выбираю исчадие рая.

Шарообразность

Вечером по небу золотою блесной
Пролетает Илья-Пророк в своей колеснице.
В ней солнце, как колесо,
А лучи в том колесе — спицы.
Долго не смотри — будут болеть глаза:
Солнечные лошади заденут их своими копытами.
Так по-своему расправляются небеса
Со смертными, дерзкими и любопытными.

Торопитесь, проданы все билеты в первый ряд.
Для знатоков — зрелище — высший сорт,
Как одинокий и безоружный солдат
Штурмует укрепленный небесный форт.
И чьи-то слова, — то ли поощрение, то ли упрек —
Следуют за ним по самой длинной из лестниц
Медленно и неумолимо, как по вене газовый пузырек
Поднимается во время кессонной болезни.

Господи, я так спешу — дай мне гвозди и доски
И я сделаю плот,
И тогда мне уже не надо будет моста.
Но если в водах Евфрата я выловлю
Дважды укушенный плод —
Это значит, что я опоздал.

Тогда я выйду на берег и буду смотреть,
Как уплывает баркас.
Я изнемог от трудов и поэтому
да здравствует праздность!
И глядя, как парус уходит за грань,
Я, видимо, в первый раз
Поверю в земную шарообразность.

Хаким и Мерва

(Из Х. Борхеса)

Когда воздух пустыни белес и слепящ,
Когда солнце сходит с ума,
Когда полдень накинёт свой порванный плащ
На дома,
Когда с минарета натянутый нерв
Песня бросит в песчаную даль,
Красильщик в маске вернется в Мерв
Навсегда.

Он пройдет через город, как нож через мед,
Он не обернется на крик.
Он найдет свой дом, зайдет и замрет
У двери.
Он замрет, подумает и не поймет,
От чего же он так бежал.
А потом обернется и облизнет
Мед с ножа.

Он увидит, как на стене засверкал
Яркий солнечный блик,
Как отразится на бронзе зеркал
Его укутанный лик.
Он почувствует запах окрашенных кож,
Поднимавшийся из глубины,
И старой двери передастся дрожь —
Дрожь от его спины.

Он увидит в окне — солнцем не опален
Рвет орел небес паутину.
Он летит, и стремителен этот полет,
Как бегство из Мекки в Медину.
Но вовек никогда не заносит орла,
Куда залетает муха,
И верблюды не пройдут сквозь иглу, но игла
Пройдет сквозь верблюда ухо.

Он подумает, глядя, как туча мглой
Закрывает его небосклон,
Что лучше быть мухой или иглой,
Верблюдом или орлом?
Что лучше — быть великим в большом
Или великим в малом?
А ветер горячий лицо ему жег
Сквозь шелк покрывала.

Он сказал, что кармин и пурпур — обман,
Что лживы любые краски.
Что родина кедра — это Ливан,
А сталь родилась в Дамаске,
Что бог недаром проклял свинью,
За то, что глупа и грязна,
Что от проказы долго гниют,
А смерть от копья прекрасна.

Когда его кровь впитает песок,
Как влагу — сухие ведра,
Натянет вечер свой поясок
На noci черные бедра,
Последняя тень переступит порог,
И будет рождаться сказка,
Как жил и умер один пророк —
Из Мерва красильщик в маске.

Скажут, что он ненавидел людей
За их зеркала и ложа,
Что он любил вдыхать в темноте
Запах окрашенной кожи...
И будут они вдохновенно лгать,
Неистово и поспешно,
А луна с бесстыдством, присущим богам,
Смотрит на них с усмешкой.

Вечер в Эдеме

Где-то там далеко-далеко,
За сплетенными в цепь кольцами горизонта,
Есть земля, что течет медом и молоком,
И серебром, и золотом.

Я прикоснусь только на миг
К краю цепи пальцев кончиками,
И она на целый мир
Зазвенит веселыми колокольчиками.

И пойдет по земле золотая дрожь,
Облегчая страданья больным и раненым,
И проснется спящий у врат сторож —
Ангел с мечом пламенным.

Я знаю, что он очень устал,
И столько лет ожидания вечности
Он думал о том, как его снимут с поста,
И он отдохнет по-человечески.

И я подойду к входу в страну,
Чтоб сказать доброе слово охраннику,
И четыре реки сольются в одну,
Преграждая путь дерзкому страннику.

А он прикоснется рукой к волне,
И волна, притихши, на дно уберется.
Я знаю — он удивится мне,
Я знаю — он мне улыбнется.

И я расскажу ему о городах,
Об их площадях, дворцах и темницах,
О том, что девица не стоит плода,
О том, что плод не стоит девицы.

О том, что птицы не выше крыш
Летают, лишь бы к земле поближе,
О том, что мессы не стоит Париж,
О том, что месса не стоит Парижа.

О том, что люди злы и глупы,
И что их имена не менялись веками.
Что время из камня делает пыль,
Но из пыли не делает камня.

О том, что огонь позабыт и потух,
И живет лишь в очагах и лампах.
О том, что люди ходят на двух,
А звери на четырех лапах.

О том, что стрела не видит мишень,
И мишень над стрелою будет смеяться.
О том, что кот не ловит мышей,
И мыши больше кота не боятся.

Что святость и святотатство — родня,
И что смелость живет лишь в преступленьи...
А он будет молча слушать меня
И качать головою от удивленья.

И я позову его в города —
А он мне скажет, спокойно, без гнева,
О том, что Евы не стоит Адам,
О том, что Адама не стоит Ева.

Что здесь его солнце, здесь его тень,
Его отравы, его отрада.
О том, что Сад не стоит людей,
О том, что люди не стоят Сада...

А звезды слушали нас с небес —
Их много и вместе они не уместятся.
И воевал с полумесяцем крест —
Южный Крест с половиной месяца.

И я ухожу, не дождавшись утра,
И он ворота закроет за мною...
Гихон, Фисон, Хиддекель, Евфрат
На прощанье помашут волною.

Эль-Рей

*(по фильму «От заката до рассвета»
памяти Ричарда Гекко)*

В темноте, за спиной, за стеной, за окном
Проедет ночной экспресс.
Белый кий над зеленым сукном
Проведет перевернутый крест.

У тусклой лампочки тени, как нимб,
И стены в дырках от пуль.
Когда кто-то садится в кабину к ним,
Шоферы бросают руль.

И грузовики, как черный поток,
Уходят в бездонный провал,
А души взлетают на небо, где Бог
Отбирает у них права.

И этой ночью блаженные сны
Приснятся тому, кто спит,
Ему приснится сладкий жасмин
И стопроцентный спирт.

Выходят дамы из галерей,
Неся в волосах цветы...
А он никогда не увидит Эль-Рей,
И не увидишь ты.

Никто не спасется, никто не сбежит,
Дверь открывать не смей!
И все, кто искали лучшую жизнь,
Найдут наилучшую смерть!

В очках-озерах трещин развод,
Холодный зрачок пуст.
Он почувствует — в мертвом теле его
Появится мертвый пульс.

И полетит, почти не дыша,
К небу прижавшись крепко,
Проклятая, проклятая душа,
Душа Ричарда Гекко.

Сгорают бабочка в фонаре,
Дымит прозрачная кожа...
А он никогда не увидит Эль-Рей,
И ты не увидишь тоже.

А утром, а утром чары падут,
Замки падут вместе с ними,
И женские губы станут в бреду
Шептать проклятое имя.

Ей так хотелось без плана, без карт
Мчать путями большими.
Ей так хотелось ворваться в ад
На своей горящей машине!

Ей так хотелось на белый снег
Пролить золотую желчь.
Ей так хотелось подняться наверх
И небеса поджечь...

И вот за солнцем она на заре
Гонит усталый мотор,
Она никогда не увидит Эль-Рей,
И не увидит никто.

Бегство Винсента Муна

(из Х. Борхеса)

Когда рассеялся дым,
Он понял, что подавили восстание.
Кто-то ударил в тыл
С другой стороны мироздания.
Гул шагов о беде
Ему говорил сквозь анфиладу.
Он нагнулся к воде
И тронул ее движеньем Пилата.

Он поднял ворот пальто —
Из-за стыда или от холода,
Его не заметил никто,
Когда он уходил из города.
И на вокзале в вагон
Садясь, как будто во время болезни,
Лицо закрывал платком,
Скрывая прикосновение лезвия.

Сквозь пелерину вьюг
Колеса звенели, как тридцать сребреников,
Далеко на юг
Унося, увозя изменника.
Ночью прибудет в порт
Корабль, и отправится утром рано.
Тихо взойдет на борт
Корабля человек со шрамом.

Каплей в людской реке
Лицо его смоемся и позабудется.
Он вспомнит, как манекен
Расстреливали солдаты на улице:
Лопалась тонкая ткань,
И ветер, клочья ваты взвивая,
Плакал, а издалека
Казалось, что эта кукла живая.

Небо

Я знаю — небо бывает пустым
По вечерам, когда странные тени,
Цепями звеня, поднимают мосты
И приносят на землю печаль и смятение.
Я знаю — небо нельзя измерить,
Его безмолвие везде одинаково.
Стучится ветер в закрытые двери
На последней ступеньке лестницы Иакова.

Тот ветер усталый зол и колюч,
Он дует тысячу лет кряду.
Но Бог запер мир и выбросил ключ,
А я подобрал его и спрятал.
А люди вверх поднимают глаза
И видят, что эти дали прекрасны.
Они знают, как заманчивы небеса,
Но не знают, как те бывают опасны.

Ведь в небе, в небе нет никого,
Кто б сказал им, что этого делать не стоит,
Стоящим с поднятой головой
И захлебнувшимся высотойю.
А после они выгорают дотла
Изнутри, и другие найдут на рассвете
Лежащие под небесами тела
Без видимых признаков насильственной смерти.

И все-таки кто-то останется жив,
И пойдет по миру, осыпая упреками
Свою слепую земную жизнь,
Хрипя обгоревшими легкими.
Я знаю, что я окажусь живуч,
Но не буду об этом рассказывать каждому.
Я возьму найденный ключ
И вставляю его в замочную скважину.

Там я увижу бездонную высь
И почувствую, как в наступающих сумерках
Пролетает птица — последняя мысль —
По темному небу моего безумия.
И я буду низвергнут в море огня.
Моя плоть истлеет, а дух рассеется.
Вот Он опять убивает меня!
Но я опять стану надеяться

На то, что небо бывает пустым.

Я знаю — небо бывает пустым...

De Profundis

Покинет солнце круг земли,
Погаснут фонари и свечи,
Уйдут в томительную вечность
Венцы, дворцы и корабли,
Умрут пророки и предтечи,
Скопцы, купцы и короли.

И месяц – хитрая лиса,
Сверкая серпом золоченым,
Взойдет над градом обреченным
До полночи за полчаса,
Поднимется над бездной черной
С звездой в лунных волосах.

И бледный свет, сродни реке,
Струей воды летящей книзу,
Пилястры, портики и фризы
Утопит в лунном молоке,
Зальет балконы и карнизы,
Афины, Рим и Карфаген.

И ночь, безмолвием дыша,
Преодолев тоску и робость,
Шагнет в подставленную пропасть,
Неся погибель и пожар,
Храня умеренность и кротость,
Пойдет неслышно, не спеша.

И не видать сквозь туч гряды,
Как путник в одеянии грязном,
С надеждой смутной и напрасной,
Бредет один через беду
Со взором грустным и прекрасным,
Врываясь в улиц череду.

Его ждут дома этажи.
И тень в серебряной оправе
Его утешит и направит,
Зажжет иные миражи.
Как исключение из правил,
Он будет мучиться, но жить.

Гобелен

От тщеты бытия ограждая чередой укреплений,
Созданных в мыслях, в камере после пытки,
Он думал о детстве и белом единороге на гобелене,
Который жевал траву — зеленые нитки.

Боже! До чего эта зелень нетленна!
И как ничтожны здесь времени превращения!
Сколько лет единорог не сходил с гобелена,
Не зная ни голода, ни пресыщения.

А слева, на переплетеньи атласном,
Прекрасная, как похищенная Зевсом Европа,
Стояла девица, вышитая синим и красным,
С букетом из лилий и гелиотропов.

Бесстрашная, она улыбалась, не веря,
В то, что эти нити непрочны,
Зная, что ее защита от зверя —
Это лишь ее непорочность.

Содрогалась от смеха большая тюрьма,
И черная тень, стоя на пороге,
шептала:
— Монсеньор, узник сошел с ума!
Он бредил о деве и единороге!

А смех бежал по коридорам и лестницам,
Разбивая двери, замки и засовы...
Он знал, что больше нет единорогов и девственниц,
Кроме вышитых и нарисованных.

Песня греческой девушки

(из П. Мериме)

Бывает — вдруг разорвет темноту
слабый луч — за терпенье награда.

Слова у нее вязнут во рту:

— Прошу, заберите меня из ада!

Прошу, возьмите меня наверх,
туда, где пасутся стада овечьи

На склонах гор, а зимою снег
ложится белой шалью на плечи.

— Девочка! У тебя в волосах
Воет ветер, ветер дикий.

Девочка, он разбудит пса,
а пес не выпустит Эвридику.

— Волосы шею мне жгут,
душат меня белокурые сети.

Если я волосы состригу,
в них замолчит ветер.

— Девочка! На тебе надето
платье из ткани тяжелой и крепкой.

Девочка, оно намокнет в воде —
тебе не переплыть реку.

— Платье мое тяжелее ночи,
рвется кровь наверх через голову.

Я платье разорву в клочья
И войду в эту реку голою.

— Девочка! Твои туфли скрипят.
Шорох вором крадется сквозь воздух.

Девочка, сторожа не спят,
и услышат тихую поступь.

— Я туфли брошу назад,
разойдутся ноги кровавыми лентами.

Я закрою, зажмурю глаза,
чтобы глаза меня не предали.

Прошу, возьмите меня наверх!
Там мой милый плачет, я слышу голос.
Его щеки покрылись навек
от слез красными полосами.
— Девочка! Милый твой от вина
пьян, и мутны у него зеницы.
На его коленях сам Сатана
сидит в образе прекрасной блудницы.
И слабый луч, на который кулак
сжав, ты смотришь, вздыхая тяжело,
Попавший сверху неведомо как
отблеск его золотой пряжки.

Дева и сердце

Когда-то я слышал сказку
О том, как в дальней стране
Утром солнечный лучик
Пляшет на пыльном окне.
Там домик с покатою крышей,
Крытою берестой,
Двери его на запад,
Окна его — на восток,
Утром приходит солнце —
Так уж заведено —
В окна оно заходит,
В двери выходит оно.
Солнце летит на небо —
У солнца свои пути.
Солнце уходит дальше,
Чтобы другим светить.

Жила в этом домике дева,
Смотрела в лесную даль.
Губы ее — кораллы,
Глаза у нее — миндаль,
Руки ее из снега,
Сердце ее изо льда,
Она была прекрасна,
Она была молода,
Она по ночам ложится,
Она по утрам встает,
Птицами и цветами
Вышито платье ее.
И вот, грозовую ночью
Она, весела и зла,
Пришла неслышной воровкой
И сердце мое унесла.

И ночью, темною ночью,
Когда бушевала гроза,
Я видел у изголовья
Безжалостные глаза.
И я обошел полмира,
Утратил покой и сон,
Свет от чужого солнца
Жалил мое лицо,
Я шел по чужим дорогам,
Сидел у чужого огня,
Я видел многих, и многие
Тоже видали меня,
Но только никто не видел,
Ни близко, ни далеко,
Платье ее из шелка
С птицею и цветком.

Люди, слышите, люди!
Невидимая никем,
Ходит по свету дева
С сердцем моим в руке.
Голос ее серебристый
Рушит любой гранит.
Смотрит она на сердце
И смеется над ним.
А я у чужого порога
Снова стою один.
Ветер, холодный ветер,
дует в моей груди.
Люди, ее не троньте!
Не делайте ей ничего!
Пусть сердце себе оставит —
Оно все равно мертво.

Когда-нибудь кончится время,
Когда — не знает никто,
Снова вернется дева
В свой постаревший дом,
Снимет тяжелую обувь
И разожжет камин,
Посмотрит она на сердце
И заплачет над ним.
А я, проходя случайно,
Один на своем пути,
Гляну в ее окошко
И не смогу отойти.
И два одиноких взгляда,
Впервые за столько лет,
Сойдутся, и мир исчезнет,
Когда она выключит свет.

Четвертая река

Однажды ночью где-нибудь между
Двумя городами в чужой земле
Отряд покинет песок побережья
И на востоке исчезнет во мгле.

Когда звезда на небе погасла,
И в городах потушили огни,
Все колеса смазали маслом,
Чтобы не скрипели они.

И уходили в молчании жутком,
Чтобы услышать их не смогли,
Двигаясь совершенно бесшумно,
Будто и не касаясь земли.

А где-то в обозе, совсем неприкаян,
На дне окованного сундука,
Лежал и ждал своего пергамент,
На котором протекала река.

Есть реки с разными именами,
Что и не знали доли такой —
Стоять обманными письменами
Перед последней, четвертой рекой!

Чьи воды, словно плод запрещенный,
Выводят на свет потаенную мысль,
Скрывая от глаз непосвященных
Для посвященных открытый смысл.

Они уходили в рассветное пламя,
Пока их первый порыв не остыл,
И мяли багровую орифламму
Горячие желтые пальцы пустынь.

Когда за добычей слетятся грифы,
Парящие преданно в небесах,
Апокрифы, знаменья и мифы
Растают в похолодевших глазах.

И в северном городе, в том, что всех краше,
Девушка станет внезапно бледна,
Она оставит извечную пряжу,
И больше не тронет веретена.

Она посмотрит из узких окон
На спящий у ног ее каменный град,
И тихо слезинка падет из ока —
последняя, как река Евфрат.

Четвертая река 2

В стране неверных, дальней стране,
Где небо дышит смертельным жаром,
Лежат рыбы на высохшем дне,
И солнце им обжигает жабры.

Вода ушла далеко назад,
Оставив их посреди пустыни,
И солнце светит в рыбы глаза,
Безумные, высохшие, пустыне.

Смотри, смотри — не видя беды,
Они уходят к новой отчизне
С флягой отравленной воды,
Пересекая пустыню жизни.

Их речи дерзки, сердца легки,
Они беззащитны, как две мишени.
Они идут через пески,
Чтобы свернуть ангелу шею.

Не плачь, дитя, что намок твой лоб.
С тобой ничего не может случиться.
Когда начнется новый потоп,
Ты будешь рыбою, а не птицей.

Ты будешь плавать в сырой глубли,
И мысли твои будут смутны и редки,
А над тобой в небе голуби
Несут на ковчег зеленые ветки.

Потом, когда отступит вода,
Даруя жизнь родникам и рекам,
Ты вспомнишь, как лоб твой намок тогда,
Когда еще ты была человеком.

Ты будешь лежать не на спине,
А на боку, как всегда лежала,
В стране неверных, дальней стране,
Где небо дышит смертельным жаром.

Леди Джейн

Когда она оставалась одна,
Освобождаясь от мира бремени,
Видела, как штормовая волна
Идет наверх по реке времени
В краю, где бродят слепые огни
Среди тумана шагами тихими,
Где бьются о берег холодные дни,
Слетая с волны холодными льдинками.

Когда она оставалась одна,
Ловя ускользающие мгновения,
Под рукою ее стена
Дрожала от легкого прикосновения.
Двоилась черная полоса
В окне, нетронутом занавескою.
Мелькали буквы в ее глазах:
Латинские, греческие, еврейские.

Дымилась трепетная свеча —
Язык багряный во рту у полночи,
И слабый голос ее дрожал,
Сражаясь с адскими полчищами.
И губы шептали в сырую ночь,
Бросая стоны в ладони ветра:
«Нет, нет, уходите прочь! Vade retro!»

О, леди Джейн — она станет серей,
Чем ряса, чем имя, с которым дружила,
Когда засверкает на топоре
С утра росинка слезою лживой.
Прогнется крутою дугою мост
Над бездной, над черною пастью голодного,
И содрогнется прочный помост
Под ее стопою, такую бесплотною.

Она увидит: на самом дне
Потока, рядом совсем, лежит с ней
Ее королевство на девять дней.
Девять дней — как девять жизней!
Когда она оставалась одна,
Освобождаясь от мира бремени,
Видела, как штормовая волна
Идет наверх по реке времени.

Тебя не существует...

Тебя не существует, ты — ничто.
Ты — миф, видение безумного провидца,
Ты дымка та, что над огнем струится,
Ты — сам огонь, ты им рожденное плато,
Восставшее над твердью мировуюю.
Ты — всё! Ты стая птиц над головою,
Ты червь, питающий утробу этих птиц,
Ты соприкосновение десниц
И их разъединенье вековое,
Та сила, что перо прижмет к листу,
Та боль, что будет слаще всякой неги,
Твое лицо в плену дождя и снега,
Ты крест и гвоздь, что плоть прибьет к кресту,
Ты легкий челн, оторванный от берега,
Которого всем естеством взыскуешь,
Где мой корабль, сидящий на мели
На северной окраине земли...
Я верую, что ты не существуешь!

Есть мир, где плодоносит смоковница,
Где первенцы в Египте не умрут,
Где склон полог, а дол — скалист и крут,
Где саранча не станет есть пшеницу,
Где Лазарь не покинет мрак гробницы,
Неся на теле тления печать,
Где город свой на смерть чужим мечам
Не даст иерихонская блудница.
Благополучен путь в Фарсис из Яффы,
Не будет шторма, бунта и кита,
Ударит камень прямо в центр щита,
Хоть был нацелен в око Голиафа,
Там сжалится над пленным Каиафа,
И Анна будет кротким, словно лань,
Он пленнику свою протянет длань,
Благословя его на путь деяний.
Но пастырь плачет и идет во тьму,
И дьявол крикнет с хохотом ему

вослед:

«Ты проиграл, Галилеянин!»

Сонет

Избавь меня от дня и темноты,
Спаси меня от доброго и злого,
Огня и холода, действия и слова,
Храни меня — и стану я как Ты.
Но Ты безгласен. В этой немоте
Есть нечто, что полнит меня отвагой.
Хоть толковать подобный знак как благо
Не стали б люди. Что мне до людей!
Я знаю мир, где солнце светит ночью,
Где семена растут обратно в почву,
Где попраны запреты и законы.
Я буду жить, не ведая грехов
И наблюдать, как в небе далеко
Летают ангелы, кометы и драконы.

Тщетность

И это лето так же пролетит,
Как прошлое, не будет знаменован
Его приход пророчеств исполненьем,
ни карой, ни чудесным избавленьем,
Ни чередою бедствий, и пути
Господни не откроются нам снова.
В урочный час с печальных тополей
падет тяжелым пухом безнадежность,
Стрелец и Рыбы, Рак и Водолей,
Ложь и коварство, преданность и нежность,
Слова утратят, и облетит
С них шелуха усталых букв — и ладно,
Ведь главное, — что в девять без пяти
Заходит солнце. Вечер строг и тих,
Как помощь опоздавшая к Роланду.
Уходит время, за его спиной
Горчайший дым в неведомые дали
Струится сквозь века передо мной
Еще одной зазубриной на Дюрандале.

Когда грехи...

Когда грехи достигнут цифры семь,
Семерка обернется единицей,
Потом нулем, и станет новой спицей,
Которая распята в колесе
Перерождений, с нового листа,
Бесстрашно перешагивая трупы.
Жизнь это — женщина,
Чьи поцелуи грубы.
Она жила у старого моста
В Венеции, где темная вода.
По вечерам с медлительностью томной
Луну и звезды, баржи и суда
Засасывала в бездну с белладонной.
Она варила мазь, потом читала
Из Библии молитву про отца,
Но только не с начала, а с конца,
И ей казалось, что она летала
Над городом, над миром, над могилой,
Держала в своей комнате змею,
Кота и крысу, она не любила
Других животных, церковь и семью.
И в час, когда закат едва дрожал,
Багрянцем плыл над гаванью Риальто,
Она в канал бросала два ножа,
И обещала городу пожар,
Не ведая, что мысль материальна.

Икар

К облакам неизвестных небес,
Как посланник богов быстrokрылый Гермес,
Он летел над толпою врагов,
Он не знал, что сезон

охоты на ангелов

Никогда не бывает окончен.
Эта вечная распря между крыльями и колесом
Бесконечна, и этим отлична от прочих.

Далеко от земли,
Словно птица, обняв восходящий поток,
Оставались вдали
Остров Крит, лабиринт и ниток моток.
И уже развевал
Его волосы ветер материка,
Позади на полу умирал
Человек с головою быка.

Солнце! Солнце! Его лучи
Воск растопили —
Тысяча причин, чтоб упасть,
А он говорил: — Было два крыла,
А теперь стала тысяча крыльев —
Налетаюсь всласть!

— Погоди! — на миг подумалось ему
Повернуть назад, да есть ли в том прок?
С полпути не возвращаются в тюрьму —
За побег добавляют срок.

Так и застыл из мгновения
В вечность переходя,
Лишь время на доли секунды утратило власть.
И вот уже тысячи лет
Каждый миг он падает, будто шутя.
Падает, и все не может упасть.

Никак не может упасть.

Не может упасть

Амундсен

На третьи сутки вдруг стало ясно,
Что где-то оборвалась
Нить судьбы, паутинка надежды,
Проводка и радиосвязь.

Лучом прожектор обшарил небо —
Безмолвие и пустота
За льдистым туманом на севере дальнем,
Где скрылся его «Латам».

Летят самолеты над морем печали,
В конец не веря пока,
Везут самолеты палатки, патроны,
Консервы и пеммикан.

Они летят над водой надо льдами,
И им не видать, как внизу,
Внизу океан заливает волнами
Радужную слезу.

В холодном небе разлилась беда,
Разбился стакан ледяной,
И широта и долгота
Сойдутся в точке одной.

Из клетки в клетку на школьном листе,
Курс по-прежнему — норд.
Последний викинг небесный драккар
Приводит в небесный фьорд.

Крыло пробито и леера
Разорваны пополам.
Сквозь ветер в его ветровое стекло
Стучит ледяная мгла.

Молчат приборы, земля далеко,
И бензобак пустой.
А где-то в небе трое волхвов
Идут за Полярной звездой.

...А он очнулся от лая собак,
Он слышал неясный смех.
Он слышал, как рвали полозья нарт
В клочья замерзший снег.

И он лежал под медвежьей шкурой,
Легкий, подобно душе,
А сзади кто-то рукою твердой
Сжимал поворотный шест.

И нарты стали, и тот, кто сзади
Сказал, что настал тот срок,
Кода кончается для него
Последняя из дорог.

Что в этом месте кончается север,
И дальше один только юг.
И тут он понял, что это — смерть.
И понял, что он в раю.

Лара Крофт

Она могла немного — отличать
Дым от огня, трапецию от куба,
Добро от зла, суккуба от инкуба.
Она могла терпеть (и не кричать)
Любые муки, боль от тяжелой раны,
Быть нежной и жестокой в одночасье,
Бедой и благом, счастьем и несчастьем.
С той стороны прозрачного экрана,
В пространстве, что подвластно алгоритмам,
Сквозь смуту дня и ночью сквозь забвенье
Она идет по долгим лабиринтам,
Послушная перста прикосновенью,
Окидывая удивленным взором
Из той юдоли, где не ждет покоя,
Как тихо спит за темным монитором
Мир, тот, что был спасен ее рукою.

Аллах Акбар!

Что я могу сказать тебе, детка,
Прежде чем нас разорвет на куски,
По нам проедут тяжелые танки,
Нас накроют золотые пески.

Ты думала, что жизнь — молоко и мед,
а жизнь — это горький отвар.
Аллах Акбар, детка. Аллах Акбар!

Это подлинное мистическое единение,
Единение тел и душ.
Мы смешаемся плотью, мы станем ближе,
Чем любые жена и муж.

Ты думала, что жизнь — это праздник,
а жизнь — это кошмар!
Аллах Акбар, детка. Аллах Акбар!

Вы утратили духовные ценности, детка.
Ваши идолы — звезды кино.
А у меня есть Бог, мой Бог, детка.
А ваш Бог умер давным-давно.

Сгорела Александрийская библиотека,
Когда поджег ее халиф Омар.
Аллах Акбар, детка. Аллах Акбар!

В моем раю уже дымятся кальяны,
Цветут дивные сады.
Там ждут меня девы, они все без изъяна,
Они все — такие, как ты.

Они так горячи, у них под кожей,
Под кожей у них пожар.
Аллах Акбар, детка. Аллах Акбар!

Полетят корабли к далеким планетам,
Полетят через черный ад.
Наступает новая эра, детка —
Звездный джихад.

А ты думала, солнце будет светить вечно?
Оно превратится в пар.
Аллах Акбар, детка. Аллах Акбар!

Что я могу еще сказать тебе, детка,
Прежде чем нас разорвет на куски?
Пусть жизнь твоя будет недолгой,
Умрешь ты не от тоски.

Ты думала, что жизнь — это прикосновение,
А жизнь — это удар.
Аллах Акбар, детка. Аллах Акбар!

Четыре шага

Говорят, что до нее четыре шага,
Только каждый этот шаг — с половину земли.
Как в войну сорвали с фронта два полка,
За такие-то дела расстреливали.

Говорят, что бывают такие сны,
От которых проснешься и хоть умри.
Эшелон замерзает на путях запасных.
По семь печатей на каждой двери.

Как печати и пломбы срывали штыком,
Письмена пламенеют, попробуй, прочти.
Говорили, смеялись: «Не будь дураком!
Раз имеешь ум, то и числа сочти».

Как сочли число, да не на добро,
Вот пойдет сейчас жара — вот потешимся!
Есть святая вода и серебро —
Как-нибудь продержимся!

А за поездом земля поднимает волну,
Километры пулями летят мимо нас.
Чьи-то лица там мелькают сквозь пелену:
То ли адово войско, то ли небесный спецназ.

Сотня демонов воеет всю ночь напролет,
А мы сидим, такие беспечные,
И плюем им в лицо, ведь у нас — пулемет,
И патроны у нас бесконечные.

И горят, горят за нами корабли и мосты,
А в стаканах — спирт! Хорош горевать!
И стакан никогда не бывает пустым,
Отчего же вот так и не воевать.

Как взойдет на небо солнце — багряны бока,
Упадет рассвет в ведро золоченое,
И пойдет с утра девица надоить молока —
Молоко сгущенное.

И пойдет она туда, где край темноты
убирает прядь ночи с мира лица,
И увидит — плывут по реке плоты,
И на каждом плоту — виселица.

Да ты не плачь, не рыдай меж двух берегов,
Посмотри на нас, ведь мы ж не ревом:
Эти петли не для нас, а для наших врагов.
Пусть они повисят, а мы проживем.

Побег из пустоты

Когда за нашею спиною
Сомкнутся воды пустоты,
Мы поплывем в ковчеге Ноя,
Я и ты.

Мы будем радостны, как дети,
Ведь мы спаслись от той тшеты,
Что поглотила все на свете —
Остались только я и ты.

Мы не заметили сначала,
Что там кричала вдалеке,
Та дева, стоя у причала,
На непонятном языке.

Был рот ее похож на рану,
В ее руках алел цветок...
Мне что-то показалось странным,
Но только — что, сказать не мог.

И понял я, дыша неровно —
Тянули мы не те концы,
Ковчег наш был ладьей Харона,
А мы — живые мертвецы.

Но мы не плакали, поверьте,
Когда узнали эту весть,
Ведь знали мы, что хуже смерти,
Гораздо хуже вещи есть.

И мы неслись, как пара гончих,
И мы хранили тот секрет,
Что нам открыл усталый кормчий —
Он нам сказал, что смерти нет.

Печали нет на наших лицах,
Пусть мы уходим в сердце тьмы,
Ведь это все нам только снится,
Или кому-то снимся мы.

Ненастоящее

Короткие встречи, долгие проводы,
Пожарные лестницы, мусоропроводы,
Затянуты окна сеткою «рабица»...
Я видел все это в фильме «Матрица».

А люди все ходят вокруг да около,
А я сижу внутри какого-то кокона,
Укутанный пленкою полимерною,
И кто-то сосет из меня энергию.

Загорится жизнь в лампочке электричеством,
Прозвонит колесом по листам металлическим,
Упадет с эстакады картонным ящиком...
Я знаю, что все это ненастоящее.

Благие намеренья, добрые чувства,
Наука, религия, культура, искусство...
Но всегда побеждает грубая сила.
Я видел все это в фильме «Годзилла».

Этот мир находится на последнем издыхании.
Этот мир нуждается в хорошем кровопускании.
Этот мир переполнен неверными псами.
Так говорил мне мой друг Усама.

И покроется небо квадратами, ромбами.
И наполнится небо снарядами, бомбами,
И свинцовые кони на кевларовых пастбищах.
Я знаю, что все это ненастоящее.

Сколько ангелов усядется на острие игольном,
Так, чтоб им не было ни тесно, ни больно?
Кто знает, какие ядовитые гадины
Живут на самом дне Марианской впадины?

Сколько точек находится на одной плоскости?
Сколько душ поместится в одной пропасти?
Сколько лет продлится вечное лето?
На эти вопросы не бывает ответов.

Я чувствую, что в мире что-то меняется,
Параллельные прямые пересекаются,
Поверхность Земли из подобия глобуса
Становится похожей на ленту Мебиуса.

Говорят, что на Сатурне есть моря из метана.
Говорят, что есть деревья, что прочнее металла.
Говорят, что есть частицы меньше атома.
Не ясно одно — зачем это надо нам?

Ведь подземные жители и птицы райские,
Осенние ливни и грозы майские,
Холодные луны и солнце палящее —
Я знаю, что все это ненастоящее.

Песня японской фрейлины

Если бы тот, кого я люблю,
Был дождем, который льется сюда,
Не меняла бы я ложе свое,
На которое каплет вода
С крыши бумажной на порванный шелк
Одеяла, в котором таится мой сон.
Даже в зеркале у меня
Иногда возникает чужое лицо.

Если бы тот, кого я люблю,
Был огнем, который в жаровне горит,
Я протянула бы руку к огню,
И по коже, по коже пойдут волдыри,
Как пузыри, как круги по воде —
Камня упавшего трепетный след,
Так и со мною — пройдет только миг,
Посмотришь на кожу — а шрама-то нет.

А она растирала в мисочке тушь,
И она варила к завтраку рис,
Она явственно слышала музыку ту,
Что играл еле слышно небесный флейтист,
И она различала совсем без труда,
Как на четверть тона меняется звук,
Она знала, что никто никогда
Не услышит этот неясный стук.

Она каждое утро ходила в сад,
Она смотрела под ноги, не сходила с тропы,
Она знала — в этом саду роса
Десять лет хранит отпечаток стопы.
Она каждый вечер ходила туда,
Где печальный ветер иссяк и ослаб,
Она знала — в этой реке вода
Десять лет хранит отпечаток весла.

А на севере — холод, снега и льды.
На юге жаркое солнце над морем встает.
Она знала — никто не увидит воды,
Той, что льется ночами на ложе ее.
И она взбивала венчиком чай,
И она разливала по чашкам сакэ.
Она точно знала — ничьим очам
Не увидеть шрам у нее на руке.

А ее научили плакать без слез,
Ее учили петь с сомкнутым ртом,
Она хотела спросить, но ее вопрос —
Это то, что все знают, но не скажет никто.
И она продолжала песню свою,
Ту, что нужно петь, не открывая рта:
Если бы тот, кого я люблю,
Был дождем, который льется сюда,
Если бы тот, кого я люблю,
Был огнем, который в жаровне горит,
Если бы тот, кого я люблю...

Мой самолет

С течением времени непременно исчезнут
Такие различия как пол и раса.
Для Господа Бога высоты и бездны
Похожи, как Иосиф Флавий и генерал Власов.
Дары волхвов, как и данайцев дары,
Приносятся только один раз.
Наше солнце тускло светит нам из дыры,
Черной, как Кондолиза Райс.

Гори, гори, моя звезда,
Сжигай свои лучи.
И нет причин,
Чтобы прервать полет
По небу серому, как цинк,
Лети, лети, мой самолет
На Башни-Близнецы.

В конце времен времени мало —
Уходят дни ядовитым газом.
Известно, что в календарях майя
Посчитаны все годы, и последний назван.
А я вот думаю — в том беда,
Что никто не знает, где ложь, где истина.
Просто майя писали свой календарь,
Писали, писали, и им остопиздело.

Гори, гори, моя звезда,
Сжигай свои лучи.
И нет причин,
Чтобы прервать полет.
По небу серому, как цинк,
Лети, лети, мой самолет
На Башни-Близнецы.

На руинах мира, одного из многих,
Гуляет ветер со странным запахом.
Из небытия придут юные боги,
Вынесут мусор и начнут заново.
И будет новый день, и солнце нового дня
Поднимется все выше и выше.
Исполины прошедшего, возьмите меня
И поставьте на плечи — я вижу! Вижу!

Гори, гори, моя звезда,
Сжигай свои лучи.
И нет причин,
Чтобы прервать полет.
По небу серому, как цинк,
Лети, лети, мой самолет
На Башни-Близнецы.

Хорошо быть огнем

Хорошо быть огнем в краю вечных льдин,
Отпечатком в лунной пыли.
Хорошо быть рукой, рукой на груди,
На груди Анжелины Джоли.

Золотые дворцы обратились в прах.
Миражи не обманут глаз.
А из праха восстанет крошечный мрак
И молча пойдет на нас.

Я не стану спасать то, что нажил с трудом.
Я уже обрубил якоря.
Я на Брестскую крепость меняю свой дом,
А «Титаник» — на крейсер «Варяг».

Я не буду по примеру Святого Петра
Продавать плащ, чтоб купить себе меч.
Говорят, на коленях нельзя умирать —
Мне бы прилечь.

Жив или мертв — небольшая разница.
Это знает любой террорист.
Среди бессмертных принято хвастаться
Количеством самоубийств.

В хрустальной сфере сыграют оперу.
Что же будет потом?
Нас учили: религия — это опиум.
Атеизм — метадон.

*Мой друг, ты так же, как и я
Лишь узник в клетке бытия.
В войне, идущей во Вселенной,
Ты, как и я — военнопленный.
Из года в год в мешке бетонном
Сидим, как в притче у Платона,
Но только на стене
Не разглядим мы тени.
Уснувшие во сне
Не знают сновидений.*

Пуля-дура

Говорила пуля-дура,
— Я тебя везде найду, мол,
Облечу два раза землю,
Упаду в нее как семя,
Брошу в вечность и покой —
Будешь ты всегда такой.

Где же, где же ты, мой ангел?
Впереди на белом танке,
Светел ликом, в форме черной,
Входит в город обреченный.
Будет он карать без гнева
И щадить немилосердно.
Тише, тише — бьется сердце
Где-то слева, где-то слева.
Бьется лентой пулеметной,
Но кончаются патроны.
Солнце птицей перелетной
С края света луч уронит
Прямо в вечность и покой —
Будешь ты всегда такой.

Снилось — он стоял в исподнем
Над замерзшей преисподней,
Сзади — взвод, и в каждом дуле
Пела пуля для него.
Вейся, вейся черный ворон,
И винтовок двадцать хором
Ему в спину — приговором —
Плюнули — *и ничего.*

Говорила пуля: — Милый,
Я лечу все время мимо.
Пусть не нужен, ты не нужен
Ни одной моей подружке,
От меня ты не уйдешь.
Говорила пуля: — Чуешь? —
Ты живешь, пока лечу я.
Ты живешь, пока хочу я.
Прилечу — и упадешь
Прямо в вечность и покой —
Будешь ты всегда такой.

Годы шли, а пуля эта
Все летит одна по свету,
Над руками, над глазами,
Над лицом, над волосами,
И свинцовыми слезами
Сердце плавилось ее.
Все — и незачем и нечем —
Тот, кто ею был отмечен,
Он нашел покой и вечность
Только, правда, без нее.

Голубой вертолет

Видел я сон, как сквозь пепел и лед
На самое дно бесконечной пропасти
Падает голубой вертолет —
Перебитые лопасти.

А в вертолете — виделось мне —
В капле стеклянной, кружившейся вальсом
Сидел волшебник белый, как мел,
Сжав рычаги в онемевших пальцах.

Наверное, это он из жизни иной,
Из какого-то безумного прошлого,
Летел детишкам показать кино
И, конечно, раздать мороженого.

Но только Тот, чье имя запрещено
Говорить, немного изменил свои картотеки,
И дети теперь увидят кино
Только за деньги.

И глядя, как бездна поглощает звезду,
Которая падала, не понимая,
Кричу ему, как дьявол Иисусу Христу:
«Прыгай, ангелы тебя поймают!»

Он что-то отвечал, и обрывки мысли
Мотало по небу усталым лучом,
Но в крике его не было смысла,
И не было смысла ни в чем.

И тут я понял в единый миг,
Какая тяжесть упала с шеи.
Я больше не хочу спасать этот мир.
Для этого есть командор Шепард.

А где-то внизу горело железо,
И краска пузырилась от святого огня,
Но я не смотрел больше в бездны,
И бездна больше не смотрела в меня.

Терцины о рвоте

Лежал во тьме, боролся с тошнотой,
Сжималось тело в судорогах диких,
Я корчился, как черви под пятой,
Я зрел на потолке знаменья, лики,
Плащ Пенелопы, Одиссея лук,
Орфея лиру, профиль Эвридики...
А рядом спал беспутный верный друг,
О тошноте в беспамятстве забывший.
А я, вступивши в новый Ада круг,
Как бледный мученик, безвременно прибывший
В Геенну, что казнила не огнем,
Но тем подобием его, во тьме возникшим,
Как закипающий во чреве водоем,
Что берегов своих презревши власть,
Наружу плещет в бешенстве своем
Ревущим Молохом! Влагаю в эту пасть,
Как жертву, свои слабые персты —
И я бежал, я тшился не упасть,
Туда, где средь Вселенской Пустоты
Вдруг возникало *чудо из фарфора*,
Венчающее все мои мечты,
И страсть моя угомонилась скоро.
И я стоял в предутренней тиши,
Повадками напоминая вора,
И думал я, ничтожный и убогий,
О скрытых тайнах плоти и души,
О времени, о вечности, о Боге,
О ток, куда ведут мои дороги...
Все думал — но никак не мог решить.

ЧЕТВЕРТАЯ РЕКА

ЧЕТВЕРТАЯ РЕКА

«18. Не заслуживает содеянное человеком
ни адского пламени, ни благодати небесной»

Х.Л. Борхес.

«Фрагменты апокрифического Евангелия»

«...проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша»

Апостол Павел

Действующие лица:

Маллеус — ловец преступников.

Епископ.

Графиня.

Брат Амос — монах.

Линкс — оруженосец.

Клото — вдова коменданта крепости.

Анна-Валентина — ее воспитанница.

Действие происходит в средние века на Святой Земле.

Первое действие

Резиденция Епископа. Середина дня, но из-за опущенных штормов в комнате полумрак. Епископ нервно расхаживает по комнате. Тихо входит Маллеус.

Маллеус. Мое почтение, монсеньор.

Епископ (*вздрагивая*). Ты напугал меня, Маллеус. Твоя поступь легка, ты всегда приходишь неслышно и неожиданно.

Маллеус. Но вы ждали меня. Ваш посланец передал вашу просьбу и я не замедлил явиться.

Епископ (*нервно-задумчиво*). Да, моя просьба... Маллеус, мне нужна твоя помощь. Твое умение, твое искусство, твой опыт. Произошло несчастье.

Маллеус. Я охотно выслушаю вас и постараюсь помочь, но я сперва подниму штормы. Здесь очень темно. (*Идет к окну.*)

Епископ (*с неожиданной горячностью*). Не надо, Маллеус! (*Маллеус застывает, удивленный.*) Прошу тебя, не нужно этого делать. Я сам их опустил.

Маллеус. Это ваше право, монсеньор. Но я считаю своим долгом сказать, что если свет вам неприятен, то сегодня пасмурно, а это большая редкость для этих мест, и еще — в такое время суток солнце, даже когда оно есть, освещает другую сторону здания.

Епископ. Считаю это моей прихотью. Неужели это так важно?

Маллеус. Это не важно. Совсем не важно. Но странно в сумрачный день видеть человека, усугубляющего сумрак.

Пауза.

Епископ отходит к окну.

Епископ. Там, за этими тяжелыми темными шторами лежит тяжелое темное небо, обещающее грозу. Так странно, и даже противоестественно видеть здесь, среди пустыни, эту серую пелену. Но я могу поклясться, хоть и не знаю, что дает мне эту веру, что эта пелена — только насмешка безводных небес над бесплодной землей. Дождя никогда не будет. Ты знаешь, (криво улыбается) в последнее время я начал сомневаться в том, что когда-то в этих местах дождь шел больше месяца, и вся эта местность была дном. Мы — рыбы, Маллеус, мы — рыбы, оставшиеся на высохшем дне, и наши жабры жжет раскаленный воздух. Это так больно. Но я опускаю шторы, и сомнения покидают меня. Нет больше лживого неба, нет дна, нет рыб с обожженными жабрами, а есть я, мои шторы, моя комната, все становится на свои места, я снова господин в своем маленьком мире.

Маллеус. Ваша находчивость делает вам честь, монсеньор, однако ваша душевная флагелляция не имеет ничего общего с тем, как я представляю себе мудрость. Здешний климат, конечно, оставляет желать лучшего, однако Некто, чьи действия судить не нам, именно так неравномерно распределил земные блага, и, видимо, имел на это достаточно веские причины, для нас непостижимые. Солнце, здесь сжигающее почву, в других местах ее осушает. И вечный дождь тоже не похож на манну небесную. Вспомните, что вы мне рассказывали о вашем детстве, проведенном в болотистом и дождливом краю, где жизнь уходила с кашлем и оставалась на простынях кровавыми пятнами.

Епископ (*отстраненно*). В детстве я тяжело заболел. Никто не верил в счастливый исход, и плотник изготовил гроб.

Маленький гробик ребенка. Но случилось чудо — я выжил. А гроб остался. Потом я часто спускался в подвал, смотрел на гроб, и мне казалось, что он растет вместе со мной.

Маллеус. Вы носите его за собой всю жизнь. Похоже, он достаточно вырос.

Епископ (*криво улыбается*). Ты всегда знал, как утешить человека. Всегда приятно с тобой поговорить. Ты никогда не думал стать священником?

Маллеус. Мне нравится то, чем я занимаюсь. Это позволяет мне наблюдать за людьми.

Епископ. Но это не очень-то почетное ремесло.

Маллеус. Несмотря на это, одни меня уважают, другие — боятся. Что еще нужно для счастья? К тому же мои услуги хорошо оплачиваются.

Епископ. Я думаю, ты совершаешь ошибку.

Маллеус. Я совершаю правосудие. И вы отпускаете мне грехи.

Епископ (*смуценно*). Да, но...

Маллеус (*прерывает*). Монсеньор, познание умножает скорбь. Вы меня зачем-то звали.

Епископ. Да, Маллеус. Я прошу тебя помочь мне найти одного человека. Беглеца.

Маллеус. Я ловец человеков, монсеньор. Но я должен знать, кто это.

Епископ (*очень тяжело, через силу*). Мой секретарь — брат Амос.

Маллеус. Ваш секретарь? Мне он всегда казался весьма ученым и достойным человеком.

Епископ. Мне тоже.

Маллеус. Он сбежал?

Епископ. Да.

Маллеус. И вы хотите, чтоб я его нашел?

Епископ. Да.

Маллеус. Монсеньор, это всего лишь беглый монах. Обратитесь к городской страже.

Епископ (*в отчаянии*). Маллеус, я умоляю тебя. Я заплачу двойную цену.

Маллеус (*твердо*). Монсеньор, тут что-то нечисто. Вы что-то скрываете. Если вы хотите, чтоб я взялся за ваше дело, вы должны мне рассказать все.

Пауза.

Епископ (*решившись*). Хорошо. Но это должно остаться между нами. Он убил человека. Брата ключника.

Маллеус. Это меняет дело. Но как такое могло произойти? Они были врагами? Они поссорились?

Епископ. Нет.

Маллеус (*с иронией*). Вот как? Значит он просто так, среди бела дня, на глазах у всех, подошел к ключнику и...

Епископ (*прерывает*). Это было не просто так. Это было ночью. И этого никто не видел.

Маллеус. Но откуда вы знаете, что убийца — он?

Епископ (*нехотя*). Есть другие обстоятельства.

Маллеус. Как было совершено убийство?

Епископ. Брат Амос проломил ключнику голову бронзовым подсвечником.

Маллеус. Монсеньор, вы строите силлогизм, не имея достаточного количества предпосылок. Убийство ключника и бегство вашего секретаря могут быть и не связаны между собой.

Епископ. Они связаны. Есть и другие обстоятельства.

Маллеус. Какие же?

Епископ. Это важно? Я прошу тебя просто найти брата Амоса.

Маллеус. Чтоб поймать человека, нужно сначала понять его. Нужно знать, какие силы двигали им в тот момент, когда он совершал то или иное деяние. Брат Амос, убивающий ключника просто так, из любви к насилию, и делающий то же самое по какой-нибудь неведомой нам, но важной для него причине — это два разных человека. Боюсь, что вам придется дать мне больше сведений. Вы можете рассчитывать на мое молчание.

Епископ. У него была важная причина. Ключник застал его на месте преступления.

Маллеус. Значит, было еще одно преступление?

Епископ. Да. Он пытался совершить кражу. Да что говорить — он ее совершил.

Маллеус. Я всегда говорил — стоит копнуть землю чуть поглубже, и оттуда полезут омерзительные чудовища. Убийство и воровство! Люди никогда не перестанут меня удивлять. Однако он не выглядел сребролюбцем.

Епископ. То, что он похитил, никак не связано с золотом или другими ценностями. Вещь, им украденная, не имеет ничего общего с общепринятыми атрибутами богатства, но для меня — и для него, судя по всему — эта вещь бесценна.

Маллеус. Вы говорите загадками.

Епископ. Есть вещи, о которых лучше не знать, Маллеус. Даже тебе. Познание умножает скорбь.

Пауза.

Маллеус. Хорошо. Будь по-вашему. В конце концов — чем больше преград, тем больше славы преодолевшему. Но вы могли бы в общих чертах рассказать мне о произошедшем.

Пауза.

Епископ. В левом крыле здания есть коридор, который заканчивается тупиком с еле приметной дверью. Ключ от двери я ношу — вернее, носил на шее и никогда не снимал. Дверь ведет в небольшую комнату, где хранится старая церковная утварь. На стене висит гобелен, точное подобие гобелена в одном нормандском городе. Под гобеленом, на высоте половины человеческого роста от пола, нужно особым образом повернуть выступающий гвоздь, тогда раскроется маленькая дверца, открывающая тайник, где хранилась похищенная вещь. Вчера вечером брат Амос принес мне в спальню графин воды, как он всегда делал. Выпив воду, я заснул, как убитый, хоть обычно и не могу похвастаться крепким сном. Утром я обнаружил, что ключа на шее нет, зато есть брат ключник, с разбитой головой лежащий у раскрытой двери.

Маллеус. Несомненно, что в вашу воду было подмешано какое-то одурманивающее снадобье.

Епископ. Я это и сам понял. Когда ключника нашли, он был еще жив. Перед смертью он ненадолго пришел в сознание и назвал своего убийцу. Но к тому времени брат Амос уже успел сбежать.

Маллеус. Что ж, можно предположить, что сначала он не собирался сразу бежать. И уж тем более убивать. Он мог украсть эту вещь и повесить ключ вам обратно на шею, пока вы спали. Но появление ключника разрушило его планы.

Епископ. Почему ты так думаешь?

Маллеус. Я не думаю, я предполагаю. Скажите, вы часто заглядывали в тайник?

Епископ. Я заглядывал в тайник только один раз. Когда клал туда эту вещь.

Маллеус. Кто-нибудь знал о том, что хранится в тайнике?

Епископ. Сейчас я уже ни в чем не уверен. У стен есть уши. Чем больше стен, тем больше ушей. Здесь стен много.

Маллеус. Как к вам попала эта вещь?

Епископ. Во время одного из прошлых перемирий я был на восточной границе, где совершался обмен пленными. Несколько знатных арабов были обменены на христиан, томившихся в неволе. Среди освобожденных был один человек, больной, никто не знал его имени, он был так слаб, что его пришлось нести на носилках. Бедняга жутко бредил, а когда его принесли в лагерь — скончался. Осматривая тело, я обнаружил эту вещь, зашитую у него в пояс. Кто он был, и как это к нему попало — для меня непостижимо. Люди, на тот момент окружавшие меня, не могли осознать ценность этой вещи, и я счел за благо не предавать гласности мое открытие. Когда я вернулся обратно, я спрятал находку в тайник, оставшийся после моего предшественника. Несколько раз я порывался написать в Рим и сообщить об этом, но какой-то смутный страх меня останавливал. А теперь прошло слишком много времени, чтоб писать.

Маллеус. Когда это произошло?

Епископ. Около трех лет назад.

Маллеус. А когда здесь появился брат Амос?

Епископ (*немного смущенно*). Вскоре после этих событий. Ты думаешь, что...

Маллеус (*прерывает*). Это только гипотеза, монсеньор. Но обратите внимание на странное совпадение — у вас появилась эта вещь, и тут же появился брат Амос; вещь исчезла — и брат Амос исчез вместе с ней. Мне кажется, что его с этой вещью связывают более крепкие узы, чем вас. Что вы можете рассказать о нем?

Епископ. Маллеус, церковь принимает в свое лоно страждущих, не спрашивая, кто они, не делая меж ними различий, ибо так завещал Сын Человеческий. Я мало что могу о нем рассказать. Он всегда держался особняком, большую часть свободного времени проводил в библиотеке, где изучал древние языки, различные апокрифы, священные книги иудеев и писания ересиархов. Он говорил, что собирается писать ученый труд против ересей. Впрочем, обязанности свои как секретаря он выполнял безупречно.

Маллеус. Монсеньор, я ценю вашу откровенность, но будьте же откровенны до конца. Для вас важнее найти вещь или поймать человека?

Пауза

Епископ. Вещь. Если она попадет не в те руки, последствия трудно предугадать.

Маллеус. Хорошо. Опишите мне хотя бы, как она выглядит, чтобы я по неведению не прошел мимо.

Епископ. Это небольшая шкатулка из прочнейшей стали, не поддающаяся взлому. Ее изготовил по моей просьбе один из местных мастеров, тогда, три года назад. Шкатулка имеет тайный замок, секрет которого знаю только я. Глупец, он все равно ее никогда не откроет.

Маллеус. Не судите поспешно, монсеньор. Запертое человеком — человеком откроется. Что ж, думаю пора начинать. Я ухожу. Мне нужно наведаться еще в одно место. *(Идет к двери, вдруг останавливается.)* Знаете, не сочтите за праздное любопытство, но все-таки, вы не могли бы хотя бы намекнуть, что лежит в этой шкатулке?

Пауза

Епископ. В шкатулке лежит небольшой листок ветхого пергамента с текстом на одном древнем языке.

Маллеус. И все?

Епископ. И все.

Маллеус кивает и уходит.

Второе действие

Комната в замке графа. Входят Графиня и Маллеус.

Графиня. Заходи, Маллеус. Ты видишь — в отсутствие мужа мне приходится самой заниматься делами.

Маллеус. Господин граф уехал?

Графиня. Да. Он поехал просить помощи. Получены сведения — на восточной границе неверные что-то замышляют. Если будет война — нам не справиться своими силами.

Маллеус. Здесь мир всегда был непрочен. Слишком долго эта земля принадлежала им.

Графиня. Землю наследуют сильные. Ты знаешь это не хуже меня. Пока нам это удается.

Маллеус. Сильные не просят помощи.

Графиня (*улыбается*). Сильные просят помощи у сильных. И я тоже прошу тебя о помощи. Почему ты не пришел сразу?

Маллеус. Прошу извинить меня, госпожа, но ваш гонец явился вторым. Поэтому я сперва пошел к епископу.

Графиня. Я уже знаю. В этом городе слухи распространяются, как чесотка. Хорошие времена наступают. Монахи начали истреблять монахов. Представляю, как весело сейчас в аду.

Маллеус. Епископ будет очень расстроен. Он думает сохранить все это в тайне.

Графиня. Он нанял тебя найти убийцу?

Маллеус. Да.

Графиня. Я с удовольствием порасспрашивала бы тебя об этом деле. Я ведь женщина, а все женщины любят сплетни, особенно кровавые. Но ты ведь все равно ничего не скажешь.

Маллеус. Вы совершенно правы, госпожа. При всем уважении — я буду нем, как рыба.

Графиня. Я слышала, что некоторые рыбы могут издавать различные звуки. Даже кричать.

Маллеус (*задумчиво*). Когда у них обожжены жабры.

Графиня. Что ты сказал?

Маллеус (*задумчиво*). Когда вода отступает, рыбы остаются на высохшем дне, и солнце обжигает им жабры. Это больно.

Графиня (*неожиданно мягко*). Что с тобой, Маллеус?

Маллеус. Ничего. Так, кое-что вспомнил.

Пауза

Графиня. Ты знаешь, зачем я тебя позвала?

Маллеус. Догадываюсь. Вчерашний турнир...

Графиня. Да. В последнее время творятся ужасные и непостижимые вещи. Зло сошло на нашу землю, Маллеус. Плохо, когда монах убивает монаха, а воин — воина. Это — дурной знак.

Маллеус (*криво улыбается*). Вся моя жизнь — дурной знак.

Графиня. Не только твоя. (*Пауза*.) Тебя ведь не было на турнире.

Маллеус. Я не хожу на турниры. Мне не доставляет удовольствия смотреть, как благородные люди занимаются на

потеху черни тем, чем в Риме занимались специально обученные рабы.

Графиня (*улыбается*). Наверное, они плохо знают историю. Или им это просто нравится. Мне вот тоже нравится. Тут так мало развлечений. Тем более, что это был не совсем обычный турнир.

Маллеус. Особенно его конец.

Графиня. В конце должен был состояться отдельный поединок. Острым оружием. До смерти.

Маллеус. Смерть была. Но она пришла с неожиданной стороны.

Графиня. Одним из воинов был Аденальф из Трира. Ты знал его?

Во время последующего диалога оба занимаются какими-нибудь посторонними делами.

Маллеус. Я знал, кто он. Его знали все. Во всей Святой Земле не было человека, с большим достоинством носившего золотые шпоры. Воин, всю жизнь проведенный в битвах и посидевший под звон мечей. Лев и голубь были на его щите. Он был грозен с врагами и кроток с друзьями.

Графиня. Его противником был Фарах аль Закр, прозванный Мечом Пророка — воин, равный ему по славе и доблести. Он долго искал случая встретиться с Аденальфом в поединке, и отправил ему окровавленное копьё с привязанным к нему посланием, в котором в изысканных выражениях предлагал сойтись в смертельном единоборстве.

Маллеус. И Аденальф, доселе непобедимый в битве, принял вызов мусульманина, хоть тот годился ему в сыновья. Иначе он не мог поступить.

Графиня. Они начали биться на исходе утра, в тот страшный час, когда тени уменьшаются, и полуденный бес правит миром. Казалось, силы соперников равны, ловкость одного уравновешивала опыт другого. Они сражались пешими, и по истечении часа поединка Аденальф начал уставать. Это было заметно. Герольд, движимый сочувствием к старому прославленному воину, хотел объявить перерыв в схватке, но Аденальф гневным движением руки его остановил. И вот, когда волнение зрителей достигло предела, над ристалищем стремительно пролетела стрела, которая вошла в тонкую щель между шлемом и панцирем Аденальфа. Старый рыцарь замертво

рухнул на горячий песок. В тот же миг другой человек, отбросив в сторону уже ненужный лук, спрыгнул со среднего яруса галереи и на глазах ошеломленных стражников исчез в лабиринте узких улиц.

Маллеус. Как и следовало ожидать, убийце удалось скрыться.

Графиня. Погоня, посланная с большим опозданием, не дала никаких результатов. Он как сквозь землю провалился. Но не меньше сотни свидетелей могут подтвердить, что это был Линкс, оруженосец Аденальфа.

Маллеус (*криво улыбается*). Бывший оруженосец. Я думаю, ему теперь будет трудно найти нового господина.

Графиня. Тебя это смешит?

Маллеус (*очень серьезно*). Нет. Напротив. (*пауза*) Все это — абсолютно бессмысленно.

Графиня. Да.

Маллеус. На первый взгляд.

Графиня. Что ты хочешь этим сказать?

Маллеус. Не знаю. (*задумчиво*.) Но за внешней бессмыслицей произошедших событий я смутно ощущаю какую-то связь, которая еще не возникла, но скоро... (*замолкает, подходит к окну*.) Сегодня нет солнца.

Графиня. Это важно?

Маллеус (*задумчиво, как бы в трансе*). Вряд ли. Но могло ли... Нет. Не то. Все — не то. Про меня говорят, что я обладаю особым даром, чувством — видеть события, скрытые во тьме расстояний и времени.

Графиня (*быстро*). Это правда?

Маллеус. Отчасти. Но я вижу лишь ничтожные события.

Графиня. Какие же?

Маллеус. Я вижу, как на юге, у большого соленого озера, с потолка пещеры упала капля известковой воды.

Графиня. Что это может означать?

Маллеус. Не знаю. Я могу лишь видеть, толкование мне недоступно. А может, и нет толкования.

Графиня (*улыбается*). Это может означать дождь.

Маллеус (*улыбается*). Может. Дождь — вполне возможно. Но, скорее всего — это просто капля, упавшая с потолка.

Пауза

Графиня. Маллеус, все-таки, что ты можешь сказать о произошедшем?

Маллеус (*стряхнув оцепенение*). Что я могу сказать? Я могу сказать, что те два объяснения, которыми можно все это просто объяснить, никуда не годятся.

Графиня. Что ж это за объяснения?

Маллеус. Первое, что могло бы прийти на ум людям в их низости — это убийство из корысти. Что Линкса нанял аль Закр, чтоб покончить с Аденальфом наверняка.

Графиня. Многие так и считают.

Маллеус. Я даже не хочу об этом думать. Это, конечно, самая простая, но и самая смехотворная из версий. Есть и другое объяснение, немного менее смехотворная — Линкс мог промахнуться.

Графиня. Промахнуться?

Маллеус. Да. Видя, что силы Аденальфа на исходе и желая его спасти, Линкс мог решить убить его противника. Но я слышал о Линксе и знаю, что он — превосходный стрелок. К тому же он понимал, что, убивая мусульманина в такой ситуации, он навлекал бесчестие на своего господина. Он не мог промахнуться. Он попал именно туда, куда целился. Но — с другой стороны... (*Умолкает.*)

Графиня. Что?

Маллеус. Есть еще одна сторона — третья.

Графиня. Какая?

Маллеус. Я предпочел бы об этом умолчать.

Графиня. Как хочешь. И что будет дальше?

Маллеус. Он ведь теперь вне закона?

Графиня. Да. За его голову объявлена награда.

Маллеус. Независимо от того, почему он это сделал?

Графиня. Не понимаю. О чем ты?

Маллеус. Ни о чем. (*Задумчиво-отстраненно.*) У него теперь только один выход — бежать изо всех сил, спасая свое существование, которое теперь даже для него не стоит и порванной тетивы того лука, найденного на галерее. Бежать и остаток дней своих прятаться, стать подобием червя, слепым подземным жителем, роющим осыпавшиеся ходы в песчаной почве, которые неминуемо рухнут и погребут его.

Графиня (*резким, почти побелительным тоном*). Куда же он побежит?

Маллеус. (*задумчиво*). На восток, в земли неверных. Все дороги ведут на восток, и все убийцы бегут на восток.

Наверняка, там он встретит еще кого-нибудь. Убийцы притягивают друг друга. Один из них может основать город, а где их двое — там с ними пребудет Господь.

Графиня (*резко*). Хватит кощунствовать. Ты найдешь Линкса?

Маллеус. Нет.

Пауза.

Графиня (*с затаенным гневом*). Что ты сказал?

Маллеус. Вы меня прекрасно слышали, госпожа. Я сказал — нет.

Графиня (*более гневно*). Почему?!

Маллеус. Я не хочу.

Графиня (*гневно и надменно*). Ты забываешься! Твои желания никого не интересуют. Ты, наверное, запомнил, кто здесь приказывает.

Маллеус (*с горечью*). Напротив, я прекрасно помню.

Графиня (*примирительно*). Маллеус, ты сотни раз ловил для нас преступников. Все было хорошо. Все были довольны. Что случилось на этот раз?!

Маллеус. Не думаю, что вы меня поймете.

Графиня. Я приказываю тебе!

Маллеус. Вы не можете меня заставить.

Графиня. Я сейчас позову стражу!

Маллеус. Вы сами знаете, что это ни к чему не приведет.

Графиня вне себя от ярости бросается к Маллеусу и бьет его по щеке. Маллеус спокойно смотрит на нее, улыбаясь легкой презрительной улыбкой. Под его взглядом Графиня сникает, отходит в сторону и закрывает лицо руками.

Пауза.

Маллеус. Хорошо. Можете считать, что вам удалось меня уговорить. Я сделаю это. Но сделаю это не для вас, а для себя, или скорее — для него. Я ухожу. (*Поворачивается, делает шаг, останавливается.*) Да! И не ждите, что я принесу его голову. Ненавижу таскать с собой протухшие человеческие останки. Вам придется поверить мне на слово. (*Идет к двери.*)

Графиня (*дрогнувшим голосом*). Маллеус!

Маллеус останавливается.

Графиня (*очень нежно и печально*). Маллеус, милый, неужели ты вот так уйдешь? И не поцелуешь меня?

Маллеус (*мягко, но непреклонно*). Как-нибудь в другой раз, Беата. В другой раз.

Уходит.

Третье действие

Пустыня. Свист ветра. Входит брат Амос. Садится на переднем плане, достает из складок одежды (из сумки и т.д.) какой-то предмет и начинает его разглядывать. Слышны шаги. Брат Амос резко встает и идет в сторону. Входит Линкс.

Линкс. Святой отец!

Брат Амос останавливается спиной к Линксу.

Линкс. Святой отец, подождите!

Брат Амос. Я тороплюсь, сын мой.

Линкс. Но я видел — вы только что присели.

Брат Амос. Я достаточно отдохнул. (*идет.*)

Линкс (*с отчаянием*). Святой отец, я прошу вас! Мне нужно отпущение. Я согрешил.

Брат Амос (*останавливается, не поворачиваясь*). Сын мой, почему бы тебе не пойти в город? Там много священников, и каждый из них с радостью даст тебе отпущение.

Линкс. Мне нельзя туда. Если я пойду — в город, меня схватят, бросят в тюрьму, а потом казнят.

Брат Амос. Тебе не повезло, сын мой. Я спешу. (*идет.*)

Линкс (*с оттенком угрозы*). Святой отец, неужели вы не можете немного повременить?

Линкс быстро подходит к брату Амосу и кладет ему руку на плечо. Брат Амос резко поворачивается. В его руке нож, который он упирает в грудь Линкса.

Линкс. Я безоружен.

Брат Амос (*разглядывает Линкса*). Я вижу. Почему же ты не взял с собой оружие?

Линкс. Я не успел. Слишком поспешным было мое бегство. Вы делаете мне больно.

Брат Амос. Я знаю. На колени, сын мой.

Линкс. Если вы решили меня убить, я даже не буду сопротивляться. Моя жизнь ничего не значит. Но вы могли хотя бы не унижать меня.

Брат Амос. На колени, глупец! Я дам тебе отпущение.

Линкс в растерянности.

Брат Амос. Ну, что же ты ждешь? Разве ты не знаешь, что стоящий человек может пасть, а коленапоклоненный — встать и возвыситься.

Линкс становится на колени.

Брат Амос. Какой грех ты совершил, сын мой?

Линкс (тяжело). Убийство.

Брат Амос (*с горькой иронией*). Отличный выбор, сын мой. (кладет руку на голову Линксу) Властью, данной мне самим Вседержителем, отпускаю тебе грех твой. Господь, который милостив и всеблаг, прощает тебя, как и других злодеев. Да пребудешь ты в мире вместе с братьями твоими Каином и Ламехом. Да отмстится за Каина всемеро, за Ламеха в семь раз семеро, и в семьдесят раз семеро — за тебя, Линкс. (*убирает руку*.)

Линкс (*вскакивает*). Вы меня знаете?!

Брат Амос. Со вчерашнего дня в окрестностях города каждая собака лает твоим именем. (*с кривой усмешкой*.) И моим, наверное, тоже.

Линкс. Подождите! Я вас узнал. Вы — брат Амос. Беглый монах. Убийца. (*отступает*.)

Брат Амос (*холодно, с горечью*). Да, сын мой. Тебя это смущает? Может, теперь ты хочешь поискать другого священника? Праведного? Добродетельного? Вспомни, как мгновение назад ты молил меня об отпущении, а теперь ты смотришь на меня со злобой и негодованием, совсем забыв, что ты ничуть не лучше меня, и что для глаз Бога мы сейчас, может быть, слились в одного человека.

Линкс (*опустив голову*). Вы правы. Простите меня. Я не хотел вас обидеть, брат Амос. Но скажите мне — это отпущение...

Брат Амос (*прерывает, с усмешкой*). Если тебя это действительно сейчас волнует, то я могу тебя уверить, что мое отпущение столь же добротнo, как если бы тебе его дал апостол Петр.

Линкс улыбается. Напряжение спадает.

Линкс. Знаете, для монаха вы неплохо обращаетесь с ножом. Откуда он у вас?

Брат Амос. Я не всегда носил эту одежду, Линкс. А нож я взял на кухне епископа.

Линкс (*с оттенком обиды*). Что ж это получается — вы грозили мне (*с презрением*) кухонным ножом?

Брат Амос (*улыбается*). Не обижайся. Это хороший нож. Очень острый. Им резали мясо. Я бы тебя проткнул насквозь. (*Прячет нож.*)

Пауза.

Линкс. Брат Амос, скажите, Господь действительно прощает убийц?

Пауза.

Брат Амос. Когда-то я читал труд одного ересиарха, жившего давным-давно, так давно, что даже не осталось воспоминания о его имени. Он писал, что совершающий убийство ради правого дела, или хотя бы веруя в свою правоту — не ведает греха.

Линкс. Это правда?

Брат Амос. Не знаю. Мне кажется, что Бога такие мелкие дела не занимают. Представь себе муравья, ползущего по лесной тропинке, с тяжелым грузом на спине — муравьи ведь так трудолюбивы. И вот, он видит на своем пути упавшую ветку, для него непреодолимую преграду. Но тут проходишь ты и случайно отодвигаешь ветку в сторону, тем самым делая для муравья величайшее благо — и Богом станешь ты в его глазах. А в другой раз, проходя по той же тропинке, ты случайно — ведь люди так неуклюжи — наступишь на муравейник и причинишь ему великое зло, и муравей будет думать, что ты покарал его за какой-то ничтожный муравьиный грешок и взмолится он к тебе. Услышишь ли ты его тогда?

Линкс. Вы всегда ведете подобные разговоры с первым встречным?

Брат Амос. Я думаю, тебе можно доверять. К тому же, ты — не первый встречный. Мы связаны с тобой, я это чувствую. Разве это не знак небес, когда два человека, объединенные общим преступлением, встречаются посреди пустыни? Кстати, а куда ты идешь?

Линкс. Я конченный человек, жизнь моя ничего не стоит, но я не хочу сидеть и ждать, пока меня схватят. Я думал, если повезет — добраться до восточной границы и там перейти к арабам. Здесь нет ничего, что меня бы держало.

Брат Амос. Тебе повезло. Нам по пути. Я тоже иду в ту сторону, но с другой целью.

Линкс. Что ж это за цель?

Брат Амос (*странно смотрит на Линкса, вкрадчиво*). Я тебе расскажу, Линкс. Обязательно расскажу, но позже. Подожди немного. (*нормальным голосом*.) Скажи, ты ведь, наверное, устал? Не так ли? И не прочь съесть что-нибудь?

Линкс (*улыбается*). А вы, брат Амос?

Брат Амос. Длительные блуждания по пустыне не способствуют приливу сил. Вот, что я тебе скажу. На кухне епископа, коей я обязан моим прекрасным ножом, мне удалось стащить кусок хлеба — небольшой, конечно, но на двоих хватит, а у тебя я вижу некую емкость, в которой что-то явственно плещется. Это вода?

Линкс. Увы.

Брат Амос. Жаль, жаль. Так вот — почему бы нам не объединить усилия и не сделать привал, как и подобает усталым путникам?

Линкс. Вы не боитесь погони, брат Амос?

Брат Амос (*очень серьезно и грустно*). Боюсь, очень боюсь, Линкс. Но, понимаешь, я смертельно устал. Мне кажется, что я умру, если немного не отдохну.

Линкс (*ободряюще, с сочувствием*). Ну, будь по-вашему.

Садятся. Брат Амос достает хлеб, Линкс — флягу. Брат Амос ломает хлеб и дает половину Линксу.

Брат Амос. Вот мы и преломили с тобой хлеб, Линкс. Это лучше, чем резать его. В этом есть что-то древнее, что-то от обряда, ритуала. Это не просто раздел пищи, но нечто большее.

Едят, пьют.

Линкс. Как вы думаете, нам удастся бежать?

Брат Амос. Пока нам это удастся и, в любом случае, нужно продолжать дальше. Хотя, если наняли Маллеуса — нам конец. От него никто не уходил. Я знаю его, он иногда приходит к епископу поговорить, епископ славен широкими взглядами и странными знакомыми. Маллеус, по прозвищу Прозрачный — страшный человек. Человек с тысячью лиц, человек, умеющий проходить сквозь стены, знающий все языки и науки, способный достигнуть любого положения, но по необъяснимой прихоти занимающийся столь презренным ремеслом.

Линкс. Я слышал, что Маллеус раньше никогда не брался за два дела сразу.

Брат Амос. Все мы раньше много чего не делали. Ты ведь, наверное, раньше тоже по-другому упражнялся в стрельбе?

Линкс (*резко, с вызовом*). Вы не знаете, почему я это сделал.

Брат Амос. Не знаю. Но подозреваю, что у тебя были на то важные причины. Не думаю, что ты просто хотел посмотреть, как будет выглядеть Аденальф со стрелой в горле.

Линкс (*гневно*). Брат Амос!

Брат Амос (*примирительно*). Ну, ну, перестань. У меня есть глупая привычка — шутить не к месту, никак не могу от нее избавиться. Не сердись, слова мои — просто слова и ничего не значат. Мы не должны ссориться. Если мы поссоримся, рухнет тот шаткий мир, в котором существуем сейчас мы оба, хмурое небо, пустыня и эта скудная пицца, которую мы вкушали — все это падет. Когда ты злишься, ты похож на зверя, подарившего тебе имя.

Линкс (*остывая*). Какого зверя?

Брат Амос. Рысь. Твое имя значит «рысь» — большая дикая кошка с острыми зубами, на языке народа, чьи легионы покорили полмира, но бесследно растворились в дремучих лесах, откуда позже вышли предки Аденальфа и сокрушили выродившихся завоевателей, подобно тому, как рысь перегрызает горло медведю, обессилевшему после зимней спячки.

Пауза.

Линкс (*задумчиво*). Я почти забыл, как меня зовут по-настоящему. Линкс — такое прозвище дал мне Аденальф, когда подобрал меня — безродного мальчишку, живущего в пыли улиц. Это было много лет назад, и с тех пор мы не разлучались.

Я был ему предан настолько, насколько один человек может быть предан другому. Он научил меня искусству, которым владел в совершенстве — искусству войны, лучшему из искусств, как считал он, ибо Бог подарил миру радость битв, чтобы благородным людям было чем заняться — так он говорил мне. Я был вместе с ним каждый миг, и тень его славы ложилась на меня. Я чистил его оружие, ставил его палатку и разводил его костер, носил перед ним щит во время сражения — не было того, чего бы я не сделал для Аденальфа, ибо он казался мне воплощением бога войны — великолепным, страшным и притягивающим одновременно. Мы видели падение крепостей, разрушение городов, истребление целых народов, мы проходили сквозь огонь как саламандры — огонь не обжигал нас, стрелы, изнемогая, падали перед нашими торсами, полчища врагов в ужасе бросались прочь, завидев знамя со львом и голубем. Но лик божества потускнел. То, что туманит все зеркала, то, что делает из клинка ржавое посмешище, то, что превращает дорогие и прекрасные ткани в груды пыльных локутов — завоеватель-Время со злобной усмешкой бросило тяжелый меч на чашу весов его жизни. Чаша опустилась. В тот день, когда я стоял на среднем ярусе галереи, я увидел, как на исходе первого часа поединка Аденальф на миг поднял глаза и посмотрел. Нет-нет, не на меня и не сквозь меня даже — он смотрел в никуда, и увидел там что-то, что вошло в него и его преполнило. Не знаю, что это было. Никто, кроме меня этого не заметил. Никто, кроме меня, не знал его так. Но на моих глазах Аденальф превратился в испуганного старика с неподъемным мечом в руке, и лишь в глубине его взгляда, где еще оставались капли его прежнего естества, билась, кричала и плакала единственная просьба. Я выполнил это просьбу.

Пауза.

Брат Амос. Ты убил его, чтоб его не убил аль Закр?

Линкс (*качая головой*). Аль Закр не стал бы убивать испуганного старика, а жизнь для него была бы горшей мукой. Я сделал это потому, что еще миг — и все бы все поняли. Я сделал это, чтоб его запомнили как непобедимого героя, коварно убитого рукой предателя. А убежал я потому, что меня бросили бы в тюрьму и там пытали, и я рассказал бы правду, ибо я не причинен глать.

Брат Амос молчит, берет флягу, рассматривает ее.

Линкс. Вы ничего мне не скажете?

Брат Амос (*задумчиво*). Что я могу сказать? Твой грех не в убийстве. Твой грех другой — странный, извращенный грех гордыни самоуничужения, который сродни греху поцеловавшего Спасителя, дабы тот принял предначертанные муки и страданиями своими искупил грехи человечества. Есть притча о двух людях, бредущих по пустыне. Совсем как мы, правда? У одного из них фляга, в которой воды ровно столько, чтоб один человек мог дойти до места, где есть источник. Если же оба будут пить воду, то ее не хватит, и они оба погибнут.

Линкс. И что же им делать?

Брат Амос. Есть три варианта: поделиться с товарищем водой и погибнуть вместе с ним; отдать ему флягу и погибнуть самому; или — оставить флягу себе. Одно из решений правильное.

Линкс. Какое?

Брат Амос. Ты будешь удивлен, но это третье решение. Сказано в писании — возлюби ближнего, как самого себя. Как самого себя, понимаешь? Но не больше, чем самого себя. Что сверх того — уже грех.

Линкс. Второй человек может отобрать флягу.

Брат Амос (*устало*). А вот флягу отбирать нельзя. Это будет совсем другой грех, еще более тяжкий.

Линкс. Я поделился с вами водой.

Брат Амос. Я благодарен тебе за это. Ты благородный человек, Линкс, и добрый. Слишком добрый. И совершенно не искушен в богословской софистике. Когда ты делился со мной водой, ты не знал этой притчи. Иногда незнание бывает спасительно.

Линкс (*обиженно*). Я бы все равно поделился.

Брат Амос (*улыбается*). Я не сомневаюсь. Как бы то ни было, фляга уже пуста. Не горюй — скоро мы найдем воду. И пустыня когда-нибудь кончится. Но зачастую люди пересекают пустыню, чтобы найти еще одну пустыню.

Пауза.

Линкс. Брат Амос, а почему вы убили?

Брат Амос. По чистой случайности. Брат ключник застал меня, когда я лазил в тайник епископа. Он как раз собирался

открыть рот, когда я схватил подсвечник и разбил его бедную старую голову. У меня не было выбора. Но я свято верю, что все события на земле — предначертаны и связаны друг с другом. Бессонница ключника, его непреодолимое желание наведаться в комнату в левом крыле были ни что иное, как жажда смерти, и провидению было угодно, чтоб именно я оборвал нить его существования. А кто я такой, чтоб спорить с провидением? Моя совесть чиста. Насколько, конечно, она может быть чиста у убийцы.

Линкс. А зачем вы лазили в тайник?

Брат Амос. Ты действительно хочешь это знать?

Линкс. Я думаю, что — да.

Брат Амос достает предмет, который рассматривал в начале сцены. Линкс протягивает руку, но брат Амос останавливает его свободной рукой.

Брат Амос. Это стоит многих злодеяний.

Линкс. Что это, брат Амос?

Брат Амос. Ты когда-нибудь слышал о четвертой реке?

Линкс. О четвертой реке?

Брат Амос. Когда Господь сотворил первую человеческую пару, сразу же возникла проблема — где их разместить. Для этих целей был создан Эдем — рай земной, из которого вытекала река, в свою очередь делившаяся на четыре других. Гихон омывает землю Хавила, где золото, бдолах и камень оникс; Фисон течет в земле Куш; Хиддекель — перед Ассирией; четвертая река — Евфрат. Позже люди понаделали глупостей, за что были изгнаны, а у врат Эдема поставлен ангел с огненным мечом. Но речь сейчас не об этом. Есть люди — и я в их числе — которые считают что Эдем по-прежнему находится на земле, и путь туда указывает четвертая река. А в любое место, находящееся на земле, человек может проникнуть.

Линкс (он удивлен, но говорит серьезно и задумчиво). Отсюда до Евфрата несколько дней пути. Брат Амос, вы извините меня, но...

Брат Амос (прерывает, говорит гневно и страстно). Что?! Доказательства?! Разве Святое писание само по себе не доказательство?! Разве человек, обладающий глазами, разумом и верой не может понять этого сам? Разве не стоит четвертая река последней, разве не сказано про нее вскользь, мимоходом, чтобы скрыть истинное знание, опасное для толпы.

Потерянная вещь всегда находится в самом дальнем месте; ищи кольцо в последнем ларце — так говорил древний мудрец, и он был прав, тысячу раз прав. А остальные реки лишь прикрывают четвертую, как перед боем строй лучников стоит перед конницей.

Линкс (*утвердительно*). Вы в это верите.

Брат Амос (*устало*). Да, Линкс. Потому что иначе не может быть. Потому что иное все не имеет смысла. Потому что иначе мир был бы просто куском мертвого камня, на котором живут истязующие друг друга неразумные твари.

Линкс. Если Эдем находится на земле, почему его никто не видел?

Брат Амос. Потому что он скрыт от глаз человеческих. Потому, что нужно знать слова, отворяющие его.

Линкс. Вы их знаете?

Брат Амос (*показывая на предмет*). Здесь, внутри этой шкатулки лежит листок пергамента, на котором начертана подробная карта пути в Эдем, слова, которые нужно произнести в определенном месте, чтоб Эдем снизошел в видимое, и, самое главное — что сказать стражу, чтобы он не был преградой.

Линкс. Но откуда взялся этот пергамент?

Брат Амос (*очень серьезно*). Это тайна, Линкс, великая тайна. Этого я тебе сказать не могу. Скажу только — есть люди, которые долгие века берегли этот пергамент с письменами, начертанными тем, о ком лучше не говорить, люди, передававшие его из поколения в поколение, люди, все это время терпеливо ждавшие часа, когда...

Линкс (*перебивает*). Брат Амос! (*Очень взволнованно*.) Я... я совсем забыл!.. Я слышал раньше о четвертой реке!

Брат Амос. Ты?

Линкс. Да! Несколько лет назад! Это связано с исчезнувшим отрядом.

Брат Амос (*очень взволнованно*). Что ты сказал?! Исчезнувший отряд?!

Линкс. Да! Отряд, который приплыл на корабле без флага! Отряд, не несший впереди знамени! Отряд, который всегда держался в стороне, и которым командовал высокий худой человек с лицом воина и в одежде священника! Отряд, который ночью между двумя прибрежными городами покинул общий лагерь и бесследно исчез, уходя на северо-восток. Все долго спорили — кем могли быть эти люди, но со временем

о них забыли — или думали, что забыли. Потом, три года назад, во время обмена пленными я опять увидел человека, который командовал исчезнувшим отрядом. Его принесли на носилках. Он был очень слаб и, по-моему, безумен. В лагере он умер. Перед смертью он страшно бредил. Он говорил о палящем солнце, о песчаных бурях, о жажде, о распухших языках, о гибели товарищей; он говорил о долине человеческих костей, о знамениях и пророчествах, о следе Адама, и о четвертой реке. «Четвертая река» — повторил он несколько раз и скончался. Епископ осмотрел умершего и что-то вытащил у него из пояса. Я не стал никому говорить, что узнал этого человека.

Пауза.

Брат Амос (*задумчиво и печально*). Высокий худой человек с лицом воина и в одежде священника, который так много видел, а умер такой жалкой смертью — был моим братом, Линкс. Несчастный! Он хотел завоевать рай, как будто это вражеский город. Он погиб сам, и вместе с ним люди, которые были солью земли. Ты правильно сделал, что никому ничего не рассказал. Епископ тоже правильно сделал, что спрятал пергамент. Он не должен был попасть в руки непосвященных. Хотя, чтобы получить его обратно, мне пришлось три года провестись в монастыре, входя в доверие к епископу, а затем стать вором и убийцей. Но зато теперь я знаю точно, что След Адама — не выдумка.

Линкс. След Адама?

Брат Амос. Ты сам только что сказал о нем. В монастыре я не терял времени. Там довольно обширная библиотека. В одной из книг по географии я обнаружил интересные сведения — на северо-востоке, откуда течет Евфрат, живут дикие племена кочевников, которым известно место, называемое Следом Адама — узкое ущелье странной формы, которое среди местных дикарей считается запретным местом, по причинам, о которых не сказано. Мой брат раньше этого не мог знать, но, умирая, говорил о нем. А это уже многое значит.

Линкс. Брат Амос, а вы сами видели этот пергамент?

Брат Амос. Нет. Я только примерно знаю, что там. Я еще не открывал шкатулку.

Линкс. Но почему?

Брат Амос. Не знаю, Линкс. Мне почему-то хочется это сделать, когда я перейду границу, когда я буду в безопасности, понимаешь?

Линкс. Нет.

Брат Амос. Ну, все равно. Считаю, что это моя причуда.

Пауза.

Линкс. Брат Амос, а почему вы не хотите, чтоб об этом узнали люди?

Брат Амос (*страстно*). Люди?! А ты знаешь, что было бы, если б об этом узнали люди? Разве не опьянились бы они этой вестью и не исполнились бы великим рвением? Разве не разнесли бы они эту весть по миру, и не вложили бы ее в уши живущих? Разве тогда все народы — нищие, богачи, короли, воины, торговцы, невинные младенцы, старые девы, фальшивомонетчики, скупщики краденого, влюбленные, заклятые враги — не позабыли бы о своих жалких страстях, таких ничемных теперь?! Разве не стали бы они одним существом — многоруким, тысяченогим, с одной головой на всех, с одной мыслью в голове, с одним криком во рту?! Разве не пришли бы они к истокам Евфрата и не крикнули бы: «Вот! Мы — Человек! Мы плодился и размножались, мы пахали землю, мы создали ремесла и искусства, мы жили достойно, или хотя бы пытались это делать — нам надоело! Мы хотим обратно!» Разве устоит перед ними одинокий ангел с потухшим мечом — брошенный часовой у забытого поста? Красноречивые убедят его словами, воинственные запугают, кроткие растрогают, болезные разжалобят. И вернулся бы человек туда, откуда вышел, и стал бы равен и подобен Богу, и, может, против самого Бога измыслил бы мятеж — но нет всего этого. Нет и не будет. К счастью. Потому что пергамент — в шкатулке, шкатулка — у меня в руке, а я стою посреди пустыни и никому ничего не скажу.

Линкс. Похоже, что вы не очень-то любите людей.

Брат Амос. Да, Линкс. Я не очень-то люблю людей, но я к ним снисходителен. А вот они ко мне — нет. Да и к тебе — тоже.

Линкс. Брат Амос, а зачем вы туда идете?

Брат Амос. Я очень устал. Я иду домой. (*Пауза.*) Мой брат... Он ошибался. Взять рай с оружием в руках — не в силах человеческих. Но я знаю — где не пройдет большая армия, там пройдет маленький отряд; где не пройдет маленький отряд — пройдет один человек. Или два. Скажи, Линкс, ты пошел бы со мной?

Линкс (*ошеломленно*). Мне — с вами?

Брат Амос (*смотрит на Линкса оценивающе*). А почему бы и нет? У тебя нет выхода, Линкс. Люди отреклись от тебя. Теперь ты не один из них. Они не поймут всей красоты твоего поступка. Вернись ты к ним — и они убьют тебя, потому что теперь у тебя с ними не одна правда. Тебя ждет печальный удел изгнанника и беглеца. Я же предлагаю тебе новую жизнь, по-настоящему новую. Решай, Линкс. Иначе — мне придется убить тебя. Я слишком много тебе рассказал.

Линкс. Перестаньте, брат Амос. Я не настолько глуп, чтобы отказываться. Когда человек бежит, куда глаза глядят, и ему делают такое предложение — он не спорит. Я пойду с вами.

Брат Амос (*облегченно*). Я очень рад, Линкс. Такой попутчик, как ты — большая честь для меня. (*Деловым тоном*.) Теперь послушай — через день мы подойдем к границе. Там стоит крепость. Комендант крепости — посвященный и мой старый друг. Там мы отдохнем, запасемся водой и провизией и...

Линкс (*прерывает*). Брат Амос, когда вы последний раз видели коменданта?

Брат Амос (*немного растерянно*). Довольно давно, раньше мы обменивались письмами, а когда я был в монастыре, я не мог писать туда, чтоб не привлекать внимания, но почему это...

Линкс (*прерывает*). Брат Амос, комендант этой крепости полгода назад погиб в стычке с арабами. Мне очень жаль.

Пауза. Брат Амос в отчаянии закрывает лицо руками.

Брат Амос. Боже... Но кто теперь там комендант?

Линкс. Насколько я знаю, нового коменданта туда так и не прислали. Его обязанности выполняет вдова покойного. Вы ее знаете?

Брат Амос (*печально-рассеянно*). Да... Клото... Клото и ее воспитанница — Анна-Валентина... Когда они ехали в крепость, на их небольшой отряд напали кочевники. В жестокой схватке врагов удалось отбросить, но последствия этой стычки для обеих женщин были поистине роковыми. Анна-Валентина была тогда совсем ребенком, и от пережитого ужаса она — как бы это сказать? — утратила какую-то часть рассудка — или, может быть, наоборот, приобрела что-то, что оказалось непосильной ношей для ее маленького мозга.

Линкс (*немного раздраженно*). Попросту говоря — она тронулась. А со второй что произошло?

Брат Амос. Случайная стрела попала ей в голову. Рана оказалась не смертельной, но после этого Клото ослепла. Помимо этого у нее начались странные приступы, во время которых она теряет речь. В таких случаях она общается с миром через воспитанницу. Она создала свой особый язык, состоящий из прикосновений пальцами, который понимает только Анна-Валентина. Очень печальная история. Значит, крепостью сейчас управляют две женщины, одна из которых — слепая, а вторая — почти безумна. Как бы то ни было — деваться нам некуда. Пойдем, Линкс.

Линкс (*ободряюще*). Брат Амос, я вижу, вы расстроены. Утешьтесь, ведь самое главное — пергамент с вами.

Брат Амос (*улыбается*). Да. Спасибо, Линкс. Мне повезло, что я тебя встретил. Мы — хорошая пара. Такие люди, как ты, держат Землю. Такие, как я — приводят ее в движение.

Линкс (*улыбается*). А кто же живет на Земле, брат Амос?

Брат Амос. Ты разве не знаешь? Нищие духом, Линкс.

Линкс поворачивается, идет.

Брат Амос. Постой, ты оставил свою флягу!

Линкс. Она пуста, брат Амос. Значит, больше не нужна.

Уходят. Сцена пуста. Свист ветра. Входит Маллеус, осматривается, подбирает флягу, уходит.

Четвертое действие.

Пограничная крепость. Ночь. В полумраке сидят Клото и Анна-Валентина. Клото прядет, Анна-Валентина рассматривает книгу при свече.

Клото. Который час?

Анна-Валентина. Ты кого-то ждешь?

Клото. Того, кто скоро придет.

Анна-Валентина. А кто скоро придет?

Клото. Тот, кто идет подземным ходом. Я слышу шаги.

Анна-Валентина. Уже несколько дней нет времени. Песочные часы разбились, вода в клепсидре высохла, а гномон не отбрасывает тень, небо изменило цвет, оно стало серым, там нет солнца, и мне страшно.

Клото. Анна-Валентина, несчастное дитя, ты никогда не видела грозовых облаков. В этих местах дождь идет раз в десять лет.

Анна-Валентина. Да, Клото, я никогда не видела дождя, но знаю, что это. Это когда вода льется с неба. Еще я знаю, что это плохо.

Клото. Почему плохо?

Анна-Валентина. Я читала об этом в книге. Там есть история про человека, который очень любил зверей. Я тоже люблю зверей, особенно коров — они такие вкусные, но тот человек любил животных больше, чем я. Однажды он узнал, что скоро пойдет дождь. Тогда он решил спасти животных, только животных, на людей ему было плевать, и он ничего им не сказал. Он построил большой корабль, спрятал всех животных от дождя и был очень рад. Потом пошел дождь. Все думали, что это просто дождь, а это был особенный дождь, самый сильный, и назывался он по особенному — потоп, от слова «тонуть». И все утонули. А тот человек — спасся, и животные спаслись. Он плавал по воде, кормил животных и был счастлив. А потом он послал голубя... *(Резко захлопывает книгу)* ... А к нам тоже прилетал голубь!

Клото. Да, Анна-Валентина.

Анна-Валентина. Он принес зеленую веточку?

Клото. Нет.

Анна-Валентина. Он принес щепотку земли?

Клото. Нет.

Анна-Валентина. А что он принес?

Клото. Он принес письмо. А ты мне его читала.

Анна-Валентина. Я умею читать, но не всегда понимаю написанное. Что там было сказано?

Клото. Дурные вести. Нам грозит опасность.

Анна-Валентина. Что такое опасность?

Клото. Это враги. Их много. Голубь прилетел слишком поздно.

Анна-Валентина. Почему?

Клото. Они уже здесь. Ты ходила вечером на башню?

Анна-Валентина. Да, Клото.

Клото. Что ты там видела?

Анна-Валентина. Огоньки. Вокруг крепости всюду огоньки.

Клото. Это неверные. Они пришли, чтобы штурмовать крепость.

Анна-Валентина. А мы что будем делать?

Клото. Граф должен прислать помощь.

Анна-Валентина. А если враги начнут штурм?

Клото. Воины будут сражаться.

Анна-Валентина. А мы?

Клото. Мы будем ждать.

Анна-Валентина. Чего ждать?

Клото. Исхода.

Анна-Валентина. Какого исхода?

Клото. Любого. Помощи графа или падения крепости.

Анна-Валентина. Если крепость падет, нас убьют?

Клото (*убежденно*). Нет.

Анна-Валентина. Почему?

Клото. Потому что я слепа, а ты — безумна. А закон неверных запрещает убивать увечных и безумцев.

Анна-Валентина. А я точно безумна?

Клото (*убежденно*). Да.

Анна-Валентина (*улыбается*). Это хорошо.

Клото. К тому же, мы всегда можем бежать подземным ходом.

Анна-Валентина. Где сейчас кто-то идет?

Клото. Да. Они уже близко.

Анна-Валентина. Они?

Клото. Теперь я различаю, что их двое.

Анна-Валентина. Они скоро придут?

Клото. Скоро.

Пауза.

Анна-Валентина. Клото, расскажи мне сказку.

Клото. Какую?

Анна-Валентина. Про гору и трех женщин.

Клото. Далеко за морем есть большая гора. Она вся покрыта снегом, и там очень холодно. На горе живут три женщины. Каждая занята своим делом. У одной из них ящик. Ящик старый, но очень крепкий — он никогда не ломается. Не глядя, запускает она руку в ящик и вынимает не видя. А лежит в ящике удел человеческий. (*Тихо входит брат Амос, стоит, никем не замеченный, и слушает*). У второй есть свиток, бесконечный, как вечность, на котором она пишет то, что предначертано, и записанное уже никто не может изменить или исправить. Третья...

Брат Амос. Третья просто прядет. Но нитки у нее особые. Если ящик крепче лобых камней, а свиток длиннее времени,

то нитки ее коротки и ненадежны, и рвутся они постоянно, и приходится ей прясть вновь и вновь, ибо те нитки — жизни человеческие.

Анна-Валентина. Ты знаешь эту сказку?

Брат Амос. Я сам ее когда-то рассказывал.

Анна-Валентина. Ты ее напугал. Теперь она не сможет говорить.

Клото. Я не испугалась. Я слышала, как ты шел. Здравствуй. Не знаю, как теперь тебя называть.

Брат Амос. Как хочешь, Клото. Здравствуй.

Клото. Мой муж погиб.

Брат Амос. Я знаю. Он был моим другом. Ты ждешь сочувствия?

Клото. Нет. То, что не видишь, терять легко. Он умер быстро. Совсем без мучений. Анна-Валентина говорила, что она никогда не видела такого счастливого мертвеца.

Анна-Валентина (*важно кивает*). Да, это правда.

Брат Амос. Ты по-прежнему прядешь.

Клото. Да, только я пряду шерсть и лен. Они крепче, чем человеческие жизни. Ты ждешь помощи?

Брат Амос. Нет.

Клото. Я не могу тебе помочь. Ты видел, что творится под стенами?

Брат Амос. Видел. Их не меньше двух тысяч. Похоже, что они скоро двинутся на приступ.

Клото. Но сейчас ночь.

Брат Амос. Ночь — лучшее время для темных дел.

Клото. Если они начнут штурмовать прямо сейчас, то войску графа придется спасать лишь дымящиеся развалины.

Брат Амос. Граф обещал помощь?

Клото. Да, он прислал письмо. Там было предупреждение об опасности, обещание помощи и сообщение о двух преступниках, которых надлежит задержать.

Пауза.

Брат Амос. Но ты ведь не будешь этого делать?

Клото. Нет. А надо было б. Тот, второй человек — оруженосец?

Брат Амос. Да. Я встретил его в пустыне.

Клото (*иронично*). Что ж он не поднялся засвидетельствовать мне свое почтение.

Брат Амос. Боюсь, что он застенчив. Он предпочел остаться внизу, со стражниками.

Клото. Зная его манеры, это можно только приветствовать.

Брат Амос (*с легким возмущением*). Он — мой друг. И он пойдет со мной дальше.

Клото. Он поверил в твои сказки?

Брат Амос (*резко и гневно*). Это не сказки!

Пауза.

Анна-Валентина. Теперь она точно не сможет говорить.

Анна-Валентина подходит к Клото и берет ее за руки. Клото чертит у нее на ладони.

Анна-Валентина. Она спрашивает, нашел ли ты то, что искал?

Брат Амос. Да.

Анна-Валентина. Она спрашивает, счастлив ли ты теперь?

Брат Амос. Я буду счастлив потом.

Анна-Валентина. Она спрашивает — что будет потом?

Брат Амос. Я не знаю, что будет потом. Я иду, чтоб посмотреть на это.

Анна-Валентина. Она говорит, что это не в людских силах.

Брат Амос. Может быть. Может, я взвалил на себя непосильную ношу. Но так возвышается дух человеческий. Я играю с Богом в Его игру, по Его правилам, Его картами, наверняка крапленными — и все время проигрываю, но остальных не пускают даже на порог комнаты, где идет игра.

Анна-Валентина. Она говорит, что, может, и нет никакой комнаты, и Богу наскучили Его игры, а есть лишь гора, три женщины, ящик, свиток и нитки, которые все время рвутся.

Брат Амос берет прялку.

Брат Амос. У тебя кончились нитки, Клото. То, чего нет, порваться не может.

Клото поднимает с пола ворох ниток и дает брату Амосу.

Анна-Валентина. Она говорит, что, может быть, здесь есть твоя нитка. Храни их надежно. Тогда с тобой ничего не случится. Бойся потерять — ибо тогда твоя жизнь будет в руках ветра, зверя или человека — что хуже всего. Больше она ничего не может для тебя сделать. Она устала и хочет спать. *(От себя.)* Ты ей надоел. Она тебя не любит.

Брат Амос *(вспыхивает)*. Ах ты, мерзкая безумная девчонка!

Анна-Валентина *(обиженно, но важно)*. Обзывать не хорошо. А безумной быть хорошо. Потому что меня не убьют, а вот тебя — убьют! Да! Никто не может меня убить. Только Бог может пустить воду с неба и утопить Анну-Валентину.

Клото. Амос, тебе не совестно обижать девочку? Она не ведает, что творит.

Брат Амос *(раздраженно, с обидой)*. Твоя девочка прекрасно может постоять за себя сама. Знаешь, мне иногда кажется, что твои приступы не более, чем притворство, когда тебе не хочется говорить.

Клото *(улыбается)*. А тебе всегда хочется говорить?

Брат Амос *(почти умоляюще)*. Клото, я проделал долгий и опасный путь, чтобы попасть сюда. Ты могла бы...

Клото *(прерывает)*. Амос, зачем ты пришел? Ты говоришь, что помощь тебе не нужна.

Брат Амос *(очень смущенно)*. Клото, я хотел...

Клото *(прерывает резко и насмешливо)*. Что ж ты хотел?

Брат Амос *(он смущен еще больше)*. ...Не знаю... Я хотел... Я думал... Я хотел тебя спросить...

Врывается Линкс.

Линкс *(возбужденно)*. Брат Амос!

Брат Амос *(с тихим отчаянием и упреком)*. Линкс!..

Линкс *(кланяется женщинам)*. Ради бога, извините меня. Неверные пошли на приступ.

Слышен далекий шум боя.

Брат Амос *(деловым тоном)*. И что ты скажешь? Как долго крепость продержится?

Линкс. Это старая крепость. Здесь ветхие стены и мало людей. До рассвета тут не будет камня на камне.

Брат Амос. Все ясно. Нужно срочно бежать.

Анна-Валентина (*радостно, хлопая в ладоши*). Подземный ход, подземный ход!

Клото. Я не хочу.

Брат Амос (*устало*). Не сходи с ума. Они убьют тебя.

Клото. Не убьют. На мне их метка.

Линкс. Госпожа, это дикие племена, до сих пор тайно поклоняющиеся идолам. Они не берут пленных.

Клото. Все равно. Это — не жизнь.

Брат Амос (*презрительно*). Перестань. Да, твой мир — это мрак. Но когда во мраке появятся чужие гортанные голоса, запах немых, тел грязные пальцы и холод металла у тебя на шее, такой белой — что ты скажешь тогда?

Клото (*с отбращением поживается*). Хорошо, я пойду. Только чтоб доставить тебе удовольствие.

Шум битвы ближе. Брат Амос берет Клото и Анну-Валентину под руки, идет, Линкс стоит.

Брат Амос. Линкс! А с тобою что?

Линкс. Там на стенах воины. Что будет с ними?

Брат Амос (*спокойно, равнодушно*). Они умрут, Линкс. Все. Никто не спасется. Ты это хотел услышать?

Линкс (*в нерешительности*) Я знаю, но...

Брат Амос. Ты можешь им помочь?

Линкс. Нет.

Брат Амос. Ты можешь спасти крепость?

Линкс. Нет.

Брат Амос (*гневно, с сарказмом*). Так что ж ты ждешь?! Ах, да — конечно! Это же великий воин Линкс! Он хочет стать вместе с ними, там, на стенах; стать еще одним безымянным трупом, как велит его честь — эта шляха разума!

Линкс бьет брата Амоса по лицу, но брат Амос перехватывает его руку и крепко держит.

Брат Амос (*мягко и грустно*). Решай, Линкс. Ты хотел идти со мной. Иногда, чтоб стать человеком, нужно убить в себе все человеческое.

Линкс в нерешительности.

Брат Амос. Ну!

Линкс опускает руку и как-то обмякает. Брат Амос смеется злым и горьким смехом. Все уходят. Слышен шум битвы.

Пятое действие

Пустыня за крепостью. Раннее утро. Свист ветра. Выходит Маллеус.

Маллеус (*задумчиво, говорит сам с собой*). В час утренней тишины, в томительный краткий миг, между последним криком петуха и первым стуком ведра о стенку колодца, они, никем не замеченные прошли подземным ходом, чтоб обрести свое спасение в благословенном безлюдьи пустыни. Но не было стука ведра, потому что колодезь погребен под грудой камней, а петух — петух сейчас наверняка украшает пиршество победителей. Невинные всегда страдают. Как и всякий проводящий много времени вдали от людей, наедине с собой я становлюсь невероятно болтливым. Когда-то в детстве я видел одну женщину из племени кочевников. У нее были длинные крашенные хной волосы, яркого, почти неестественного цвета. Она расчесывала их роговым гребнем, а я стоял и смотрел, как сплетаются красные пряди и черные зубья; смотрел и не мог оторваться. Я вспомнил об этом, когда увидел, как горит крепость. Языки пламени выются между зубцами на стенах, как будто женщина-великан расчесывается исполинским гребнем. Это так красиво. Хотя, кому-нибудь другому эта картина показалась бы ужасной. Она наводила бы на мысли о бренности, страданиях и смерти. Они идут сюда, они уже близко. Четыре фигуры на фоне пасмурного неба, озаренного алыми отблесками. Их столько же, сколько букв в имени Создателя, сколько граней у квадрата, сколько сторон света, сколько стихий в природе, сколько рек течет из рая. Мое время еще не пришло.

Прячется. Входят брат Амос, Линкс, Клото и Анна-Валентина.

Анна-Валентина. Они ушли. Все сожгли и ушли. Зачем?
Брат Амос. Чтоб опять прийти, все сжечь и уйти.

Анна-Валентина. Есть ли в этом смысл?

Брат Амос. Смысл есть всегда.

Клото. Да, смысл есть всегда. Крепость была нашей темницей. Теперь мы свободны, Анна-Валентина. Теперь мы можем пойти, куда захотим.

Анна-Валентина (улыбается). Это хорошо.

Брат Амос. Клото, тебе лучше передохнуть.

Расстилает плащ, Клото садится, Анна-Валентина — рядом с ней.

Линкс. Брат Амос...

Брат Амос (устало). Линкс, перестань. Мне надоело. Я не хочу об этом говорить. Ты еще не успокоился?

Линкс. Я успокоился. Совсем успокоился. Скажите, мы ведь перешли границу?

Брат Амос. Думаю, что — да.

Линкс. Теперь мы наверняка в безопасности. Почему бы вам не открыть вашу шкатулку?

Брат Амос. Да, ты прав. Теперь можно. (Ищет шкатулку в сумке, меняется в лице.)

Линкс. Ну, что там?

Брат Амос (ошеломленно). Ее нет.

Линкс. Как — нет?

Брат Амос (он вне себя). Так! ...Моя шкатулка... она пропала... (Смотрит на Линкса.) Я знаю... это ты... ты ее украл! (Кидается на Линкса.)

Линкс (с трудом отводя его руки). Опомнитесь, брат Амос! Зачем мне ее красть? Я же не смогу прочесть, что там написано!

Брат Амос (сникает, он совершенно уничтожен). Да... да... значит, я сам потерял ее... Боже... я ведь так ее берег... я мог выронить ее где угодно — в пустыне, в подземном ходе — везде! Теперь все пропало...

Брат Амос опускается на колени и закрывает лицо руками, Клото горько смеется.

Клото. Как же себя должен чувствовать человек, когда цель его жизни в одночасье умирает у него на руках! Нельзя так сильно верить во что-то одно. Ты проиграл, Амос. У Бога опять оказалась крапленая карта. Он — как ребенок, Ему не

нравится, когда чужие трогают его игрушки. Даже когда они сломаны и выброшены на помойку.

Анна-Валентина. Так тебе и надо!

Брат Амос поднимает голову. На его лице — решимость.

Брат Амос. Нет, Клото. Игра еще не закончена. Это была бесценная вещь, но, в конце концов, это был всего лишь листок пергамента. А листок пергамента не может быть преградой для меня. У меня есть целый мир, и, если я могу читать в нем, я дойду. Я доберусь до четвертой реки и буду плыть вверх по течению, пока река не кончится. Там я встречу ангела и, клянусь, если придется — я задушю его голыми руками.

Клото. А если нет ангела, Амос? Если там вообще ничего нет? Если у Царства Небесного нет черного хода — что ты будешь делать тогда?

Брат Амос. Тогда — тогда я придумаю себе какое-нибудь другое занятие. *(Резко.)* Линкс, ты пойдешь со мной?!

Незаметно выходит Маллеус.

Маллеус. «Пойдут ли двое вместе, не стоворившись между собою? Ревет ли лев в лесу, когда нет перед ним добычи? Подает ли свой голос львенок из логовища своего, когда он ничего не поймал? Попадет ли птица в петлю на земле, когда силка нет для нее? Поднимется ли с земли петля, когда ничего не попало в нее?» Что дальше, брат Амос?

Все, опешивши, застывают на месте.

Брат Амос *(отрешенно)*. «Трубит ли в городе труба — и народ не испугался бы? Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь допустил бы? Ибо Господь ничего не делает, не открыв своей тайны рабам своим, пророкам».

Маллеус. Тебе знакомы эти слова?

Брат Амос. Да. Их сказал человек, подаривший мне свое имя. Пророк Амос. Ты все-таки нашел меня, Маллеус.

Маллеус. Да, брат Амос. Я нашел тебя. И нашел еще кое-что. *(показывает шкатулку, брат Амос делает произвольное движение к ней)* Ты так долго ждал, чтоб завладеть этой вещью. Ты стал монахом, потом — преступником, ты скитался по пустыне, ты нашел себе друга, ты терпел голод и жажду, ты

крался по подземному ходу — и все это время я шел за тобой, а ты не видел меня. Ты хотел совершить Великое, а ключ от Великого ты потерял. Скажи, ты ведь, наверное, очень хочешь получить его обратно?

Брат Амос (*через силу*). Да, хочу.

Все это время Линкс пытается подойти к Маллеусу сзади.

Маллеус (*не оборачиваясь*). Линкс, не стоит этого делать. (*брату Амосу.*) И нет, наверное, самого омерзительного поступка, который ты не совершил бы сейчас, чтобы опять обладать этой шкатулкой. Скажи — да?! Да? Ты ел бы нечистоты, ты целовал бы мне ноги, ты зарезал бы тысячу младенцев, ты проклял бы имя божье, ты совокупился бы с содомитом — но я не стану этого требовать от тебя. У меня сегодня хорошее настроение. На, возьми шкатулку.

Брат Амос в растерянности.

Маллеус. Ну, что же ты? Бери, не бойся. Открой ее. Ты заслужил

Брат Амос берет шкатулку и старается ее открыть.

Анна-Валентина. Клото, а что такое — содомит?

Маллеус (*с легкой улыбкой*). Дитя мое, об этом тебе лучше не знать.

Анна-Валентина. Я не дитя твое, я — Анна-Валентина.

Маллеус. Хорошо, Анна-Валентина. Извини. (*Брату Амосу.*) Ну, что там у тебя, брат Амос?

Брат Амос (*смущенно и растерянно*). Я не могу открыть.

Маллеус посмеивается

Маллеус. И тут у тебя ничего не вышло. Как же ты собирался прочитать то, что внутри? Но тебе повезло — у тебя есть я, а у меня сегодня хорошее настроение. Дай шкатулку.

Брат Амос дает Маллеусу шкатулку. Маллеус осматривает ее, что-то нажимает шкатулка открывается. Маллеус заглядывает вовнутрь и смеется.

Брат Амос (*в нетерпении*). Что там? (*Вырывает у Маллеуса шкатулку и застыивает ошеломленный*.)

Маллеус. И что же ты видишь там, брат Амос?

Брат Амос (*в отчаянии*). Там... там ничего нет! Только пыль.

Маллеус. Да. Только пыль. Пергамент слишком долго был заперт. Он не выдержал прикосновения воздуха. Счастье человеческое так хрупко. Выходит, все эти годы ты гонялся за кучкой праха.

Брат Амос (*он оправился, твердо, с ненавистью*). Перестань, Маллеус. Хватит надо мной издеваться. Ты пришел за моей головой?

Маллеус (*со вздохом, устало*). Нет, брат Амос. Я пришел за шкатулкой. Только и всего. Отдай ее мне и иди, куда хочешь. (*Забирает у брата Амоса шкатулку*.) Ты удивлен?

Брат Амос (*он удивлен*). Ты отпускаешь меня?

Маллеус. Да. Ты не рад? Епископу нужна только шкатулка. Он знает, что в ней. Что было в ней. Твоя голова ему не нужна.

Брат Амос (*саркастично улыбается*). Это очень любезно с твоей стороны, Маллеус. Если уж ты такой добрый, может, окажешь мне еще одну услугу?

Маллеус. Какую же?

Брат Амос (*вкрадчиво*). Ты ведь видел, что было написано на пергаменте, до того, как он превратился в прах. И ты знаешь этот язык.

Маллеус. Очень может быть. А почему я должен тебе это говорить? Чтоб облегчить тебе задачу? Я думал, ты не ищешь легких путей.

Брат Амос. А, что, по-твоему — это легкий путь?

Маллеус (*криво улыбается*). Но ты же, кажется, собирався задушить ангела голыми руками.

Брат Амос. Я передумал. (*Незаметно достает нож*.) Зачем мне душить ангела, если добрый Маллеус мне и так скажет. (*Резко поворачивается и упирает нож Маллеусу в живот*.)

Маллеус (*в притворном страхе*). Ах, нет, нет! Я боюсь крови! Не убивай меня! Я еще так молод! Я так хочу жить! (*Делает незаметное движение, брат Амос, хрипя, гибается пополам и падает у ног Маллеуса. Тот ухмыляется*.) А ты изрядный негодяй, брат Амос. Ты подл и коварен, прямо как я. Ты мне нравишься. Пожалуй, я скажу тебе.

Маллеус нагибается к брату Амосу и шепчет ему на ухо, брат Амос начинает смеяться через боль.

Брат Амос. Да... Хорошо придумано. Главное — как просто.

Маллеус (*становится серьезным*). Теперь ты, Линкс. Подожди ко мне.

Линкс, понурясь, подходит.

Маллеус. Я почти сразу догадался, почему ты это сделал. Когда я был подростком, однажды решил помериться силами с другим отроком, куда поздоровее меня. Мы барахтались в пыли, а мой друг стоял рядом и смотрел на наш поединок. И вот у меня получилось очень удачно — как мне тогда казалось обхватить своей ногой ногу противника. И что сделал мой друг? Он ударил меня по ноге, нога соскочила, и мой противник одержал победу. Когда я, кипя гневом, спросил друга, зачем он это сделал, он ответил — я спас тебя, ты бы все равно проиграл. Друга я возненавидел. Но со временем я поумнел и глубже заглянул в суть вещей. Я бы все равно проиграл, а он действительно меня спас, взяв на себя позор моего проигрыша. Ты не видишь ничего общего?

Линкс (*угрюмо*). Не вижу.

Маллеус. Ты слишком упрям. Ну и ладно. За твою голову назначена награда. Ты знаешь об этом?

Линкс (*с вызовом*). Знаю, но пока моя голова — на мне.

Маллеус. Ты напрасно дерзишь человеку, который пытается отнестись к тебе с сочувствием. Мне не хочется тебя убивать. Ведь в наши дни так редко встречаются благородство и преданность. Что же мне делать?

Линкс (*мрачно*). Придумай что-нибудь.

Маллеус. Уже придумал. Ты знаком с софистикой? Думаю — нет. А зря. Это раздел логики, при помощи которого иные мудрецы доказывают, что белая лошадь — не лошадь. Как тебе такое умозаключение: Линкс, стоящий здесь — опасный преступник, коего надлежит казнить; далее — Линкс направляется в место, куда попадают только праведники и только после смерти; следовательно — если Линкс попадет туда — он *de jure* становится праведником, что большого значения не имеет, но — что важно — в глазах людей он будет мертвецом, а мертвый преступник — не

преступник. Я же возвращаюсь в город, с чистой совестью объявляю, что Линкс мертв и получаю свои денежки. Неплохо придумано, а?

Линкс (*растерянно улыбается*). А ты хитрая bestия, Маллеус. Я думал о тебе плохо. Прости.

Маллеус (*шутливо*). Пустяки! Какие обиды между друзьями! (*стряхивает с себя веселье, становится серьезным и резким*.) А теперь — быстро уходите. Сюда идет отряд графа, и мое хорошее настроение кончится с минуты на минуту.

Пауза.

Брат Амос. Клото, я бы хотел...

Клото. Ты уже ничего не хочешь, Амос. Уходи.

Брат Амос с мольбой смотрит на Клото, но Клото его не видит Анна-Валентина украдкой показывает язык.

Маллеус (*резко*). Ты слышишь, что говорит женщина. Идите, а то будет поздно.

Брат Амос и Линкс идут.

Маллеус. Стойте!

Брат Амос и Линкс останавливаются в недоумении.

Маллеус. Мой последний дар. Я подобрал твою флягу, Линкс, и наполнил ее водой. Возьми, она тебе пригодится.

Линкс (*берет флягу*). Спасибо.

Маллеус (*со странной усмешкой*). Потом поблагодаришь. Уходите.

Брат Амос и Линкс уходят. Пауза.

Клото. Они ушли?

Маллеус. Да.

Клото. Что будет с нами?

Маллеус. Я отведу вас в город. Там вы найдете приют и защиту. (*Пауза*.) Ты знаешь, мне показалось, что тот человек хотел, чтоб ты пошла с ним.

Клото. Пойдут ли двое вместе, не сговорившись между собой? Этот человек причинил мне много боли. Я бы не пошла с ним.

Маллеус. Многие люди считают, что любовь — это счастье.

Клото. Может быть. Но те, кто не ведают любви — тоже счастливы. А что ты можешь знать об этом?

Маллеус. Совсем немного. В городе меня ждет женщина, чья любовь странна и противоестественна, как прекрасные глаза чудовища.

Пауза.

Клото. Что ты ему сказал тогда?

Маллеус. «У следа Адама воззови ко мне. Страж слеп, пройди молча».

Клото. Слеп, как я. Значит, любой может войти в рай?

Маллеус. Как видишь.

Клото. Я не вижу.

Маллеус. Извини.

Клото. Ничего. *(Пауза.)* Что же будет с ними?

Пауза.

Маллеус. Если ты действительно хочешь это знать — я расскажу. Когда они дойдут до дальних холмов, им захочется пить. Они выпьют воды и почувствуют дикую, нечеловеческую усталость. Они сядут отдохнуть, глаза их сомкнутся, и очень скоро их души отлетят. Вода отравлена.

Клото. Что?

Маллеус *(не обращая внимания).* Я позаботился о том, чтоб их смерть была легкой и сладостной. Они узрят дивные видения, то место, куда они так стремились: ангела, гостеприимно отворяющего врата, и самого Господа, который с улыбкой посадит их справа от себя. Я сам бы мечтал о такой смерти.

Клото. Но зачем ты это сделал?

Маллеус. По многим причинам. Я должен был выполнить обязательства — нельзя же портить свою репутацию. И еще — я был в тех местах, куда они идут. Там нет ничего особенного. И еще — пергамент превратился в пыль до того, как я успел заметить, что на нем написано. Слова, что я сказал — первое,

что пришло мне в голову, брат Амос мне действительно нравится, и мне хотелось сделать ему приятное. Они не перенесут разочарования. Лучше погибнуть на вершине деяния, чем потом влачить жалкие дни проигравшего. Но у них есть выбор. Они могут не пить из фляги; или Линкс может не поделиться с Амосом водой, он ведь теперь знает притчу. Я играю честно.

Клото. Боже, какой же ты подлец.

Маллеус. Неужели эти люди что-то значат для тебя? Ты ведь не ведаешь любви, Клото. Впрочем, ты можешь попытаться их спасти. Твои нитки, Клото. (*достает нитки, дает их Клото.*) Я подобрал их вместе со шкатулкой. Брат Амос не умеет хранить ценные вещи. Может, там есть и нить Линкса. Теперь их жизни в твоих руках. Это все, что я могу для тебя сделать. Нам пора уходить.

Анна-Валентина подходит к Клото. Клото чертит у нее на руке.

Анна-Валентина. Она больше не хочет с тобой разговаривать. Она говорит, что нет казни, которая была бы для тебя слишком жестокой. Она говорит, что небо тебя покарает.

Маллеус. Нет, Клото. Небо меня простит. И оно уже начало это делать. (*со странной улыбкой поднимает палец вверх.*)

Слышен шум дождя.

Анна-Валентина (*в ужасе*). Что это? А! Я знаю! Это потоп — вода с неба! Сейчас я умру! Сейчас мы все умрем!

Маллеус (*очень мягко*). Нет, дитя мое. Ты будешь жить долго и пресытишься жизнью. Это — дождь. Просто дождь.

Уходят под шум дождя, который усиливается и превращается в ливень.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Смоляк: талантливый человек талантлив во всем	3
Белый кит.....	5
Спор об Иове	21
Видение одинокого.....	51
Стихи	85
Четвертая река.....	165

Литературно-художественное издание

Борис Смоляк

БЕЛЫЙ КИТ

Редактор-составитель **Игорь Хазанов**
Художественное оформление **Алина Хазанова**
Корректурa **Игорь Хазанов**
Компьютерная верстка **Олег Щуклин**

Подписано в печать 20.02.2014
Формат 84x108/32. Гарнитура Lazurski. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 81

ООО «Алькор Паблишерс»
117292, г. Москва, улица Дмитрия Ульянова, д. 22